

Л. В. ЩЕРБА

Теория
русского
письма

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л. В. ЩЕРБА

ТЕОРИЯ
РУССКОГО ПИСЬМА

Ответственный редактор
Л. Р. ЗИНДЕР

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1983

Рецензенты:

В. В. ИВАНОВ, Л. И. СКВОРЦОВ

Лев Владимирович Щерба

ТЕОРИЯ РУССКОГО ПИСЬМА

*Утверждено к печати Институтом русского языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. А. Щербакова*. Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*. Корректор *Э. Г. Рабинович*

ИБ № 20736

Сдано в набор 03.03.83. Подписано к печати 20.12.83. М-49642. Формат
84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать вы-
сокая. Усл. печ. л. 7.14. Усл. кр.-отт. 7.35. Уч.-изд. л. 7.45. Тираж 9000.
Тип. зак. № 195. Цена 55 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Первая ордена Трудового Красного Знамени типография
издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Щ 4602000000-783
042 (02)-83 356-83-IV

© Издательство «Наука», 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Часть публикуемой книги Л. В. Щербы была впервые напечатана М. И. Матусевич в 1957 г.¹ В ее распоряжении было несколько страничек рукописи самого Льва Владимировича, содержащих «Предварительные замечания», и текст, написанный рукой Т. Г. Щерба, который начинается с тех же «Предварительных замечаний» и заканчивается характеристикой фонемы „ы“.²

Работа, писавшаяся в 1942—1943 гг. в Нолинске, куда Л. В. Щерба был эвакуирован из Ленинграда, считалась незаконченной.³ Однако в январе 1980 г. С. Г. Бархударов передал мне хранившиеся у него следующие материалы: 1) законченную оригинальную рукопись полного текста «Теории русского письма», 2) копию этой рукописи, подготовленную Т. Г. Щерба для переписки на пишущей машинке, и 3) три машинописных экземпляра по 191 странице каждый.⁴ Первые 65 страниц рукописи совпадают с опубликованной частью работы. Последние 13 страниц содержат небольшие отрывки из различных текстов (художественных и деловых), связь которых с теорией письма неясна.

Русское письмо занимало Л. В. Щербу на протяжении всей его жизни. Вскоре после окончания университета в 1903 г. он включается в работу Орфографической подкомиссии АН и уже в 1905 г. печатает статью «Несколько слов по поводу „Предварительного сообщения орфографической подкомиссии“».⁵ В советское время Л. В. постоянно участвовал в работе по упорядочению орфографии и ее реформе и неоднократно выступал по этим вопросам в печати. В последние годы жизни он подвел итог своим разысканиям в публикуемой книге.

¹ Щерба Л. В. Теория русского письма. — В кн.: Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957, с. 144—175.

² Хранится в ЛО Архива АН СССР, ф. 770, оп. 1, № 142.

³ См.: Избр. раб. по рус. яз., с. 184, прим. 12.

⁴ Хранятся в ЛО Архива АН СССР.

⁵ Русский филологический вестник, 1905, т. IV, Педагог. отдел, с. 68—73.

По Щербе, теория звукового письма, поскольку оно в отличие от идеографического служит для передачи на письме звукового облика языковых единиц, должна включаться в фонетику; в «Фонетике французского языка» мы и находим главу «Правила алфавита и орфографии»,⁶ а теорию русского письма он строит на основе подробного анализа его фонологической системы. В книге обсуждаются спорные вопросы, касающиеся состава гласных и согласных фонем русского языка, такие, как вопрос о фонематической трактовке „ы“, палатализованных заднеязычных, долгих палатализованных шипящих. Не забывает Л. В. и вопроса о сочетаемости фонем.

Характерной особенностью теории Л. В. Щербы является то, что в ней находит место анализ чисто фонетических черт реализуемых в речи фонологических единиц. Он обращается к такому анализу, например, для того, чтобы объяснить читателю (а рассчитывал он не только на филологов) значение букв *я, ю, ё* после согласных. Он показывает, что отображаемые этими буквами гласные в данной позиции имеют вид „*я, ю, ё*“, существенно отличный от гласных, передаваемых буквами *а, у, о* в той же позиции. Однако соответствующие гласные („*я — а, ю — у, ё — о*“) не противопоставлены фонологически, не образуют разных фонем; таким образом, различное буквенное обозначение их служит для выражения противопоставления предшествующих согласных (палатализованных и непалатализованных).

Хотелось бы обратить внимание еще на один пример фонетического анализа, который мы находим в этой работе Л. В. Речь идет о причинах необязательного употребления палатализованных согласных перед гласным „*е*“ (ср. *Бэла, кэб, тест, просторечное пионер* и др.). Наличие твердого согласного в подобных случаях говорит о том, что более обычное сочетание мягкого согласного с *е* не является результатом действия механизма произношения. «*. . .* при русских мягких согласных, читаем мы, язык поднимается к нёбу так же сильно, как при гласном „*и*“, а следовательно, гораздо больше, чем при гласном „*э*“ (т. е. „*е*“), а отсюда вытекает, что мягкость согласных перед этим гласным вовсе не является результатом живой ассимиляции» (§ 36).

С общefonетической точки зрения исключительный интерес представляет часть II, посвященная небуквенным обозначениям, широко трактуемым Л. В. Щербой. Он относит к ним и пробел, и даже прописные буквы как символы членения на слова, а также

⁶ Вслед за Л. В. Щербой главы о письме включили в свои книги: О. И. Дикушина (Фонетика английского языка. Л., 1952); О. Н. Никонова (Фонетика немецкого языка. Л., 1948); И. П. Сунцова (Вводный курс фонетики немецкого языка. Киев, 1951); М. А. Вил-

и другие знаки, служащие для выражения иных видов членения потока речи и для обозначения интонации.

В то время, когда Л. В. Щерба писал этот раздел, он с полным основанием мог сетовать на то, что ритмика и интонация «русского языка до сих пор почти что не изучена» (§ 138). С тех пор положение дел в этой области фонетики русского языка коренным образом изменилось. Однако высказанные Л. В. на заре интонологии мысли, касающиеся проблемы интонационных единиц и их типологии, а также значения интонации для адекватного понимания текста, звучат с особенной силой в наши дни, т. е. после более чем двух десятков лет интенсивных исследований.

Итак, отправным пунктом для построения теории письма является, по Щербе, фонетика данного языка. Другим общим положением, на котором основывается теория письма Л. В. Щербы, является различие графики и орфографии. Следуя в этом за Бодуэном де Куртенэ, Л. В. Щерба, как мне кажется, дает этому противопоставлению несколько иное толкование.

Если по Бодуэну это два аспекта, две стороны, присутствующие в каждом факте письма, то по Щербе это две категории правил, как бы отдельно существующие. По Бодуэну в каждом из написаний *кот* и *год* отражены одновременно и графика и орфография. По Щербе же первое продиктовано правилом графики, а второе — правилом орфографии. По-видимому, он относит к графике только так называемые основные значения букв. Это как будто вытекает из следующих его слов по поводу написания буквы *g* в *ego* и т. п.: «Однако никому не придет в голову утверждать, что звук „в“ в русском языке может изображаться не только через букву *e*, но и через букву *g*: немецкую фамилию *Wiese* никак нельзя написать по-русски *Гизе*» (§ 1).

К такому пониманию соотношения графики и орфографии Л. В. Щерба, надо думать, пришел не сразу. Во всяком случае, в «Фонетике французского языка» в таблице «От звука к букве» представлены все возможные буквенные обозначения фонем без каких-либо оговорок.⁷

Говоря об основных положениях щербовской теории письма, нельзя не сказать о требовании различать активную и пассивную грамматику. В приложении к теории письма это означает, что в ней следует иметь в виду и пишущего и читающего. Соответственно в его книге подробно излагаются, с одной стороны, правила изо-

лер, М. В. Гордина, Г. А. Белякова (Фонетика французского языка, Л., 1978).

⁷ Аналогичным образом поступают и авторы названных выше учебников, являющиеся учениками и последователями Л. В. Щербы.

бражения фонем русского языка и, с другой стороны, правила чтения русских букв.

Много внимания уделено в книге вопросу о принципах орфографии, причем кроме русского широко привлекается французский, немецкий и английский материал. Л. В. Щерба выступает здесь не как беспристрастный исследователь, а как пропагандист прогрессивных взглядов на задачи правописания. Все, кто занимается проблемой совершенствования орфографии, найдут в этом разделе много важных и хорошо обоснованных мыслей.

В целом надо сказать, что насыщенная разнообразным содержанием книга Л. В. Щербы, написанная с присущей ему простотой, заставляет задуматься над многими вопросами общей и русской теории письма, общей и русской фонетики.

При подготовке книги к печати было решено сверить весь машинописный экземпляр с собственноручною рукописью Льва Владимировича, так как при первом прочтении было обнаружено много расхождений между ними: пропусков, неправильно прочтенных слов, неверно расшифрованных сокращений. Работа эта потребовала много времени, так как рукопись Л. В., которому приходилось работать в очень трудных условиях эвакуации во время войны, представляет собой густо исписанные оборотные стороны использованной ранее весьма низкосортной бумаги. В рукописи ножество помарок, исправлений, вставок, сокращений и т. п. Нумерация параграфов сбивчива и не во всех разделах имеется. Отсутствуют в рукописи упоминаемые в § 50 профили русских гласных.

Существенных пропусков, если не считать некоторого количества примеров, в рукописи нет. Таким образом, можно считать, что в ней полностью представлена «Теория русского письма», как она была задумана Л. В. Щербой. Об этом свидетельствует и подробный проспект (около двух страниц машинописи), хранившийся вместе со всей рукописью у С. Г. Бархударова. Судя по некоторым стилистическим особенностям, проспект был написан самим Львом Владимировичем.

Сверка с рукописью выполнена ст. научн. сотр. Лаборатории эксп. фонетики Ленинградского университета А. С. Штерн и проф. Л. Р. Зиндером. Нерасшифрованными остались лишь отдельные слова.

Все исправления и дополнения в соответствующих местах оговариваются. Упомянутые выше профили артикуляций печатаются по подлинникам, обнаруженным в ЛО Архива АН СССР.⁸

Рукопись подготовлена к печати доцентом Ленинградского университета Н. Д. Светозаровой.

Л. Р. Зиндер

⁸ ЛО Архива АН СССР, ф. 770, оп. 1, ед. хр. 130.

ГЛАВНЫЕ СТАДИИ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПИСЬМА
И ОСНОВНОЙ ХАРАКТЕР
РУССКОГО ПИСЬМА

Письмо есть средство коммуникации между людьми в тех случаях, когда непосредственное общение для них почему-либо невозможно, т. е. практически когда они разделены пространством (географически) или временем (хронологически).

Хотя и на первых ступенях своего развития письмо было, конечно, тесно связано с устным языком, однако связь эта вначале была очень неопределенная: т. е. наивные рисунки, посредством которых первобытный человек пытался передать другим свои мысли, чувства, желания и которые известны под названием пиктографии, можно читать (если не понимать) по-разному. В самом деле, как прочесть ту вывеску, которую еще недавно можно было видеть у парикмахера в захолустьях нашего отечества и которая изображает человека с намыленной щекой.¹ *Парикмахерская, Цирульник, Здесь бреют.* (Этот последний вариант поддерживается встречающейся на некоторых вывесках припиской — *и кровь отворяют*). Примеры настоящих пиктографических сообщений малокультурных народов можно найти в любом учебнике по истории письма. Конечно, и при пиктографии какая-то фраза или фразы устного языка предносились сознанию пишущего.

Однако есть все основания думать, что письмо в данном случае не являлось результатом систематического линг-

¹ Подобные вывески являются, конечно, пережитками пиктографии, поскольку они понимались как заменители надписей. Недаром столичная царская полиция, стыдясь перед иностранцами нашей малограмотности, всячески их искореняла.

вистического анализа * конкретных фраз устного языка на те или другие языковые знаменательные части (например, слова). Этот отрицательный признак — независимость письма от того или иного смыслового, но чисто лингвистического членения речи — и надо считать характеристикой той стадии развития письма, которая называется пиктографией.

Следующая стадия развития характеризуется уже большей связью с устным языком: письмо на ней появляется в результате анализа конкретных фраз на знаменательные части (например, слова), каждая из которых получает свое изображение, сначала реальное, а потом символическое — свой иероглиф. В связи с этим данная стадия известна под названием иероглифического письма.

Наконец, последняя стадия развития письма характеризуется анализом речи уже на отдельные звуки и звуковые комплексы и их обозначением посредством тех или иных символических знаков — букв. Эта стадия потому и называется звуковым письмом.¹

Само собой разумеется, что все эти стадии являются до известной степени абстракциями. На самом деле между ними в реальных письменностях наблюдается множество переходных случаев, и на практике можно говорить лишь о преобладании того или другого принципа в той или другой письменности определенной эпохи.

Русское письмо наряду с письмом громадного большинства современных литературных языков (кроме, однако, китайского и японского) является настоящим звуковым письмом. Однако и в нем можно вскрыть иероглифические и даже пиктографические элементы. В качестве последних приводят обыкновенно знак † в смысле скончался, знак Δ в геометрическом языке в смысле треугольник и т. п. Иероглифами являются наши цифры, знаки = (равно), < (меньше), > (больше) и т. п. Мы увидим ниже, что иероглифический принцип играет большую роль в английском правописании, несколько меньшую — во французском и хотя совсем небольшую, но все же играет ее и в русском и в немецком.

Если мы задумаемся, однако, хорошенько в современное письмо европейских народов, то придем к заключению,

* Л. В. употребляет здесь слово «анализ» в смысле «разложение, членение». (Прим. ред.).

¹ Что касается слогового письма, то оно является лишь частным случаем звукового.

что столь важный в нем элемент, как делимость на слова, тоже является в сущности применением иероглифического принципа. Действительно, граница слов фонетически или ничем не выражена, как например во французском, или выражена настолько слабо, что возможны всяческие недоразумения: по-немецки с фонетической точки зрения ничто не заставляет делить *Der Vogel singt* так, как это имеет место, и с фонетической точки зрения вполне можно было бы написать, например, *Dervo gelsingt*; по-русски *сила рук* вполне можно было бы написать *си ларук*. В очень многих языках слова как самостоятельные единицы выражаются словесным ударением. Не говоря уже о том, что в языках со свободным ударением это, как мы только что видели, не определяет границ слова, мы должны были бы, руководствуясь словесным ударением, все энклитики и проклитики не считать за особые слова и писать их слитно со словами, к которым они относятся. По-русски, следовательно, мы должны были бы писать *подстолбм, на́реку, говорíлон, я́ зна́ю, что ты́приде́шь*; по-немецки — *einbúch, wirspréchen, alser-pachhausekát*¹ и т. п. Таким образом, белое место между словами, с одной стороны, и дефис, с другой, надо считать за своего рода иероглифы.

Далее, такой знак, как кавычки, надо также, конечно, считать иероглифом, т. к. он решительно ничего не выражает фонетически. Многие запятые в русском, немецком, чешском тоже ничего не выражают и употребляются иероглифически. В сущности даже про такие элементы нашего письма, как знак вопросительный, можно спрашивать себя, что он в первую голову выражает — вопрос или вопросительную интонацию. Это еще более справедливо и по отношению к прочим знакам препинания. То же относится и к прописным буквам после точки. Что касается прописной буквы имен собственных, то они, конечно, являются чисто иероглифическим элементом.

ОСНОВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КНИГИ

Чтобы построить теорию русского письма, надо прежде всего сделать обзор относящегося сюда материала: во-первых, определить звуковые выразительные средства

¹ По-французски *je ne puis pas me rappeler*.

русского языка вообще и выделить те из них, которые нашли себе то или другое обозначение на письме; во-вторых, надо определить те смысловые элементы, которые нашли себе непосредственное обозначение на письме, в той или другой степени минуя звуковое посредство; в-третьих, надо выделить те элементы русского письма, которые имеют только звуковое значение, и те, которые имеют или чисто иероглифическое значение, или смешанное — полужвуковое, полуиероглифическое.

К числу звуковых выразительных средств русского языка относятся прежде всего звуки речи — согласные и гласные, — длительность (или, как говорят в фонетике, «количество» звуков), так называемое «словесное ударение», паузы, вообще ритм и, наконец, интонация в самом широком смысле этого слова. Хотя и в гораздо меньшей степени, но сюда относится и слоговое строение. Из них на письме нашли себе систематическое обозначение лишь отдельные звуки и их длительность. Интонация и паузы нашли себе в некоторых случаях попутное обозначение в знаках, которые имеют и непосредственное смысловое значение. Слоговое строение обозначается лишь в некоторых случаях (см. ниже § 29).

К числу смысловых элементов, нашедших себе в той или другой степени непосредственное обозначение на письме, относится прежде всего членение нашей речи на слова, а гораздо менее систематически — различные типы и иного ее членения; иногда тот или иной характер связи между отдельными элементами речи; характеристика тех или иных элементов речи как утверждение или вопрос; особая аффективность утверждений, вопросов и особенно приказаний; некоторые специальные характеристики тех или других отрезков речи, например чужая речь, прерванная речь и т. д.

Что касается элементов письма, то буквы имеют исключительно звуковое значение, а белые пространства между словами, дефисы и так называемые знаки препинания (включая и красную строку) имеют или чисто иероглифическое значение, или смешанное — полужвуковое, полуиероглифическое; сюда же относится употребление прописных букв.

В связи с только что установленным различием в функциях элементов нашего письма его теорию правильнее всего разбить на две части: 1) употребление знаков, обозначающих звуковые элементы русского языка, и 2) упот-

ребление знаков, обозначающих в первую очередь некоторые грамматические и смысловые элементы русского языка. В первом случае это будут в основном знаки для тех звуковых элементов, которые дифференцируют отдельные слова, т. е. буквы; во втором — это будут в основном знаки, характеризующие посредственно или непосредственно синтаксические единицы речи, хотя бы они и состояли из одного слова, т. е. в первую очередь так называемые знаки препинания, а вообще небуквенные знаки письма. В общем это будет отвечать традиционному делению на «Правописание»¹ и «Пунктуацию»; только слитное, дефисное и раздельное написание, а также употребление прописных букв при нашем делении переносятся из традиционного Правописания в Пунктуацию. Для краткости первую часть проще назвать «Значение и употребление букв русского алфавита», а вторую — «Значение употребления небуквенных знаков русского письма».

¹ Слово «правописание», как видно будет из дальнейшего, я употребляю в более узком, специальном смысле.

Часть I

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ РУССКОГО АЛФАВИТА

ГРАФИКА И ПРАВОПИСАНИЕ

§ 1. Согласно сказанному на предыдущих страницах, первая часть посвящена буквам русского письма и правилам их употребления. Приглядываясь [однако] ближе к [этим так называемым] различным «правилам правописания», можно заметить, что среди них надо различать две совершенно различные категории правил. Одни говорят о значении букв данного языка совершенно независимо от написания тех или других его слов; другие говорят о написании конкретных слов данного языка, которое может находиться в отдельных случаях и в полном противоречии с правилами первой категории.

Так, по-русски в окончании родительного пад. ед. ч. муж. и сред. рода прилагательных и местоимений пишется *з* вместо произносимого „в“: *красного, синего, его, самого* и т. п. вместо *красново, синево, ево, самоево* и т. д. Однако никому в голову не придет утверждать, что звук „в“ в русском языке может изображаться не только через букву *в*, но и через букву *з*: немецкую фамилию *Wiese* никак нельзя написать по-русски *Гизе*. В написаниях *красного, его* и т. п. мы имеем, таким образом, дело с правилом второй категории. Наоборот, когда мы пишем русскими буквами китайские географические названия *Яньчэн, Чжэцзян* через букву *э*, то мы поступаем согласно правилам первой категории, которые дают возможность изобразить твердый звук „ч“ и его звонкую параллель, передаваемую сочетанием „чж“. При этом мы поступаем так вопреки правилу второй категории, по которому после шипящих никогда не пишется буква *э*. Очевидно, что правило это относится только к русским словам или к словам, ставшим совсем русскими.

§ 2. Многим кажется, что в словах *вода, голова* и т. п. буква *о* изображает звук „а“, и это фактически, конечно,

так. Однако никак нельзя сказать, что в русском алфавите звук „а“ в неударенном положении изображается или через букву *a*, или через букву *o*: французскую фамилию *Sardou* никак нельзя написать *Сорду*. И когда мы пишем *o* в словах *вода*, *голова*, то пишем одну букву вместо другой, сознательно изображая в силу того или иного правила второй категории не тот звук, который на самом деле произносится.

§ 3. То же самое имеет место и в тех случаях, когда мы на конце слов вместо букв для глухих согласных пишем буквы для соответственных звонких, например *боб* вместо *бон*, *воз* вместо *вос* и т. п. Мы это делаем опять-таки не потому, что в русском алфавите буквы для звонких согласных могут изображать в известных случаях и глухие: мы сознательно в силу определенного правила второй категории ставим одну букву вместо другой; но никому не придет в голову немецкую фамилию *Roth* написать *Род*, хотя с точки зрения законов русского произношения это и вполне возможно, о чем будет сказано в следующем параграфе.

§ 4. Написание *o* вместо *a* и звонких вместо глухих, а в известных случаях и обратно (*просьба* вм. *прозьба*) облегчается тем, что в русском языке нет неударенного „о“, на конце слов в произношении невозможны шумные звонкие согласные („б, в, д, з, ж, г“), а перед шумными (кроме „в“) в произношении возможны лишь однородные согласные, т. е. звонкие перед звонкими и глухие перед глухими. Однако все это нас несколько не уполномочивает говорить, что буквы русского алфавита *o*, *б*, *в*, *д*, *з*, *ж*, *г*, а в конце концов и *п*, *ф*, *т*, *с*, *ш*, *ц*, *ч*, *к*, *х* (ср. *отдать* вм. *оддать*, *к дому* вм. *г дому* и т. д.) двусмысленны, т. е. имеют два звуковых значения: „о“ и „а“, „б“ и „п“, „в“ и „ф“, „д“ и „т“, „з“ и „с“, „ж“ и „ш“, „г“ и „к“ и наконец: „п“ и „б“, „ф“ и „в“, „т“ и „д“, „с“ и „з“, „ш“ и „ж“.

§ 5. Явления, аналогичные только что описанным, имеются в письменности многих языков. Так, во французском алфавите буквы *s* и *g* перед буквами *e*, *i*, *u* обозначают звуки, близкие к русским „с“ и „ж“, и звуки, близкие к русским „к“ и „г“, во всех прочих случаях: *cil* ‘ресница’, *genou* ‘колени’, *cas* ‘случай’, *gare* ‘вокзал’; и это является просто правилом алфавита, совершенно не зависящим от написания тех или иных конкретных слов. Но в слове *fette*, произношение которого русскими бук-

вами можно было бы изобразить „фам“, пишется *e* вместо *a* исключительно в силу правила второй категории, т. е. в силу истории этого слова, происходящего от латинского *femina*, и никак нельзя сказать, что буква *e* перед *tt* вообще произносится как буква *a* (ср. слова *lettte*, *gettte*, где буква *e* имеет свое обычное для этого положения значение).

§ 6. В немецком языке кроме случаев, подобных русскому в области согласных, имеются и другие — аналогичные случаям различения старого *ѣ* и *e* в дореформенном русском правописании: так, немецкие сочетания *aa* и *ah* по правилам первой категории оба обозначают „а“ долгое; но в одних словах пишется *aa*, например *Aal* ‘угорь’, а в других — *ah*, например *kahl* ‘голый’, ‘лысый’, и это имеет место уже согласно правилам второй категории. Подобных случаев особенно много в английском языке: так, «i» (долгое) может быть изображено через *e* в открытых на письме слогах, через *ee*, через *ea* и через *ie* (*these* ‘эти’, *feel* ‘чувствовать’, *speak* ‘говорить’, *chief* ‘вождь’, ‘главный’) и т. д.

§ 7. Таким образом, правилами первой категории определяются звукоизобразительные возможности письменных знаков данного языка (не считая, однако, знаков препинания), а говоря проще, значения букв алфавита в данном языке. Правилами второй категории определяются написания конкретных слов данного языка, зачастую сознательно противоречащие правилам первой категории. Зная правила первой категории, можно вполне точно писать все слова данного языка, хотя это и будет выглядеть с точки зрения традиционного письма очень безграмотно, а потому окажется очень трудным для чтения и понимания. Однако если бы правописание того или другого языка было чисто фонетическим, то запись считалась бы по правилам первой категории вполне грамотной, поскольку никаких правил второй категории и не существовало бы в этом языке.¹

§ 8. Вот пример такой записи в применении к русскому языку:

В адной из аддалённых улиц Масквы, ф серам доме з белыми калоннами, антресолью и пакривифшымся балконам жыла некагда барыня, вдава, акружонная многа-

¹ Само собой разумеется, что при записи слов другого языка в основном следует пользоваться правилами первой категории.

численной дворней. Сынавья её служыли ф Петербурге, дочери вышли замуш; она выежжала ретка и уединённа дажывала последнии годы сваей скупой и скучяющей=скучяющей старости. День её, нерадастный¹ и ненастный,² давно прашил; но и вечер её был чернее ночи.³

Вот пример записи того же текста при дореформенном алфавите:

В одной изъ = изъ адаленных улицъ = улицъ Масквы, ф сѣрам = серам домѣ = доме з бѣлыми = белыми калоннами = калоннами, антресолю и = і накривифшымся = накривифшымся балконам жыла нѣкагда = некагда барыня, вдова, акружонная многачисленной = многачисленной дворней. . .

Вот пример такой записи в применении к французскому языку:

Il è cinq (=sink) eur (=oeur) du soir. On lé voi tou lé troi remué au (=ô) fon d la tranché (=trenché) sombre (=sonbr).⁴

Вот пример аналогичной записи в применении к немецкому языку:

Ess (=äss) scheint (=schaint) jedoch (=jehdoch=jedoch), dass er (=ehr) seinen (=sainen) drei (=drai) Kindern seine (=saine) Kleinodienn (=Klainohdienn=Klainoodienn), dass Schwert (=Schwehrt=Schweert), dass Horn unt den (=deen=dehn) Ring zurücklieβ (=zührücklieβ=zurücklieβ=zurückliβ).⁵

Вот пример аналогичной записи в применении к английскому языку:

I had not the courage (=curridge) to see any one (=wun) that night (=niyt). I had not even the courage (=currij) to see (=sea) myself, for I was (=woz) afraid that my tears (=teers) might a little reproach me. I went up to my room in the dark (=dahk) and prayed (=preyd) in the dark, and lay down in the dark to sleep (=sleap). I had no need of any light (=liyt) to read (=reed) my guardian's (=gar-

¹ Возможна и форма радасный.

² Возможна и форма ненасный.

³ Начало повести Тургенева «Муму». Знак равенства показывает, что оба написания одинаково возможны.

⁴ Вот этот текст в обычном написании: Il est cinq heures du soir. On les voit tous les trois remuer au fond de la tranchée sombre (из Barbusse. Le feu).

⁵ Вот этот текст в обычном написании: Es scheint jedoch, daß er seinen drei Kindern seine Kleinodien, das Schwert, das Horn und den Ring zurücklieβ (из Heine).

dian's) letter by, for I knew (=new) it by heart (=hart). (Ch. Dickens. Bleak House).*

§ 9. Спрашивается, как называть правила только что выясненных двух категорий. Проф. Бодуэн де Куртене называл правила первой категории «правилами графики». Хотя слово «графика» и может быть понято в смысле «внешняя форма букв», однако я решил все же предпочесть термин Бодуэна термину «правила алфавита», так как этот последний несколько сужает понятие, которое здесь имеется в виду. Что касается правил второй категории, то их проще всего называть «правилами правописания», т. к. при чисто фонетическом письме, как было только что сказано, нет самих этих правил, как нет в сущности и никакого «правописания». Дело в том, что самое понятие «правописания» или «орфографии»¹ возникает лишь в тот момент, когда по тем или другим причинам начинают писать не так, как говорят, и когда, таким образом, «правильным» будет то написание, которое условно всеми принято, хотя бы оно и не соответствовало звукам данного слова.

§ 10. В связи со всем этим часть первая всей книги — «Значение и употребление букв русского алфавита» — распадается в свою очередь на две:

- А. Русская графика или теория русского алфавита и
- Б. Русское правописание и его принципы.

Однако, прежде чем перейти специально к правилам русской графики, необходимо осветить три вопроса, имеющие большое значение для всех дальнейших рассуждений:

1. Вопрос о семантизации звуковых различий, в связи с чем стоит вопрос о том, что следует понимать под отдельными звуками речи;

2. Вопрос о разных стилях произношения;

3. Вопрос об отношении орфоэпии к орфографии.

В связи с первым вопросом полезно сказать несколько слов и о научной фонетической транскрипции.

СЕМАНТИЗАЦИЯ ЗВУКОВЫХ РАЗЛИЧИЙ

§ 11. Не всякое звуковое различие используется в языке в целях взаимопонимания: противоположения

* В рукописи этот пример отсутствует. (Прим. ред.).

¹ Термин «правописание» есть точный перевод греческого термина «орфография».

баса и тенора, хриплого и чистого голоса, громкого голоса и шепота и т. п., хотя и могут о чем-то сигнализировать слушателям, но в русском языке не соединены ни с какими языковыми смысловыми противоположениями. Наоборот, противоположение падающей и восходящей интонации во фразе *Приехал* и *Приехал?* ассоциировано с противоположением утверждения и вопроса. Это противоположение, как говорил Бодуэн, семантизовано¹ (в последнее время по почину Пражского лингвистического кружка такое противоположение стали называть фонологическим), т. е. осмыслено. Понятие «семантизации» является одним из самых основных понятий языкознания: это то, что делает языковыми явления, не имеющие к языку никакого отношения. Так, противоположение красного и зеленого цветов семантизовано в железнодорожном деле и является зачаточным элементом зрительного языка, который в морской сигнализации достиг значительной степени развития.

§ 12. С этим понятием тесно связано и понятие отдельного звука речи. Дело в том, что в речевом потоке объективно наблюдается крайнее разнообразие звуков, которое мы нормально, однако, не замечаем, воспринимая как одинаковое довольно разное звучание. В самом деле, то, что мы считаем за один звук „т“, будет чувствительно разным перед „а“ и перед „у“. Например, в словах *та* и *ту*: в последнем случае он будет слегка огублен, а в первом — нет (в этом всякий может легко убедиться, произнося эти слова перед зеркалом). Подобное же различие наблюдается между начальным и конечным „т“ в слове *тот*: „т“ оказывается огубленным и перед русским „о“, которое начинается с очень короткого элемента „у“, и может быть обозначено как „уо“. Кроме того, между двумя „т“ в этом последнем слове имеется еще и то различие, которое обусловлено слоговым строением: всякий согласный в начале слога произносится иначе, чем в конце его (см. ниже § 27). Если обратиться к гласным, то увидим, что их качество очень зависит от окружающих согласных: то, что мы считаем за одно и то же „а“, между двумя переднеязычными, например в *ра́да*, произносится

¹ Бодуэн говорил семантизовано или морфологизовано, имея в виду такие случаи, когда то или другое звуковое различие соединено с различиями морфологическими. Однако без семантики нет морфологии, а потому термин «семантизация» вполне может покрывать и понятие «морфологизация».

на самом деле совсем по-другому, чем между двумя глубокими, например в *баба*.¹ Различие гласных перед твердыми и перед мягкими согласными, например в словах *стол* и *столь*, *быт* и *быть*, *села* и *сели*, давно подмечено и очень слышно даже и для неопытного уха. Такое же различие наблюдается и при „и“, например в словах *бит* и *бить*. Менее заметны, хотя все же имеются, различия при „о“ и „у“ в этом же положении. Не менее заметны различия гласных, зависящие от ударения: два „а“ в слове *са́да*, два „и“ в слове *ви́дит* качественно не тождественны, хотя мы этого нормально не замечаем.

Почему же нормально мы не замечаем этих различий и вполне отождествляем такие разные звуки, как например „е“ в словах *сел* и *сели*? Ответ очень прост: потому что эти различия вовсе не семантизованы, потому что порусски нельзя себе представить двух слов, которые бы отличались друг от друга, например, лишь качеством двух „е“, как это имеет место во французском, где, например, *pré* ‘луч’ с закрытым «е» отличается от *prêt* (с непроизносимым *t*) ‘готовый’ с открытым «е». Мы даже затрудняемся воспроизвести в отдельности различие наших двух „е“, хотя оно значительнее различия двух французских «е», нашедшего себе там даже графическое выражение. Все дело в том, что то разнообразие звуков, о котором говорилось выше, целиком зависит от фонетических условий и вне этих условий все констатируемые варианты или оттенки звуков не только не встречаются в русском языке, но даже оказываются непроизносимыми для русского человека, не получившего специальной фонетической тренировки.

Таким образом, самостоятельными отдельными звуками речи являются далее неделимые общие звуковые понятия, способные в данном языке дифференцировать слова.* Эти звуковые понятия реализуются в целом ряде тесно связанных между собой вариантов или оттенков, которые все имеют одну и ту же функцию, а потому в восприятии нормально не различаются и появление каждого

¹ Разница эта показана мною экспериментально в моей книге «Русские гласные», 1912, но при известной тренировке может быть воспринята и на слух и мускульным чувством.

* В рукописи имеется и такое определение: «Таким образом, самостоятельными отдельными звуками речи являются лишь те, которые могут произноситься в разных положениях и которые могут дифференцировать слова или их части». (Прим. ред.):

из которых целиком зависит лишь от фонетических условий. Профессор Бодуэн де Куртене стал называть подобные общие понятия особым термином — **фо́немы**, и этот термин теперь принят наукой. Термину же «звуки речи» некоторые исследователи начинают усваивать более общее значение. Звуки речи, воспринимаемые как одна и та же фонема, т. е. практически воспринимаемые нормально как один и тот же звук, называются обыкновенно **вариантами фонемы** или ее **оттенками**. Среди вариантов или оттенков каждой фонемы обыкновенно выделяется один, который является как бы типовым их представителем. Нормально это — тот вариант, который мы произносим в изолированном виде. Очень часто, говоря о фонеме, имеют в виду не всю данную группу вариантов или оттенков, но лишь этого типового их представителя.

§ 13. Из всего сказанного явствует, что всякий практический алфавит должен и может обозначать только фонемы и отнюдь не их варианты: совершенно очевидно, что для быстрейшего восприятия текста важны те звуковые различия, которые способны дифференцировать слова, а не те, которые лишь механически возникают при артикуляции в зависимости от тех или других условий произнесения. Многим казалось и кажется, что наше практическое письмо, не обозначая более тонких звуковых нюансов языка, должно считаться неточным. Это настолько не отвечает действительному положению вещей, что скорее можно было бы поддерживать обратное, т. е. что оно было бы неточным, если бы стремилось обозначать все эти нюансы. И это понятно: число нюансов, завися не только от фонетического окружения и от словесного ударения, но и от темпа речи и вообще от общих условий говорения (вдвоем с товарищем, при официальном разговоре, в гостиной, на митинге и т. д. без конца), может быть бесконечно велико, и нет никаких объективных оснований для решения вопроса о том, какие из них следует отмечать и какие — нет.

НАУЧНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

§ 14. Фонетической транскрипцией называется запись звуков того или другого отрезка речи по правилам какой-либо определенной графики, но без соблюдения каких бы то ни было правил правописания.

В этом смысле отрывки на русском, французском и английском языках, приведенные выше в § 8, могут считаться образчиками фонетической транскрипции. Научность ее зависит от того, насколько правила данной графики удовлетворяют некоторым определенным требованиям, которые сводятся к следующему:

1. Каждый отличаемый в данном языке звук должен иметь свой особый знак или по крайней мере специальный вариант того или другого знака.

2. Для одного и того же звука не должно быть больше одного знака.

3. Каждый знак или его вариант должен употребляться только в одном значении.

Все остальное (в том числе и самый алфавит) принципиально безразлично.

Русский алфавит вполне может быть положен в основу транскрипции, но правила русской графики хотя и достаточно точны для научной транскрипции, однако слишком сложны, а главное, как увидим дальше, не удовлетворяют требованию п. 1.

§ 15. Однако в дальнейшем, имея в виду читателей-лингвистов, мы будем все же пользоваться для фонетических транскрипций и русским алфавитом, и русской графикой, вводя, однако, вслед за сербской вуковицей¹ знак *j* для йота (подробнее см. § 33 и § 34) и тем уничтожив двусмысленность букв *e*, *ë*, *ю*, *я* (см. § 68). Подобную транскрипцию мы будем всегда включать в кавычки „ “.

§ 16. Наряду с такой транскрипцией мы будем употреблять и для читателей-лингвистов транскрипцию, основанную на международном фонетическом алфавите, с той целью, чтобы резче отличать русские буквы и их ассоциации от русских звуков. Латинская транскрипция будет всегда заключена в кавычки « ». Буквы русские и латинские даются всегда курсивом.

Научная транскрипция может быть двух родов: одна — отмечающая лишь фонемы данного языка и другая — регистрирующая всяческие оттенки звуков. Первую можно называть фонематической или фонологической, а вторую фонетической. Фонетическая транскрипция всегда производит более или менее импрессионистическое впечатление, так как степень ее точности совершенно произвольна и

¹ Сербский алфавит, введенный знаменитым сербским писателем и филологом Вуком Стефановичем Караджичем.

зависит от изошренности наблюдательных способностей автора, и от ориентации его интересов, и от других случайных причин.

РАЗНЫЕ СТИЛИ ПРОИЗНОШЕНИЯ

§ 17. Для того, чтобы определить состав фонем русского литературного языка, и особенно для того, чтобы понять и правильно оценить в связи с этим явления его вокализма, необходимо иметь в виду различия в степени ясности и отчетливости нашей речи. Совершенно очевидно, что тут возможно бесконечное число переходных ступеней, начиная от абсолютной ясности и четкости, например при произношении по слогам, до небрежной скороговорки, когда все неударенные слоги наполовину съедаются. Практически достаточно различать два типа произношения, которые назовем один — полным стилем, а другой — разговорным.

§ 18. Полный стиль свойствен публичной речи в очень большой аудитории, например на митинге, когда для того, чтобы быть всеми услышанным и понятым, приходится четко произносить как ударенные, так и все неударенные слоги. Причем эти последние слегка протягиваются и произносятся более отчетливо, чем обыкновенно, хотя различия между ударенными и неударенными гласными всегда все же сохраняются. Этот же полный стиль постоянно употребляется нами и в повседневной жизни, но только не сплошь, а в отдельных фразах или их частях, часто в отдельных словах и даже их частях. Это бывает, когда мы хотим что-либо подчеркнуть, на что-либо обратить внимание, когда нас кто-либо плохо слышит или не понимает и т. п. Например, на вопрос *И как же вы на это реагировали?* ответ может быть *полнейшим равнодушием* (с выделением слова *полнейшим*, что в печати может быть иногда выражено разрядкой). Фраза *Ах ты голова!* может быть произнесена в разговорном стиле с сильным ударением только на последнем слоге слова *голова*, а может быть произнесена и так: *Ах ты га-ла-ва* — с выделением слова *голова* для усиления укоризны.

Самое главное, что надо до конца понять и уяснить, — это то, что вся грамматика, а также наше письмо целиком базируются на полном стиле. Вот образчик полного стиля в транскрипции:

„ва-днóй из-ад-да-лén-ных у-лиц Ма-сквѣ фсѣ-рам дó-мѣ збѣ-лы-ми ка-лón-на-ми а-нтре-сóль-ју и па-кри-вѣф-шы-мся ба-лкó-нам, жы-лá нѣ-ка-гда бá-ры-ня вда-вá а-кру-жón-на-ја мнó-га-чѣс-ле-нна́я двóр-ней“.

То же в международной фонетической транскрипции:

«va'dnoj iz-ad-da-'l'on-ных 'u-l'ic ma-skvy | 'fs'e-ram 'do-m'e} 'zb'e-ly-m'i ka-'lon-na-m'i} a-ntre-'sol'-ju} i-pa-kr'i-'v'if-šy-ms'a ba-'lko-nam | жы-'l'a 'n'e-ka-gda 'ba-ry-n'a} vda-'va} a-kru-'žon-na-ja 'mno-ga-'čis-l'e-nnaj 'dvor-n'ej ||».

§ 19. Разговорный стиль — понятие, конечно, гораздо более условное. Различные формы разговорного стиля составляют предмет ученых наблюдений и не так легко поддаются фиксации. Однако при большой наблюдательности можно уловить нечто среднее, свойственное спокойному, несколько замедленному и не чересчур интимному разговору, не состоящему из коротких аффективных реплик. Неударенные гласные разговорного стиля подвергаются сильной количественной и качественной редукции и представляют очень пеструю картину. Особенно сложные изменения происходят в послеударенных слогах, начинающихся на мягкие согласные или на „j“.

Вот образчик сильно упрощенной русской транскрипции¹ того же отрывка в разговорном стиле:

„вá-днó-йз-ы-ддá-лénн-ых-у-л-й-ц-мá-сквѣ фсѣр-ы-м-дó-мѣ збѣл-ы-мй кá-лónн-ы-мй а́н-трй-сóль-жү й-пы-крй-вѣф-шы-мсѣ бá-лкóн-ым...“.

То же в международной фонетической транскрипции: «vΛ-'dno-i-zə-d:Λ-'l'on:-əx-'u-l'-i-ctΛ-'skvy | 'fs'er-ə-'mdo-m'e} 'zb'εl-ə-m'i-kΛ-'lon:ə-m'i} Λn-tr'i-'sol'-ju} i-pə-kr'i-'v'if-šy-ms'i-bΛ-'lko-nəm...».

§ 20. Самое главное, что надо до конца понять и оценить при сличении обеих транскрипций, — это то, что наша грамматика, а также наше письмо целиком базируются на полном стиле. В самом деле, формой русского языка будет „ваднóј“, а не „ваднó“, как это произносится в сочетании со следующим *из* (см. выше транскрипцию разговорного стиля), и даже „в аднóј“ (а не вместе), поскольку говорится „в этој адној“, а не „вэтај вадној“ (это последнее не всегда отражается в фонетике полного стиля, и однако в полном стиле „из аддалённых“, а не

¹ Знак краткости над гласной в этой транскрипции обозначает относительную краткость.

„изадалённых“). Точно так же и для грамматики и для письма следует исходить из формы „ф сэрам“, а не „фсэрым“. И далее основной, например, будет форма полного стиля „пад д́омам“, а не разговорная „па-дд́о́мм“ (со слоговым „м“) и т. д. и т. д.

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПИСЬМОМ И ОРФОЭПИЕЙ

§ 21. Поскольку русское письмо является фонетическим, постольку в его основе не может не лежать какой-то определенный устный язык: мы не можем одно и то же написанное слово читать или как *пруд*, или как *ставок*, как это возможно при иероглифическом письме. Однако и наше письмо допускает разное произношение. Это положение вещей характерно для всех больших литературных языков, но особенно ярко выражено в немецком, где иностранец, даже хорошо знающий немецкий язык, часто с трудом понимает своего собеседника, говорящего хотя и на литературном языке, но с сильным местным акцентом (произношением).

На понятии «произношение» необходимо несколько остановиться, чтобы выяснить, когда мы должны говорить о том или ином произношении одного и того же звукового комплекса, а когда просто о другом звуковом комплексе. В принципе как будто очевидно, что о «произношении» говорят лишь в тех случаях, когда и в необычно произносимом все же узнается тот или другой н о р м а л ь н ы й звуковой комплекс, так говорят о разном произношении буквы *щ*, т. е. того звукового комплекса, который обозначается этой буквой, — или как „шьча“, или как „шьшь“ (*щи* — „щъчи“ или „шьши“, *щука* — „шьчюка“ или „шьшюка“ и т. п.); о разном произношении звукосочетания „чи“, например в словах *чисто*, *чин* и т. д. — или так, как пишется, или как „чы“ („чыста“, „чын“); о разном произношении слов с неударенным орфографическим *о* — „карова“ или „корова“, „гара“ или „гора“ и т. д. Говорят о дефективном произношении, когда слова *лодка*, *лапа*, *козел* и вообще звук „л“ выговаривают „ўотка“, „ўапа“, „казеў“ („ў“). О том же можно, пожалуй, говорить, когда маленькие дети выговаривают те же слова „лётка“, „ляпа“, „козель“ — с мягким „л“. Однако едва ли будем говорить об ошибках произношения, если бы кто-нибудь говорил *клига* вм. *книга*, *д́бна* вм. *до́ма*, *шко-*

рость вм. скорость и т. п. По-видимому, под вариантами «произношения» мы подразумеваем только какие-либо регулярно встречающиеся отклонения, которые гарантируют нам возможность идентификации материально несовпадающих звуковых комплексов.

§ 22. Из сказанного прежде всего вытекает, что для русского литературного языка все же существует какая-то норма произношения. Эту норму принято называть литературной, и на нее-то и ориентируется наше письмо. Внутри этой литературной нормы существует некоторое количество равноправных вариантов. Все прочие варианты ощущаются или как диалектные (например, произношение на „о“), или как дефективные (например, „ў“ вм. „л“ и т. п.), или детские (ср., например, так называемое «сюсюканье»).

Само собой разумеется, что наше письмо должно ориентироваться только на литературные варианты, а не на диалектные.¹

Для большей ясности приведем еще литературные и нелитературные (последние взяты в скобках) варианты слов *щи*, *дождь* (в именит. и род. пад. ед. ч.) и *вижат*:

„шчи“	„дошчь“	„даждзя“	„вижджат“
„шьчи“	„дошьчь“	„даждья“	„вижджат“
„шьши“	„дошьшь“	„даждья“	„вижджат“
„(шшы)“	„(дош)“	„(даждя)“	„(виждат)“
„(шти)“	„доштть“	„даждя“	„(виждят)“

Что касается литературных вариантов, то, строго говоря, мы должны были бы допускать соответственные варианты и в нашем письме. Однако поскольку единообразии письма имеет громадное практическое значение, постольку приходится выбирать в каждом отдельном случае один из существующих литературных вариантов произношения как основу нашего письма: *дверь*, *Тверь*, *зверь* и т. д. или *дъверь*, *Тъверь*, *зъверь*;² *фонарищик*, *сварщик*, *спорщик* и т. д. или *фонарьщик*, *сварьщик*, *спорьщик*;

¹ Когда мы пишем *холода* через *о*, хотя произносим „халада“, то мы передаем при этом не диалектное произношение на „о“, а применяем этимологический принцип правописания, о чем см. ниже § 110 и следующие.

² При этом вовсе не обязательно, чтобы все случаи одной и той же категории произносились одинаково, т. е. вполне можно условиться произносить *Тверь*, *дверь*, но *зверь*; *фонарьщик*, но *сварщик* и т. п., ибо так бывает и в жизни.

фиалка, колониальный и т. д. или *фиалка, колонияльный*; *миниатюра, материалы, пианино* и т. д. или *миньятюра, матерьялы, пьянино*; *скучный, конечно, молочный* или *скушный, конешно, молошный*; *воилок, стоило, поило, окраина, Михаило* и т. д. или *войлок, стойло, поило, крайна, Михайло* и т. п., и т. п.

Само собой разумеется, что наиболее трудно разрешимые случаи будут относиться к неударяемому вокализму в полном стиле. В самом деле, какой вариант произношения полного стиля следует предпочесть: *плясать, памятник, заяц, охтянка, серебряный, ветряный* и т. д. или *плесать, паметник, заец, охтенка* (и даже *охтинка*), *серебреньый, ветреный*? *Варево, курево, крошево, мелево* или *вариво, куриво, крошиво, меливо* и т. п.?

§ 23. Надо подчеркнуть, что подобные вопросы должны во всяком случае решаться не в орфографическом порядке, а в плане «орфоэпии», т. е. в плане вопросов правильного произношения.

Может показаться, что такое разделение является своего рода «ученой» канцелярщиной, и, конечно, дело не в названии, а лежит гораздо глубже.

Письмо все же является по отношению к языку чем-то внешним, не относится, так сказать, к его существу. Поэтому, организуя наше письмо, устанавливая и реформируя нашу орфографию, мы вправе руководствоваться чисто практическими мотивами: легкостью усвоения письма, легкостью и быстротой чтения и схватывания смысла читаемого. Можно даже сказать, что эти мотивы должны быть решающими в деле орфографии. Вопросы же произношения являются уже вопросами самого языка и его жизни. Я отнюдь не склонен фетишизировать язык; вслед за Бодуэном¹ я не думаю также, чтобы жизнь языка не могла подвергаться в той или другой мере нашему сознательному воздействию. Но как раз это и обязывает нас к максимально обдуманым действиям по отношению к языку.

§ 24. Как это явствует из новейшего языкознания, все элементы языка образуют единую систему и так связаны друг с другом, что любое изменение какого-либо из них

¹ Ср. его полемику с Бругманом на этот счет (см.: *Baudoin de Courtenay J. Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen* (Veranlasst durch die gleichnamige Broschüre von K. Brugmann und A. Leskien). — In: *Annalen der Naturphilosophie*, Bd VI. Leipzig, 1907, S. 385—433).

вызывает те или иные изменения в других частях системы. Это справедливо, конечно, и по отношению к произношению.

Поскольку, однако, письмо поддерживает тот или иной вариант произношения, постольку, оказывается, и оно влияет на жизнь языка,¹ особенно в современных условиях всеобщей грамотности и исключительно большой роли письменного языка в нашей жизни (многие языковые факты мы познаем главным образом из книг и газет). Между прочим, отсечение одного из вариантов произношения может обеднить язык или во всяком случае препятствовать его семантическому росту, так как этот последний часто происходит за счет насыщения содержания вариантов слов или форм, получившихся на разных путях. Так, формы с беглым „и“ и без него, помимо того, что в руках поэтов дают материал для звуковых эффектов (большая или меньшая сонорность слова и разная ритмика), зачастую семантически дифференцированы или по крайней мере готовы принять на себя такую функцию: *Мария* и *Марья*, *София* и *Софья*, *варение* (=варка) *варенья*, *(не)имение* и *(хорошее) именье*, *(не)бытие* и *житье-бытье*, *(украшенный прелестными) миниатюрами* и *миньятурная* фигурка и т. д. Поэтому, хотя в общем и совершенно справедливо, что письмо является чем-то внешним по отношению к языку, однако выбор для него того или иного варианта произношения бывает иногда вовсе не безразличен и может в некоторых случаях иметь решающее значение для судьбы языка. Поэтому-то выбор этот и не может производиться в рамках упорядочения или облегчения: это дело какого-то более широкого обсуждения вопросов орфоэпии данного языка, т. е. единства его произношения. Это обсуждение должно вестись под флагом рационализации устного языка вообще, что, конечно, очень обязывает лиц, участвующих в подобном обсуждении и принимающих какие-либо решения по этому поводу. Между тем у нас в орфографии очень часто попутно решаются чисто языковые вопросы и в частности даже судьбы русского склонения и спряжения. Так, из двух вариантов окончания пред. пад. ед. ч. имен су-

¹ Здесь я не касаюсь большого и мало обследованного вопроса о громадном влиянии письма на синтаксис, о формировании специального письменного языка и влиянии этого последнего на устный и т. п.

ществительных на безударное *-ье* (не *-ьё*) и *-ьи* (в *счастьё*, в *именьё* или в *счастьи*, в *именьи* и т. п.) обыкновенно выбирается без дальнейших разговоров вариант *-ье*, как более легкий со школьной точки зрения. Между тем в языке между ними происходит борьба и окончание *-ьи*, по-видимому, побеждает, благодаря своей дифференцирующей роли, помогающей отличать направление действия и место нахождения. *Я верю в счастье* и *В счастье люди часто забывают о других*; *Я еду в именье* и *Я живу в именьи*, ср. *Она впала в забытье* и *Она была в забытьи*. Из двух вариантов окончания 3 л. множ. ч. глаголов II спряжения с ударением не на окончание *-ат* и *-ут* (*стоят, просят, мочат* и т. д. или *стоят, просят, мочут*) выбирается традиционный на *-ат*, чем искусственно поддерживается его жизнь в языке.¹ Между тем естественный ход развития языка, по-видимому, ведет именно к *-ут*, как к более четкому и характерному признаку данной морфологической категории: неударенное *-ат* в разговорном стиле смешивается с *-ит* 3-го л. единст. ч. Любопытно отметить, что в полном стиле мы вполне допускаем произношение *месяц, заяц, память* вм. *месяц, заяц, память*, формы же *просет, возет, молет* нам кажутся совершенно невозможными: косвенно это является доказательством нереальности форм *просят, возят, молят* в литературном устном языке. Кроме этих и целого ряда других крупных и мелких явлений произношения перед русской орфографией стоит большой вопрос в выборе «экающего» или «икающего» произношения вообще, т. е. произношения, различающего в полном стиле гласные „е“ и „и“ в неударенном положении или их смешивающего в гласном „и“: *пелёнка* или *пилёнка*, *берёт* или *бирёт*, *педагг* или *пидагг*, *пеклевáнный* или *пиклевáнный*, *тепёрь* или *типёрь*, *переплёт* или *пиреплёт*, *мбет* или *мбит*, *кбет* или *кбит*, *учитель* или *учитиль*, *предббрый* или *придббрый*, *преступник* или *приступник*, *Сбнечка* или *Сбничка*, *пёсенка* или *пёсинка*, *Пётенька*, *Лёленька* или *Пётинька*, *Лёлинька* и т. п. и т. п. Сейчас «иканье» в полном стиле считается диалектным произношением, как

¹ Из сказанного отнюдь не следует, чтобы я был за немедленную реформу орфографии в этом смысле: множество практических соображений этому препятствуют. Но принципиально я за этот вариант устного языка, а следовательно, и за соответственное написание.

это явствует, между прочим, из тургеневских «Певцов», где орловское произношение мальчугана в конце рассказа четко характеризуется следующей фразой: *Тебя тя-тя высечь хочи-и-ит*. Однако пополнение населения Москвы «йкающими» элементами грозит несколько спутать существующее положение вещей. Сейчас если бы кто-нибудь стал петь с «йкающим» акцентом *Пичаль моя свитла* или *Для биригов отчизны дальней*, то вызвал бы всеобщее возмущение, хотя в разговорном стиле именно так и произносится.

§ 25. Благодаря такому положению вещей, всем, изучающим русский язык, приходится усваивать два стиля произношения, зачастую расходящихся не только в оттенках фонем, но и в самих фонемах (ср. транскрипции в § 18, 19), что, конечно, едва ли можно считать рациональным. Задача языковой политики в этой области состоит, стало быть, либо в том, чтобы полный стиль, а за ним и письмо подтянуть к «йкающему» произношению (и тогда диалектным будет произношение *высечь хоче-е-ет*, а также пение с сохранением неударенных „е“, т. е. так, как сейчас пишется), либо в том, чтобы и разговорный стиль подтянуть под полный и под существующее письмо. Я полагаю, что выгоднее стремиться к последнему, так как первый путь ведет к полному разрыву литературной традиции, это едва ли желательно, особенно в настоящее время, когда русский язык изучается миллионами наших националов и представляет собою большую культурную ценность не только в его современном виде, но и со всеми накопленными в нем ценностями. Думать же, что второй путь невозможен ввиду стихийности процесса развития произношения в разговорном стиле, едва ли приходится: значение письменного языка в его орфографической одежде настолько велико в наше время, что имеет решающее значение для разговорного языка вообще, тем более что в состав русской интеллигенции все время вливаются громадные контингенты лиц, выучившихся русскому литературному языку через книгу, а не от окружения. В моей даже памяти неударенное „а“ после мягких согласных, т. е. орфографическое *я*, начинает вытеснять в полном стиле традиционное „е“: *плясать* вм. старого *плесать*, *клянусь* вм. *кленусь* и т. д.

Если же выбирать второй путь развития, т. е. стремиться к сохранению неударенных „е“ и в разговорном

стиле,¹ то важно и в орфографии не делать никаких уступок «йкающему» произношению. Во всяком случае все вопросы подобного рода требуют специального обсуждения в плане языковой политики и не могут быть решены попутно с упорядочением орфографии и вне широких языковых перспектив.

К сожалению, вопросы языковой политики у нас до сих пор не стали в порядок дня² и даже вопросы орфоэпии не выходят за пределы узкого круга специалистов.*

А. РУССКАЯ ГРАФИКА, ИЛИ ТЕОРИЯ РУССКОГО АЛФАВИТА

§ 26. Для того, чтобы приступить к формулировке правил русской графики, необходимо прежде всего выяснить звуковые средства, употребляемые в русском языке для различения слов. Сюда относятся словесное ударение, система фонем русского литературного языка, длительность или количество фонем и слоговое строение. Мы начнем с последнего.

1. ЗВУКОВЫЕ СРЕДСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Слоговое строение

§ 27. Всякий речевой поток естественно распадается не на отдельные звуки речи, а на слоги, обуславливаемые последовательными легкими усилениями и ослаблениями звукового ряда; часть речевого потока, начиная с усиливающегося звука и кончая ослабляющимся, и называется слогом. Усиливающиеся звуки образуют, таким образом, начало слога и потому называются начальносложными, а ослабляющиеся образуют его конец и называются конечносложными. В слоге *как* первое „к“ будет начальносложным, а второе — конечносложным.

¹ Само собой разумеется, что эти неударенные „е“ отнюдь не должны быть равны ударенным и произносятся обыкновенно с легким уклоном в сторону „и“.

² В значительной степени благодаря широко укоренившемуся предрассудку о невозможности влиять на естественный ход развития языка.

* Следует напомнить, что Л. В. Щерба писал это в начале 1940-х годов. (Прим. ред.).

Эти ослабления и усиления часто не так легко осознаются в потоке речи при недостаточно изолированном внимании, т. к. различия в этой области в русском языке нормально не семантизованы (см., впрочем, сказанное ниже в § 29). Однако мы без затруднений делим речевой поток на слоги, когда стараемся говорить особенно членораздельно и вразумительно. Разительнее всего мы это делаем, когда что-либо диктуем людям, которые очень медленно пишут (медленно осознавая звуковую сторону речи).

§ 28. При таком посложном произношении действуют, по-видимому, следующие правила слогаделения:¹

1. Внутри слова слоговая граница проходит всегда после гласного, если за ним идет один согласный: *тра-ва́*, *го-ро-дóк*, *по-ро-хо-во́й*, *ра-йóн*, *ма-йóр* (см., однако, ниже § 29) и т. п.

2. Если за гласным внутри слова идет группа согласных, то только начинающий ее „j“ всегда отходит к предыдущему гласному и образует вместе с ним, таким образом, закрытый слог: *пай-кó-вый*, *вой-ско-во́й*, *кóй-ка* и т. п.

3. Все другие согласные, начинающие группу, отходят к предшествующему слогу во всех тех случаях, когда этот последний более или менее резко выделяется (причем под группой следует разуметь в данном случае и двойной согласный). Так произносятся обыкновенно все ударенные слоги: *кóл-ба*, *пýт-ка*, *кám-ни*, *бáн-тик*, *фа-нáр-щик*, *плáк-са*, *он гра-зýт-ца*, *бт-те-пель*, *кáс-са*, *вáн-на* и т. д. Так же можно, в конце концов, произнести и любую часть слова, почему-либо выделяемую нами в процессе речи (особенно охотно выделяем мы префиксы): *ка-лба-сá*, *на-ка-ткé*, *ре-мнй*, *пла-ксий-вый*, *а-тцá*, *ка-ссýр*, *ма-ссóв-ка*, *ка-ре-ннóй* и т. д. Еще примеры сразу на все правила: *е-стéс-тве-нный*, *ка-ктýс-тый*, *збн-ти-чный* и т. д.

4. После неударенных слогов, особенно если это не префиксы, вся группа согласных (конечно, за исключением начинающейся с „j“) целиком отходит к последующему слогу: *па-стух*, *пу-скать*, *ка-фтан*.

Малейшее усиление какого-либо неударенного слога превращает его при посложном произношении в ударенный и привлекает к нему начальный согласный последую-

¹ Теория слога принадлежит к труднейшим проблемам фонетики и здесь не может быть полностью развита. (Ср. сказанное о слоге в моей фонетике французского языка). — См.: Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Л., 1939². (Прим. ред.).

щей группы (причем в сущности, конечно, искажается фонетическая перспектива слова). Подобное усиление связывается с нашим стремлением подчинить слоговое строение делению на морфологические части. В связи с этим чаще всего выделяются очевидные префиксы, оканчивающиеся на согласные, и подчеркивается тоже наиболее очевидное деление на корень и суффиксы в тех случаях, когда первый оканчивается на согласный. Примеры: *рас-ни-сать* (*рас-* — префикс), *под-пе-реть* (*под-* — префикс), *маль-чу-гán* (*маль-* — коренная морфема), *выгон-ка* (*гон-* — коренная морфема, *-ка* — суффикс).

С другой стороны, при посложном произношении мы можем слегка протягивать гласные, делать все слоги открытыми (за исключением, конечно, слогов оканчивающихся на „j“): *е-стé-стве-нный*, *ра-спí-ше-тца*, *б-тте-пель* и т. д.

Все эти колебания возможны, конечно, только благодаря тому, что слоговое строение внутри слова не семантизовано в русском языке (ср. ниже в § 29).

При нерасчлененном произношении разговорного стиля правила слогаделения будут сложнее и до сих пор совершенно не изучены. Самое существенное, что должно быть отмечено уже здесь, состоит в том, что и отдельный согласный и группа согласных (стоящие между гласными) целиком отходят к предыдущему слогу, если последующий слог содержит в себе редуцированный гласный: ¹ *рбз-ъ-ва-я*, *кáст-ъ-ва-я*, *кáсс-ъ-ва-я*, *гал-ы-вá* (при *гá-ла-вá* с добавочным начальным ударением), в *мáсс-ъх* (но *мáс-са*), *Анн-ъ-нский* (но *Ан-на*) и т. п. Во всяком случае все правила имеют чисто фонетический характер и противоположение начальносложных и конечносложных согласных внутри слов нормально не семантизовано.

§ 29.* В противоположность тому, что наблюдается внутри слова, на стыке слов, оказывается, что и отдельный согласный и группа согласных могут в потоке речи и за-

¹ По существу это не что иное, как расширение правила п. 3.

* В рукописи имеется следующий вариант начала этого параграфа: «Зато на стыке слов наблюдается, что согласный в одних случаях будет замыкать последний слог первого слова, а в других — начинать второе слово. По схеме *-ас а-/а са-*, *-оп у-/о пу-*, *-орт о-/ор то-* и т. п. Противоположение это семантизовано в применении к словоразделу: согласные ослабляющиеся, т. е. замыкающие слог, сигнализируют конец слова, а согласные усиливающиеся, т. е. начинающие слог, сигнализируют начало слова». (Прим. ред.).

мыкать последний слог первого слова, и начинать первый слог второго слова, благодаря чему противоположение сильноконечных и сильноначальных согласных оказывается семантизованным в этом положении, причем сильноконечные согласные сигнализируют начало слова, а сильноначальные — его конец. Само собой разумеется, что это в конце концов помогает узнавать и само слово. Вот несколько примеров: *сбрт аза* (название буквы) / *сбр таза*; *протилось* (как долг) / *прости лось* (так как он ушел); *хбдит бколо* / *ходи тблком*; *край уха* / *краюха* и т. д. Ошибки в слоговом качестве согласного, стоящего на стыке слов, очень остро ощущаются, затрудняя правильное восприятие, например: *види тарку* вм. *видит арку*, *кус такации* вм. *куст акации*, *водам бря* вм. *вода мбря*, *крайн бя* вм. *край пбля* и т. п.

Таким образом, можно сказать, что в русском языке противоположение начальносложных и конечносложных согласных вполне семантизовано, но нормально используется лишь для сигнализации словораздела. Но не только противоположение начальносложных и конечносложных согласных используется на стыке слов, но и разделение группы согласных на два слога, причем под группой следует понимать и двойные согласные. Так, группа „ст“ может быть или целиком конечносложной, или целиком начальносложной, или может быть разделена на два слога, т. е. „с“ может быть конечносложным, а „т“ начальносложным: *куст-акации* / *на-чеку-стала* / *вкүст-талька*; *вся-сбра* / *вбз-сбра* / (он не обучает) *масс-охбте*; (в абсолютном исходе будет = он не обучает мас). Ср. еще такой пример, как *да-йбду* / *дай-бду* / *дай-йбду*. В конце концов, в этом положении не невозможны тройные согласные и даже четверные: *прилег-к концу*, *воз-с сахаром*, *водовоз ссору* (затеял), (недопущение) *масс ссориться*.

Но раз то или другое фонетическое противоположение семантизовано, то оно уже может применяться и там, где оно первоначально не встречалось. Этим объясняется, почему в посложном произношении и неударенные префиксы, вопреки фонетическому правилу могут перетягивать к себе первый согласный последующей группы, если с морфологической точки зрения он относится к префиксу, о чем говорилось в п. 3 § 28. Иначе говоря, этим объясняется, почему нормальный в этих случаях начальносложный согласный произносится, как конечносложный: *рас-та-ять*, *рас-ни-сать*, но *Ро-стбв*, *ро-стбк*; *под-рыть*,

под-валить, но *по-дру-га*, *по-двал* (в этом последнем случае префикс уже не очень чувствуется) и т. п. Этим объясняется и такое произношение, как *рас-сб-ри-ться*.

Подобное слоговоеделение понемногу может проникать и в разговорный стиль, и этим объясняется возможность таких произношений, как *над-индивидуальный* с „и“, а не с „ы“ (о чем см. ниже § 45).

Наконец, прониканием семантизованного на стыке слов противоположения начальносложных, т. е. сильноконечных, и конечносложных, т. е. сильноначальных, согласных объясняется возможность таких слоговыхделений, как *рай-бн*, *май-бр* и т. п. вм. нормальных для русского языка *ра-ён*, *ма-ёр*. Эти странные с исторической точки зрения произношения возникают под влиянием написания в словах, которые получили широкое распространение не устным путем, а главным образом зрительным — через письмо. Но, конечно, подобное фонетически немотивированное перенесение той или другой особенности произношения возможно только, если она семантизована.

Словесное ударение

§ 30. Как правило, каждое знаменательное слово русского языка и каждая его форма характеризуется «ударением» на том или ином определенном слоге. Под ударением в традиционной русской грамматике обыкновенно понимают произнесение одного из слогов слова с большей силой, чем другие: слог ударенный является, таким образом, самым сильным слогом в слове. Хотя это и совершенно справедливо, однако не исчерпывает сути дела, ибо во фразе *Брат вдруг взял нож* имеется четыре односложных слова и четыре ударенных слога, так что никакой речи о сравнительной силе слогов, как сущности словесного ударения, в данном случае быть не может. И действительно, сущность русского ударения, по-видимому, состоит в особом напоре на начало ударенного гласного, сопровождающемся сильной напряженностью всей артикуляции. Любой гласный может и в изолированном виде быть произнесен с таким напором и без него, т. е. как ударенный и как неударенный. При продлении, поскольку особый напор характеризует лишь начало ударенного гласного, всякий ударенный гласный кончается, как неударенный. С изменением напряженности артику-

ляции связаны и определенные качественные различия между ударенными и неударенными гласными (см. ниже § 50). Эти различия могут в известных условиях заменять противоположение ударенных и неударенных гласных.

В разговорном стиле гласные неударенных слогов количественно и качественно редуцируются в разной степени в зависимости от определенных фонетических условий согласно правилам, которые будут изложены ниже в § 51. (В некоторых случаях при редукции даже фонемы могут переходить одни в другие — см. там же). Однако все эти редуцированные гласные восстанавливаются в полном стиле, но никогда не получают ударения, а в связи с этим и качественно никогда не смешиваются с ударенными гласными.

§ 31. Словесное ударение семантизовано в русском языке в трех направлениях. Во-первых, поскольку им снабжается каждое знаменательное слово, постольку оно выражает делимость речевого потока на слова или на группы слов с одним знаменательным словом в центре каждой из них: *Мой брат приехал вчера вечером домой; Мы нашли пять грибов; На берегу реки росло несколько сосен и дубов; Говорил он очень долго, так что нам наскучил.* Во-вторых, будучи абсолютно свободным, т. е. не связанным никакими фонетическими правилами, словесное ударение в русском языке характеризует слова как таковые, т. е. с точки зрения их значения: если во фразе у всех слов передвинуть ударение на непривычные места, то такую фразу будет трудно понять. В русском языке можно приводить сотнями слова, которые отличаются друг от друга только ударением, и поскольку оно почти что не нашло себе выражения на письме, постольку эти слова оказываются зрительными омонимами: *замок и замо́к, мука и мука́, полки и полки́, потом и пото́м* и т. д., и т. д. В-третьих, поскольку русское словесное ударение оказывается не только свободным, но и подвижным, т. е. меняющим свое место при изменениях одного и того же слова, а также и при словопроизводстве, постольку оно имеет и грамматическое значение: оно, как говорят, является грамматикализированным. Примеры на роль ударения при словоизменении: *города́, гброда; дбма, дома́; стена́, стёны; вода́, вбду; стена́, стёну; гора́, гбру; ношу́, нбсит; ловлю́, лбвит; свечу́, свётит* и т. д. Примеры на роль ударения при словопроизводстве: *но́с, нбса, носо́к*

(хотя *но́сик*); *во́з, во́за, возо́к* (хотя *во́зик*); *го́д, го́да, годо́к* (хотя *го́дик*); *гна́ть, пригна́ть, согна́ть / вы́гнать; да́ть, прода́ть, отда́ть / вы́дать* и т. п.

Длительность отдельных звуков

§ 32. Длительность отдельных гласных колеблется в речи в очень широких пределах, но зависит исключительно от фонетических условий. В частности, в разговорном стиле ударенные гласные при прочих равных условиях в среднем в полтора раза длительнее неударенных, так что эта относительная долгота может даже являться одним из признаков ударенных гласных,¹ таким образом, систематизованных противоположений гласных по длительности, подобных тем, которые имеются в чешском, латышском или немецком, в русском абсолютно нет.

Длительность согласных тоже колеблется в зависимости от фонетических условий. Однако возможно противоположение более длительных согласных согласным с нормальной длительностью и в совершенно одинаковых фонетических условиях, например: *стенно́й, стено́й; странно́й, страны́; ссбры, сбры; подда́ть, пода́ть; (будет) коси́ться* (т. е. „касица“), *коси́ца; (много раз) морбо́женный, морбо́женный* (картофель); (вчера) *пи́санная, пи́саная* (красавица) и т. д.

Что длительные согласные с чисто артикуляторной точки зрения вовсе не являются «двойными», в этом не может быть никакого сомнения, тем более что это подтверждается экспериментальными данными. Однако в целом ряде случаев длительные согласные относятся к двум разным морфемам: *под-дать, стен-н-ой, спин-н-ой*; даже такое слово, как слово *длинна* (краткая форма ж. рода прилагательного *длинный*), может быть понято как *длин-н-а*, т. е. образованное от слова *длин-а* посредством суффикса *-(е)н-*; слово (будет) *коси́ться* морфологически делится — *кос-иц-ца*, причем первое „ц“ исторически является продолжателем окончания инфинитива, а второе относится к возвратному суффиксу. Зато в словах *странн-ый, ссор-а, морож-енн-ый, пис-а-нн-ый* никакая морфологическая граница не проходит сейчас через длительный (долгий)

¹ Подробно обо всем этом см. мою книгу «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (СПб., 1912).

согласный,¹ и ее уж во всяком случае нет в заимствованных словах *ванн-а, касс-а, Анн-а* и т. п.²

Спрашивается, в этих условиях имеем ли мы в русском языке дело с «длительными» (долгими) согласными или с «двойными» согласными? Надо полагать, что ввиду значительности количества и тех и других случаев русское лингвистическое сознание является несколько неопределенным в этом отношении, что и сказывается в отсутствии единогласия в этом вопросе среди лингвистов. Мне кажется, что так как в целом ряде случаев долгие согласные со всей очевидностью понимаются как «двойные», то это понимание естественно распространяется и на те случаи, где морфологическая делимость не ясна: ее всегда можно предположить в прошлом, поэтому в конце концов я считаю, что семантизованного противоположения согласных по длительности в русском языке также не имеется и что во всех сюда относящихся случаях следует говорить просто о группе повторяющихся согласных.³

Звуковой состав русского литературного языка (список фонем)

§ 33. В русском литературном языке различаются следующие согласные:

Губные „п, пь, б, бь, м, мь, ф, фь, в, вь“ = «р, р', б, б', м, м', ф, ф', в, в'». Примеры: *цеп, цепь, губа, губя* (= „губья“⁴), *тем, темь, штраф, потрафь, слава, славя* („славья“) = «сеп, сеп', gu'ba, gu'b'a, t'em, t'em', štraf, pa'traf', 'slava, 'slav'a».

Переднеязычные „т, ть, д, дь, н, нь, с, сь, з, зь, ш, ж, ц, чь, л, ль, р, рь“ = «t, t', d, d', n, n', s, s', z, z', š, ž,

¹ Исторически второе „н“, однако, все же восходит к старому суффиксу *-ьн-*, образовывавшему прежде отглагольные прилагательные особого значения как от глагольных основ, так и от причастий страдательных.

² Даже в оригиналах этих слов второй согласный — графического происхождения.

³ Тот факт, что «двойные» согласные являются артикуляторно едиными, не меняет положения вещей, т. к. и такие группы согласных, как „ст, зд, шт, жд, бм, мн“ и т. п., артикуляторно представляются едиными.

⁴ Написания *губья, славья* и ниже *городья, егозя, ткъот, жзьот* должны рассматриваться как транскрипционные, где *ь* обозначает только мягкость предшествующего согласного и вовсе не является отделительным знаком (самый принцип такой транскрипции заимствован из украинского алфавита, где нашему написанию *Псёл* отвечает написание *Псьол*).

с».¹ Примеры: *мыт, мыть, городá, городя́* (= „гарадья́“), *стан, стань, отбрóс, отбрóсь, егозá, егозя́* (= „јэгазья́“), *спешá, жужжéя, ловцы́, мячи́, мол, моль, спор, спорь* = «мыт, мыт', gara'da, gara'd'a, stan, stan', a'dbros, a'dbros', jegaza, jega'z'a, sp'e'sa, zu'žža, laf'cy, m'a'ci, mol, mol', spor, spor'».

Среднеязычный „й“, который в дальнейшем мы будем обозначать через „ј“ (ср. сказанное в § 34), = «ј». Примеры: *твой* (= „твој“), *твоя́* (= „тваја́“); *край, края́* (= „краја́“); *пой* (= „пој“); *пою́* (= „пају́“), *поёт* (= „пајот“); *вой* (= „вој“), *вóет* (= „вóјэт“);² *чей* (= „чеј“), *чьи́* („чьји“) = «tvoj, tva'ja; kraj, kra'ja; roj; pa'ju, pa'jot; voj, 'vojet: šej, šji».*

Заднеязычные „к, къ, г, гь, х, хь“ = k, k', g, g', x, x'.³ Примеры: *рука, кот, ткёт*⁴ (= „ткьот“), *реке* (не *рекэ́*), *нога, гот, жгет*⁵ (= „жгьот“), *ногэ́* (не *ногэ́*), *блoхá, блoхé* (не *блoхэ́*)**

Г л а с н ы е:

Передние „э, и“ = «е, і». Примеры: *эти, сёл* (= „сьэл“); *пэры, сýла*.

Задние губные „о, у“ = «о, и». Примеры: *о́кна, сòн, у́ши, сýкна*.

Смешанный⁶ „ы“ = «ы». Примеры: *сýн, рýба*.

Открытый⁷ „а“ = «а». Примеры: *áлый, а́рáb*.

¹ О двойных мягких „шьшь“ и „жьжь“ как об особых фонемах русского литературного языка см. § 37. О мягких „шь, жь, чь“ как о потенциальных фонемах см. § 38.

² Написание, которое противоречит правилам русского алфавита, поскольку буква э, как мы увидим ниже, обозначает твердость предыдущего согласного, а звук „ј“ никак не может считаться твердым, поэтому это писание кажется абсолютно невозможным и здесь фигурирует в качестве условной фонетической транскрипции, где буква э имеет значение латинского e, обозначая лишь гласный «е».

³ О так называемом фрикативном „г“ как о пережиточной фонеме русского литературного языка см. ниже § 34.

⁴ Старая форма *тчет* представляется диалектной.

⁵ Конкурирует с *жжет*, т. е. *жжот*, которое является более литературной формой.

⁶ Собственно смешанным по артикуляции, т. е. с плоским укладом языка, является лишь неударенное „ы“; ударенный же его вариант представляет собою тип промежуточный между смешанным и задним, почему многие считают „ы“ просто задним гласным.

⁷ Называю фонему „а“ открытым гласным, так как именно этим качеством она противопоставляется всем остальным в русском языке.

* Латинская транскрипция в рукописи отсутствует. (Прим. ред.).

** По-видимому, Л. В. хотел подчеркнуть, что мягкие заднеязычные являются самостоятельными фонемами. (Прим. ред.).

Замечания к списку фонем русского литературного языка

Согласные фонемы

Фрикативное „г“

§ 34. В русском литературном языке обыкновенно констатируют наличие особой фонемы, так называемого фрикативного „г“, т. е. звонкой параллели для фонемы „х“ (в русской транскрипции будем обозначать его „х^г“, а в международной «γ»). Старшее поколение употребляет его в таких словах как *бога* (им. пад. ед. ч. будет „бох“ в произношении), *господи*, *благо*, *благодарю* и немногих других. Это пережиток старого литературного произношения, которое пришло к нам из просвещенной Киевщины и которое сохранилось в словах, относящихся к религиозному обиходу. Однако молодежь его больше не знает, поскольку оно не нашло себе отражения на письме, и, по видимому, нет никаких оснований его искусственно поддерживать, тем более что оно легко может быть воспринято как южновеликорусский диалектизм. Во всяком случае нет смысла затруднять им наших националов, изучающих русский язык, и, наконец, глухонемых.

Фонема „j“

Многим кажется неправильным отождествление того звука, который мы обозначаем в нашем правописании буквой *й* (например, в слове *край*), с первым элементом звукосочетаний, обозначаемых буквами *я*, *ю*, *ё*, *е* в начале слов после гласных и после *ъ* и *ь* (например, в словах *яма*, *края*, *объятия*, *копья*, *юг*, *союз*, *адъютант*, *вьюн*, *елка*, *прием*, *объем*, *копье*, *ель*, *поели*, *подъезд*, *в ладье*). При этом подчеркивается, что в первом случае мы имеем дело с неслоговым гласным, а во втором — с особым согласным, известным в западных языках под названием «йота» (по-немецки *j*, а по-французски и по-английски — *y*). Во всем этом есть большая доля правды. Оставляя в стороне вопрос о фонетической природе этого звука, который мы обозначаем в нашей письменности через *й*, как вопрос очень трудный и спорный, следует признать, что действительно в произношении первый элемент слова *я*

(обозначим его через „j“) отличается от второго элемента слова *ай* (обозначим его через „й“). Однако это различие стоит в непосредственной связи со слоговым строением: в начале слога, т. е. для русского языка всегда перед гласным, слышится „j“ („кра-ја, ма-ја, па-ју“), а в конце слога, т. е. для русского языка всегда, когда он стоит не перед гласным, слышится „й“ („край, мой, пой“); при этом „й“ в начале слова и „j“ в конце его в русском языке абсолютно невозможны. Из этого следует, что звуки „j“ и „й“ являются лишь вариантами единой фонемы.¹ Который из них считать за главный? Так как все согласные в конце слога, будучи сильноначальными, а следовательно, слабоконечными, в русском языке слегка редуцируются (подробно об этом см. мою статью в MSL²), то главным вариантом следует считать „j“, т. е. сильноконечный вариант нашей фонемы, который и будет в дальнейшем фигурировать как ее символ.

Распространенность мнения о необходимости различать в русском языке „j“ и „й“ объясняется тем, что семантизованное противоположение начальносложной и конечносложной фонемы „j“ нашло себе графическое выражение в русском алфавите, тогда как у прочих согласных фонем это самое противоположение, не менее семантизованное, чем у фонемы „j“, алфавитно ничем не выражается. Ближе обо всем этом см. выше раздел «Слоговое строение» (§ 29).

Т в е р д ы е и м я г к и е с о г л а с н ы е

§ 35. О твердости и мягкости согласных в наших грамматиках обыкновенно говорится так: в русском языке

¹ j ближе подходит к типу согласных, а й в конце слога (т. е. для русского языка, когда оно стоит не перед гласным) напоминает неслоговой гласный. Спрашивается, следует ли нам признать наличие в русском языке двух фонем — й и j (так обозначим то, что произносится перед гласным), т. е. *твой*, но *твоја*, *край*, но *краја* и т. д. В сербском алфавите, в основу которого положена наша гражданка, введен этот знак (впрочем, он пишется безразлично в обоих случаях, т. е. *твој* и *твоја*). Или мы имеем дело с двумя вариантами одной и той же фонемы. Поскольку различие й и j целиком зависит от положения в слоге, постольку они являются фонетически обусловленными вариантами одной фонемы.

² Notes de phonétique générale. — Mémoires de la Société de Linguistique de Paris, 1910, t. XVI, p. 1—7.

многие согласные могут быть твердыми или мягкими. Это понимается обыкновенно в том смысле, что некое „л“ вообще, некое „т“ вообще и т. д. могут быть твердыми и мягкими. Это, конечно, неверно, т. к. в русском языке не существует ни „л“ вообще, ни „т“ вообще, а существует лишь „л“ твердое и „л“ мягкое, „т“ твердое и „т“ мягкое и т. п. Конечно, представители каждой подобной пары во многом сходны между собой, но ничуть не больше, чем многие другие пары русских согласных, например „т“ и „д“, „п“ и „б“, „б“ и „м“, „д“ и „н“ и т. д., и т. д.

Во всяком случае подобно „л“ и „ль“, „т“ и „ть“, „н“ и „нь“ и т. д. являются вполне самостоятельными фонемами, т. к. могут стоять в одинаковых фонетических положениях и могут дифференцировать разные слова, как это явствует из примеров, приведенных выше в списке фонем.

Неверное понимание сути вещей коренится, конечно, в смешении звуков с буквами, т. е. в применении к звукам того, что справедливо по отношению к буквам. В русском алфавите действительно, вместо того чтобы каждую фонему выражать особой буквой, имеется по одной букве для каждой пары твердой и мягкой фонем. В этом большое практическое достоинство алфавита; но в этом и его теоретический недостаток, внушающий ложные идеи. Возможность обозначения твердых и мягких согласных одной буквой сильно облегчена строем русского языка, в котором они очень часто чередуются друг с другом в разных формах одного и того же слова: „стол || на сталь-э“, „вад-а || вадь-э“, „сяд-у || сядь-эшь“, „сильн-ы| || сильнь-э|э“ и т. д., — а также при словопроизводстве: „черн-ы| || чернь-ить“, „ряб-о| || ряпь“ и т. п. Во всех этих случаях перемена твердого согласного на соответственный мягкий создает видоизменения корней, семантически абсолютно тождественных: „стол“ и „столь-“ (в *на столе*), „сяд-“ и „сядь-“ (в *сядешь*), „черн-“ (в *черный*) и „чернь-“ (в *чернить*).

Что касается сходства твердых и соответственных мягких согласных как с акустической, так и с артикуляторной точек зрения, то оно несомненно лишь у губных, у которых основная (губная) артикуляция остается неизменной, т. к. добавочная артикуляция, обуславливающая «мягкость» звука, состоит в поднятии средней части языка к твердому небу. Во всех прочих случаях сходство затемнено в большей или меньшей степени, благодаря взаимо-

действию основной и дополнительной артикуляций, оказывающихся обе язычными.

Особенно далеки друг от друга „л“ твердое и „ль“ мягкое, „т“, „д“ твердые и „ть“ и „дь“ мягкие; в меньшей степени — „с“, „з“ твердые и „сь“ и „зь“ мягкие, „р“ твердое и „рь“ мягкое.

В применении к паре „л/ль“ это видно между прочим из того, что в некоторых славянских языках и диалектах (а у нас в русском у отдельных индивидуумов) „л“ твердое превращается в „у“ неслоговое, чего никогда не бывает с „л“ мягким.

Что касается пар „т/ть“, „д/дь“, то надо подчеркнуть, что „ть, дь“ у нас слегка приближаются к мягким „ць“ и „дзь“. Наивная немецкая транскрипция русского имени *Митя* будет «Mitzia», из чего следует, что для среднего немца русское „ть“ звучит скорее как „ц“, чем как „т“.

Таким образом, оказывается, что развитие произношения мягких „ть, дь“ в русском идет в том же направлении, что и в белорусском, — хотя русские не «цэкают» и не «дзекают», как белоруссы, однако развитие русского произношения мягких „ть“ и „дь“ идет в этом направлении, в отличие от украинского. Точные исследования вполне подтверждают эти наблюдения.

Русские мягкие „сь, зь“ звучат несколько шепеляво. Нам это незаметно, как привычное; но оно становится заметным при сравнении нашего произношения с иностранным.

Наконец, „р“ твердое может быть более или менее раскатистым, если стоит не между гласными; „р“ мягкое — никогда. Кроме того, „р“ твердое в положении между гласными само приближается к гласному («огласняется», если так можно выразиться), а „рь“ мягкое склонно к превращению в фрикатив (т. е. в шум трения). Отличие мягких „кь, гь, хь“ от соответственных твердых не так велико, чтобы считать их уже не мягкими заднеязычными, а среднеязычными, как это некоторые думают: ¹ типичные среднеязычные, имеющиеся, например, в латышском, слишком характерны, чтобы можно было отождествить „кь, гь“ с латышскими «k, ģ».

¹ Опровержение этого мнения выходит далеко за рамки настоящей книги и относится к фонетике русского литературного языка.

Однако основная артикуляция „кь, гь“ будет все же несколько отличной от артикуляции „к, г“. Что касается „хь“, то оно диалектально произносится и в литературном языке как настоящее среднеязычное, немецкое «ç».

§ 36. Так как нормально в русском языке перед гласными „и“, „э“ (т. е. «i», «e») стоят лишь мягкие согласные, то может показаться, что мягкие согласные перед этими гласными фонетически обусловлены, и это тем более, что между ними действительно существует артикуляторная и акустическая близость: и для тех и для других средняя часть языка поднимается к твердому небу и мягкость согласных обусловлена той же артикуляцией. Однако это оказывается безусловно неверным по отношению к мягким согласным перед гласным „э“ (т. е. «e»): дело в том, что при русских мягких согласных язык поднимается к небу так же сильно, как при гласном „и“, а следовательно, гораздо больше, чем при гласном „э“ (т. е. «e»), а отсюда вытекает, что мягкость согласных перед этим гласным вовсе не является результатом живой ассимиляции. Эмпирически это подтверждается тем, что согласные „ш, ж, ц“ в русском языке нормально не смягчаются перед этим гласным: *каше* („кашэ“), *коже* („кожэ“), *курице* („курицэ“). Кроме того, никакого русского не затрудняет произношение слогов „тэ, дэ, нэ, сэ, зэ“ на стыке слов — *от этого, над этим, с этим, из этого, в этом, об этом* и т. п., а также в заимствованных словах — *Анатэма* (пьеса Л. Андреева), *адекватный, пенсне* (в произношении *пенснэ*), *сэр* и т. п.

Что касается положения мягких согласных перед „и“, то хотя фонетическая зависимость здесь и несомненна, однако она оказывается обратной: после мягких согласных мы произносим „и“, а после твердых всякое „и“ превращается в „ы“, как об этом подробнее будет сказано ниже в § 45.

Ф о н е м ы „ш, ж, ц, чь“

§ 37. Фонемы „ш, ж, ц, чь“ нормально не имеют в русском литературном языке параллелей по твердости и мягкости.¹ При этом „ш, ж, ц“ оказываются нормально

¹ Что касается фонемы „j“, то она является артикуляторно мягкой по своей природе: она образуется сближением средней

твердыми, а „чь“ — мягкой. Впрочем, диалектально „чь“ произносится и более или менее твердо некоторыми лицами, в остальном говорящими вполне литературно. (Возможность такого произношения находится, конечно, в связи с тем, что твердое „ч“ не используется фонологически. Ср. § 39).

Однако рядом с „ш, ж“ твердыми у половины русских, говорящих на литературном языке, имеются еще самостоятельные двойные мягкие „шьшь, жьжь“: ¹ *ищу* (в произношении одних „ишчю“, других — „ишьшю“), *гуща* (в произношении одних „гушчя“, в других — „гушьшя“), *возчик* (в произношении одних „вошчик“, других — „вошьшик“), *щи* (в произношении одних „шчи“, других — „шьши“), *визжать* (в произношении одних „вижжать“, других — „вижьжять“), *пригвозжу* (в произношении одних „пригвожжу“, других — „пригвожьжю“), *жжет* (в произношении одних „жжот“, других — „жьжет“), *вожжи* (в произношении одних „вожжы“, других — „вожьжи“).

Оба произношения — „шчь“, „жьжь“, с одной стороны, и „шьшь“, „жьжь“, с другой, — надо считать вполне литературными, а потому возникает вопрос о дополнении списка согласных фонем русского литературного языка двойным мягким „шьшь“ и двойным мягким „жьжь“. Это были бы фонемы, употребляемые не повсеместно и в сравнительно небольшом количестве слов, но тем не менее вполне выкристаллизовавшиеся в самостоятельные звуковые единицы: те, кто употребляет эти фонемы, вполне различают, например, слова *с женами* („жжонными“) и *жжеными* (квасцами) („жьженными“), которые смешиваются в разговорном стиле лицами, не знающими двойного „жьжь“ мягкого.

Первые различают слова *с шелком* и *щелком*, как „шшолкым“ и „шьшьолкым“, т. е. противопоставляя двойное твердое „шш“ двойному мягкому „шьшь“, вторые различают их, как „шшолкым“ и „шшелкым“, т. е. противопоставляя двойное твердое „шш“ звукосочетанию „шчь“.²

части языка с нёбом, что является характерным для всех мягких. Твердая параллель при ней принципиально невозможна.

¹ Относительно двойных согласных вообще см. выше раздел «Длительность отдельных звуков» (§ 32).

² Впрочем, надо иметь в виду, что для доказательства фонологичности того или иного звукового противопоставления вовсе не нужно приводить омонимических выражений: вполне доказатель-

Однако произношения „шчь“ и „жж“ более отвечают грамматической системе русского языка. Дело в том, что фонемы „к, т“ чередуются у нас с „чь“, а фонемы „г, д“ — с „ж“ твердым: *тык-ать* || *тыч-у, стук* || *стуч-у; мет-ать* || *меч-у, крут-ой* || *круч-а; круг-а, округ-у* || *о-круж-ать, лудить* || *лужу, двигать* || *движ-ут; глос-дать* || *глож-ут, город-ить* || *горож-у*. Поэтому при *искать* вполне естественно ожидать „ишчь-у“, а не „ишьшь-у“, при *воск* — „вошчь-ить“, а не „вошьшь-ить“; при *густ-ой* естественно ждать „гушчь-а“, а не „гушьшь-а“, при *пуст-ить* — „пушчь-у“, а не „пушьшь-у“, и далее при *визг-а, визг-у* и т. д. — „вижж-ать“, а не „вижьжь-ать“, при *брызг-ать* — „брыжж-у“, а не „брыжьжь-у“ и, наконец, при *при-гвозд-ить* — „при-гвожж-у“, а не „пригвожьжь-у“. Кроме того, фонемы „с, з“ фонетически ассимилируются с последующим „ш, ч, ж“, как это видно из следующих примеров: *без шеста, без числа, без жира* (в произношении „бешшэста“, „бешчисла“, „бежжыра“). Кроме того, надо отметить, что если написание *щ* ничего не говорит о его произнесении („шчь“ или „шьшь“), то написание *жжа, жжу* (а не *жжя, жжю*) красноречиво говорит об отразившемся в этих случаях в письменном языке произношении, а по аналогии решается и вопрос о произношении *щ* не как „шьшь“, а, следовательно, как „шчь“.

Учитывая все это, имея в виду наших националов, обучающихся русскому языку, иностранцев и глухонемых, я предпочитаю не включать двойных мягких „шьшь“ и „жьжь“ в основной список фонем русского литературного языка, сознательно предрешая этим орфоэпический вопрос. На это меня уполномочивает и современное состояние нашего правописания: букву *щ* мы можем считать и за дублет для буквосочетания *шч* и за выражение двойного мягкого „шьшь“; но мы не имеем сейчас возможности отличить на письме двойное мягкое „жьжь“ от двойного твердого „жж“. Мы увидим далее, что все это можно переделать; но пока я считаю правильным не ломать здесь традиции нашего письменного языка. Окончательное же решение вопроса надо предоставить компетентной комиссии, которая будет решать его в плане общей языковой политики и отнюдь не по поводу правописания.

ной является уже возможность появления членов подобного противоположения в одинаковых фонетических условиях.

§ 38. Поскольку вся система русских согласных характеризуется их парностью по твердости и мягкости, постольку появление в них простых мягких „шь, жь, ць“ вполне возможно и фонологически и фонетически. Таким образом, они являются как бы фонемами в потенции, как бы «готовыми к услугам» русского языка: свидетелями тому являются заимствованные слова вроде *брошюра, жюри, парашют*, которые произносятся либо на французский лад, либо как „брашьюра, жьюри, парашьют“. С мягким „ць“ произносятся и такие собственные имена, как *Цюрих, Пестолоцци, Цявловский* и т. д. Наконец, с мягким же „ць“ произносится весь бесконечный ряд существительных на *-ция* (*революция, механизация, станция* и т. д.), прилагательные на *-ционный / -циональный* (*порционный, мобилизационный, рациональный, национальный*) и т. д.

Что касается фонемы „чь“, то при ней не наблюдается употребления твердой параллели в качестве особой фонемы, хотя потенциально это и вполне возможно, а в отдельных случаях при заимствованиях собственных имен и желателно, ср. например китайское *Яньчэн* (о твердом произношении этой фонемы в литературном вообще языке см. выше § 37).

Ф о н е м ы „кь, гь, хь“

§ 39. Для многих спорным является вопрос о наличии в нашей системе фонем мягких заднеязычных „кь, гь, хь“. Хотя они появляются у нас почти исключительно перед гласными „э“ (т. е. «е») и „и“ (перед „и“ невозможны твердые „к, г, х“, как и прочие твердые согласные, но знаменательно, что в русском невозможны и сочетания „кы, гы, хы“), однако произносительно они возможны в любом положении, кроме как перед „ы“, и встречаются в таких словах, как вполне литературные *ткёт* (т. е. „ткъ-от“), *ткёшь, ткём, ткёте* и как весьма распространенное разговорное *жгёт* (т. е. „жгь-от“) и т. д., *секёт* (т. е. „секь-от“) и т. д. Хотя в литературном языке таких форм и немного, однако и одной достаточно, чтобы показать, что они вполне возможны и что появление их во всяком случае ни в какой мере не зависит от фонетических условий. Сюда же относятся заимствованные слова вроде *гяур, Кяхта* и некоторые другие. О фонетической необязательности вообще русских мягких перед гласным „э“

(т. е. «е») было сказано выше в § 36. Это справедливо, конечно, и по отношению к русским „кь, гь, хь“. К примерам, приводившимся в § 36, можно прибавить междометие *хе-хе!* в смысле ‘вот оно как’, которое произносится и с мягким и с твердым „х“ (в связи с чем иногда и пишется *хэ-хэ*), и заимствованное слово *кэб, кекс* (или *кэкс*) и некоторые другие, которые по-русски вовсе не обязательно произносятся „кьэп“, „кьэкс“ (т. е. «к’ер, к’екс»), а могут произноситься и „кэп“, „кэкс“.

Однако самое главное доказательство наличия в нашей системе фонем мягких „кь, гь, хь“ состоит в том, что чередования „к || кь, г || гь, х || хь“ в целом ряде случаев морфологизованы (грамматикализованы), входя в систему чередований твердых и мягких согласных при склонении и при спряжении: „рук-а || рукь-э, наг-а || нагь-э, блах-а || блахь-э“,¹ как „вад-а || вадь-э, гар-а || гарь-э, слив-а || сливь-э“ и т. д.; „тк-у || ткь-ош, жг-у || жгь-ош“ и т. д., как „сяд-у || сядь-эш, вян-у || вянть-эш, вед-у || ведь-ош, греб-у || гребь-ош“ и т. д. В конце концов можно даже сказать, что так называемые правильные формы „печь-ош“ при „пек-у“, „течь-ош“ при „тек-у“, „лж-ош“ при „лгу“, „береж-ош“ при „берег-у“ и т. д. являются литературными реликтами и при свободном (от письменной традиции) развитии языка давно были бы вытеснены формами „пекь-ош“, „текь-ош“, „лгь-ош“, „берегь-ош“ и т. д. В детском языке вполне возможны такие образования, как *сух-ее, тих-ее* (вм. *суш-е, тиш-е*) и т. п. От *полог-ий, пег-ий* нельзя сказать *полож-е, перж-е*, и в разговоре всегда могут сорваться *полог-ее, пег-ее* и т. п.

Все это вместе взятое заставляет признавать безусловное наличие фонем „кь, гь, хь“ в системе русских согласных.

М я г к о с т ь и т в е р д о с т ь с о г л а с н ы х п е р е д м я г к и м и

§ 40. Может показаться, что в положении перед мягкими согласными в русском языке противоположение твердых и мягких согласных невозможно. Дело в том, что, действительно, качество твердости и мягкости со-

¹ Формы *руке, ноге, блохе* заменили более старые *руцѣ, нозѣ, блохѣ*.

гласных безусловно хорошо воспринимается лишь перед гласными и на конце слов. Перед согласными же во многих случаях конец предшествующего согласного сливается с началом следующего, благодаря чему в этом положении восприятие твердости и мягкости первого согласного становится менее четким, а иногда и вовсе невозможным (ср., например, группы „тль, дль, трь, дрь“ в начале слова).¹ Далее надо констатировать, что некоторые согласные в процессе речи в той или другой мере ассимилируются по мягкости следующим мягким согласным. Особенно склонны к этому „с“ и „з“, ср., например, произношение слов *кости, гвозди*. При этом часть говорящих на русском литературном языке воспринимает получающиеся в результате ассимиляции согласные, как настоящие мягкие. Другая же часть вполне различает такие группы, как „сьтьи, зьдьи“, с одной стороны, и „стьи, здьи“, — с другой, где при полной мягкости предшествующего согласного в первом случае наблюдается лишь его «полумягкость» во втором; написания *косьти, гвоздьди, съни, зьмей, разьница, ресьница* и т. п. кажутся представителям этой группы говорящих по-русски не отвечающими их произношению. Это становится особенно очевидным при четком произношении: подчеркнутое мягкое произношение первого согласного группы в этих словах оказывается решительно шокирующим, тогда как в словах *Кузьмич, бросьте* и т. п. оно звучит вполне естественно. Ср. еще произношение таких слов и словосочетаний, как *лезьте* (= „льэсьтьэ“) и *без лести* (= „бьэзльэстьи“), *ось-тебе* (а не чека) (= „ось тьэбьэ“) и *кости* (= „костьи“), *возьми* (= „возьми“) и *змей* (= „змьий“); группы *сьть* и *сть*, *зьмь* и *змь* в этих случаях никак не смешиваются для очень и очень многих русских.

Очень склонно к ассимиляции „н“ перед мягкими „ть, дь“. Однако и здесь нельзя сказать, чтобы все произносили одинаково группу *онть* в словах *зонтик* и *троньте* или группу *анть* в словах *банте* и *станьте*.

Перед „j“ все согласные склонны к ассимиляции, ср. произношение „адъюнкт, адъютант“ вм. „адъюнкт, адъютант“, однако *подъезд, отъезд, изъезд* и т. п. вполне возможны и даже предпочтительны в полном стиле с твердыми согласными.

¹ Вообще условия восприятия твердости и мягкости согласных являются большим и мало еще изученным вопросом.

§ 41. Что касается многих других согласных, то противопоставление их по твердости и мягкости перед мягкими фонетически вполне возможно: „немки“ и „немьки“, „лапти“ и „лаптьи“ (ср. повелит. наклон. от несуществующего глагола *лапить* — *лапьте*), „паткофки“ и „паткофьки“, „дверь, дьверь“, „затмить“ и „затьмить“, „фанарщик“ и „фанарьщик“ и т. д. Если ко всем этим словам по историческим причинам не всегда имеются соответственные противопологающиеся слова или их части, то все же оба произношения настолько возможны, что во многих случаях является спорным вопросом, которое из них надо считать литературным.

Ассимиляция не обязательна даже при двойных согласных: при втором мягком первый не обязательно должен быть тоже мягким. Нормально мы говорим слово *пленник* с двумя мягкими „нь“; но уже произношение „Аньне, в касьсе“ вовсе не обязательно — можно говорить и „Аньне, в касьсе“.

Что касается таких слов, как *оттепель*, *подделать*, то они произносятся „отътепель, подьделать“ и во всяком случае произношение с двумя мягкими согласными („отътепель, подьделать“) в полном стиле было бы неестественным и даже смешным.

Поскольку категория мягких губных находится несомненно в некотором упадке (ср. произношение „сем, восем, кроф, сып“ и т. д. вместо „семь, восемь, крофь, сыпь“ и т. д. — ср. также разложение категории мягких губных в украинском и белорусском), постольку различие мягких и твердых губных перед согласными вообще не соблюдается: *вьюжный* и *в южной* (стороне) произносятся одинаково, одними — с мягким „вь“, другими — с твердым „в“.

Наконец, надо отметить и то, что различие твердости и мягкости согласных перед мягкими согласными сравнительно мало используется фонологически в русском языке, хотя в очень многих фонетических положениях это было бы вполне возможно.

В связи со всем сказанным мне придется в дальнейшем, не предрешая орфоэпического вопроса, который потребует большого и тщательного предварительного исследования, исходить в основном из того состояния русского языка, которое отражено в письменном языке, т. е. буду считать за норму произношения *когти, немки, дверь*

и т. д. с фонологически твердыми, а фонетически — полумягкими согласными, а *бросьте, возьмите, Кузьмич* — с мягкими.

Гласные фонемы

[Сочетания с предшествующим
мягким согласным]

§ 42. Многим кажется совершенно неправильным утверждение, что слоги *ня, нё, ню; ля, лё, лю* и т. д. разлагаются просто на „нь + а, нь + о, нь + у; ль + а, ль + о, ль + у“ и т. д. При этом большинству кажется, что слоги эти разлагаются на „нь + ја, нь + јо, нь + ју; ль + ја, ль + јо, ль + ју“ и т. д. Однако если без предубеждения попробовать сложить эти элементы обратно, то получатся *нья, ньё, нью; лья, льё, лью* и т. д. Так и получается у маленьких детей, выучивших только буквы: более бойкие из них протестуют против того, что, например, *ль + я* (т. е. „а“) будет *ля* (т. е. „ля“), я этому был много раз свидетелем. Они настаивают на том, что *ль + я* будет „льја“, т. е. *лья*, и написание *Галя* готовы считать ошибочным. Убеждение, что *л + я* будет „ля“, т. е. *ля*, можно вогнать в детей лишь авторитарным путем, и подобное утверждение в сущности ничем не лучше утверждений, что *буки + аз* будет — *ба*.

Практически оно гораздо хуже, так как идет под флагом звукового (!?) метода. Насильственно внушенное нам в раннем возрасте убеждение, что при сложении звука „л“ со звуко сочетанием „ја“ (т. е. *я*) получается „ля“ (т. е. *ля*), является настолько прочным, что необходимо иметь очень критический ум и нужно потратить много труда, чтобы до конца разубедить себя в этом. Впрочем, людям, изучавшим иностранные языки, это дается значительно легче. В самом деле, наше *л + я*, например, по-немецки можно изобразить только как *l + ja*, а это и будет «lja», т. е. наше *ля*, тогда как «l» (т. е. более или менее наше „ль“) + а дает *la* (т. е. более или менее наше *ля*).¹

¹ Психологически подойти к пониманию состава наших звуко-сочетаний *ня, не, ню* и т. д. может помочь сопоставление таких слов, как *копья* и *копья* (т. е. „капья“=«кар'а» и „капья“=«кар'ја») или *Коля* и *колья* (т. е. „колья“=«kol'a» и „колья“=«kol'ja») и т. п. Может помочь морфологический анализ прилагательных и местоимений с крепкими окончаниями: *бел, бел-а, бел-о; папин, па-*

Есть, однако, более тонкие люди, которые, вполне соглашаясь со всем только что сказанным, утверждают все же, что, хотя в русском сочетании „ля“ и нет „ja“, но что гласный этого сочетания нельзя вполне отождествлять со звуком „а“. И это совершенно справедливо. В звуко сочетаниях *ля, лё, лю* и т. д. мы на самом деле произносим не чистые гласные „а, о, у“,¹ а нечто вроде „^на, ^но, ^ну“, т. е. „а, о, у“ с маленьким придатком в начале чего-то напоминающего звук „и“. Этот элемент никоим образом не может быть выделен или продолжен (удлинен) и является не отдельной фонемой, а лишь придатком последующих гласных (морфологическая граница никогда не проходит одновременно перед ним и после него). Однако наличие его, как показали точные экспериментальные данные,² не подлежит никакому сомнению. При некоторой тренировке эти „^на, ^но, ^ну“ можно научиться произносить и отдельно.

§ 43. Поэтому вполне естественно поставить вопрос, не являются ли эти „^на, ^но, ^ну“ самостоятельными фонемами. Поскольку, однако, эти звуки появляются только после мягких согласных и никогда не стоят ни в начале слов, ни после гласных, ни после твердых согласных, постольку приходится сделать вывод, что они являются лишь фонетическими вариантами соответственных гласных „а, о, у“, обусловленными мягкостью предыдущих согласных. Если бы мягкие согласные появлялись только в зависимом положении, скажем только перед „и“, а звуки „^на, ^но, ^ну“ встречались, например, и в начале слов, то именно эти последние были бы самостоятельными фонемами, а мягкие согласные — вариантами соответственных твердых согласных. Такое положение вещей не невозможно при разрушении категории мягких согласных как самостоятельных фонем. Думается, что по диалектам такой путь развития кое-где и намечается; но для литературного языка об этом и думать не приходится, и звуки „^на, ^но, ^ну“, если даже они и воспринимаются как тако-

пин-а, папин-о; наш, наш-а, наш-э; синь, синь-а, синь-э; весь, всь-я, всь-э (точнее „^нфсь-а“, „^нфсь-э“). Совершенно очевидно, что во всех этих случаях „j“ не участвует в образовании женского и среднего рода: „j“ же в словах „моj-, маj-а, маj-о; твоj-, тваj-а, тваj-о, сваj-а, сваj-о“ относится к корню и во всяком случае к основе слова.

¹ Точнее „^на, ^но, ^ну“.

² Ср. мою книгу «Русские гласные в качественном и количественном отношении», [СПб.], 1912, стр. 84 сл.

вые (а обыкновенно они не воспринимаются и во всяком случае никто¹ не в состоянии их изолировать), безусловно не являются самостоятельными фонемами, и написания *я, ё, ю* после согласных вместо ожидаемых *а, о, у* имеют в виду лишь обозначить на письме мягкость предшествующих согласных.

§ 44. Почти все сказанное относится и к слогам *ле, те, де* и т. д., где буква *е* вовсе не обозначает „*јэ*“ (=«*је*»), как это имеет место в начале слов, после гласных и после *ъ* и *ь*, например в словах *ел, поел, съел, в ружье* (т. е. „*јэл, пајэл, сјэл, в ружје*“).

После согласных буква *е* обозначает их мягкость, параллельно тому, как буква *э* после согласных обозначает их твердость (*тема, но Анатэма*). При этом звук „*э*“ после мягких в произношении тоже имеет маленький придаток в виде очень короткого „*и*“, так что звуки слова *сел*, например, в транскрипции следовало бы изобразить так: „*сь^иэл*“. Однако в данном случае не приходится говорить, что звук „*э*“ является вариантом фонемы „*э*“, так как эта последняя нормально так произносится и в независимом положении: *эта, эти, эва* (междометие), *экий* в транскрипции „*эта, этьи, эва, экий*“. Далее, в иностранных словах мы также произносим наше *э* обратное в начале слов: „*эхо, эпос, эвелина*“ и т. д. (любопытно отметить, что собственное имя *Ева* произносится либо „*јэва*“, либо „*эва*“). Произношение всех этих и им подобных слов с чистым „*э*“ характеризует людей, хорошо знакомых с иностранными языками, где, разумеется, нет ничего подобного. Причина такого положения вещей очевидна: собственно русских слов с твердым согласным перед „*э*“ нет, кроме тех, где оно стоит после твердых „*ш, ж, ц*“ (*шест, жертва, целый*). Случаев с „*э*“ в начале слова исключительно мало, а после гласных и вовсе нет, если не считать слов заимствованных. Поэтому произношение „*э*“, которое фонетически оправдано после мягких согласных, являясь доминирующим, приобрело значение главного оттенка и в качестве такого естественно проникает и в независимое положение.

¹ Конечно, кроме тех людей, в диалекте которых начинает разрушаться категория мягких согласных.

§ 45. Переходим к спорному вопросу об „ы“, является ли оно самостоятельной фонемой или лишь оттенком, вариантом фонемы „и“, как это утверждал уже профессор Бодуэн де Куртенэ. Действительно, „ы“ и „и“ составляют настолько тесную пару, что механически заменяют друг друга в положении после согласных, причем после мягких может стоять только „и“, после твердых — только „ы“: противоположение *ы/и* является лишь фонетической функцией противоположения твердых и мягких согласных. Самые убедительные примеры находим на стыке слов: *с икрой* — произносится „сыкрой“, *в игре* — „выгре“, *под избой* — „подызбой“, *этот извозчик* — „этот-ызвозчик“, сокращение исчезнувшего теперь термина *вол. исполком* (волостной исполнительный комитет) — „волысполком“ и т. п. Случаев обратных, т. е. замены „ы“ через „и“, нет, так как нет слов, начинающихся на *ы*. Однако из морфологии можно сослаться на им.-вин. пад. множ. ч., который оканчивается на *ы* после твердых согласных и на *и* после мягких, хотя это последнее не имеет никакого исторического оправдания. К сожалению, продуктивных суффиксов, начинающихся на *ы*, у нас тоже нет, но если бы мы вздумали по образцу *раб / рабыня* образовать женский род от слова *царь*, то сказали бы, конечно, *цариня*, а не *царыня*; от *вождь* было бы *вождиня* и уж никак не *вождыня*, от *князь*, если бы не было слова *княгиня*, образовали бы, конечно, *князиня* и отнюдь не *князыня*. Аналогичные соображения можно вести и по поводу суффиксов *-ыня* в словах *пустыня*, *твердыня*, и по поводу суффикса *-ырь* в словах *пузырь*, *пупырь* и т. п.

В конце концов и нет надобности во всех этих примерах, так как и так очевидно, что для русского соединить твердый согласный с *и* и мягкий с *ы*, т. е. выговорить „ди“ с твердым „д“ и „ды“ практически невозможно.¹

¹ Однако в тех случаях, когда между согласным и гласным „и“ проходит словесная, а следовательно, и слоговая граница (см. сказанное в § 29), возможны и сочетания твердого согласного с гласным „и“: „хо-дил-И-ван“ (хотя можно и „хо-дил-Ы-ван“), ка-коф-И-горь“, „мёт-и-са-ло“ и т. п. (но если слоговая граница не будет совпадать со словесной, то в сочетании с твердым согласным возможно только „ы“: „хо-ди-лы-ван“, „ја-ко-вы-га-ре-вич“ и т. п.). Отсюда такое произношение переносится и внутрь слова на сочетания последнего согласного префикса с начальным „и“ корня

Таким образом, по-видимому „ы“ и „и“ приходится признать вариантами единой фонемы, из которых главным придется признать „и“, поскольку „ы“ вовсе не встречается в независимом положении. Получается случай более или менее аналогичный тому, что мы наблюдали при звуках „а, о, у“. Однако интуитивно что-то мешает нам считать „и“ и „ы“ за одну фонему. И действительно, хотя в конкретных русских словах „ы“ никогда не встречается в независимом положении, тем не менее нас несколько не затрудняет его изолировать и в конце концов по аналогии к глаголам *акать, окать, экать, икать* образовать глагол *ыкать* (пример Д. Н. Ушакова). А раз так, то уже трудно утверждать, что „ы“ не является особой фонемой, хотя появление его и является фонетически обусловленным в большинстве случаев. Как же объяснить получающееся противоречие? Несомненно, что когда-то „ы“ было вполне самостоятельной фонемой и вовсе не ассоциировалось с фонемой „и“: оно могло также стоять в независимом начальном положении, как это может быть и теперь еще видно из глагола *об-ыкнуть*, который не обязательно продолжает *обвыкнуть*. В результате целого ряда фонетических процессов „ы“ ассоциировалось с фонемой „и“ и оказалось относительно него в определенных фонетических условиях. Это вполне подготовило почву для его окончательного слияния с „и“, но это слияние еще не произошло, как это случилось в чешском. Пережиточно „ы“ сохраняет свою самостоятельность, которая выражается в том, что при его продлении оно вовсе не переходит в „и“. Следовательно, „ы“ в *сын, было* и т. п. обусловлено не только фонетически предшествующим твердым согласным, но и традиционно. По-чешски «i» после твердых согласных сначала тоже напоминает русское „ы“, но потом оно переходит в настоящее „и“ (что особенно ясно при долгих «i»). По-русски, сколько ни тяни „-ы-“, оно, и будучи освобождено от ассимилятивного влияния предшествующего твердого согласного, остается самим собой. Таково положение вещей в настоящий момент, а как дальше пойдет развитие языка — трудно сказать с уверенностью. Во всяком случае нет оснований сейчас совершенно отказывать „ы“ в самостоя-

над-индивидуальный, без-идейный и т. п. В конце концов не невозможно и произношение „с-измальства, в-игре“ и т. п. с сильноподобными „с“ и „в“; но, конечно, „сызнава, выграх“.

тельности: потенциально оно может стоять и в независимом положении и может дифференцировать слова (*йкать* — *ыкать*).

[Ф о н е м а „о“]

§ 46. Теперь надо сказать несколько слов о фонеме „о“. Она замечательна тем, что нормально не встречается в русских словах в неударных слогах, чередуясь в этом положении с фонемой „а“: „вод-ный || вад-а, соль || саленый, дом || дама“ и т. д. Обыкновенно это чередование считается чисто фонетическим. Однако это неверно: во фразе в безударных словах, так называемых проклитиках и энклитиках, „о“ может сохраняться: *но я не верю в него* (здесь *но* сохраняет свое „о“); *я знаю, что он дома* (безударное *что* сохраняет свое „о“); *приехал он домой* (постпозитивное *он* является безударным и сохраняет свое „о“); *хотя он приехал домой* (здесь препозитивное *он* сохраняет свое ударение).

Следовательно, безударность в настоящее время не превращает „о“ в „а“. Благодаря этому в литературном языке возможно все же в некоторых случаях и неударенное „о“ в слове. Прежде всего это наблюдается в окончаниях некоторых морфологических категорий, где замена „о“ через „а“ может вызвать недоразумение: так, мы легко можем сказать *сало* с „о“ (им. ед. ч.) в отличие от *сала* (род. ед. ч.), *вагоном* с „о“ (твор. ед. ч.) в отличие от *вагонам* (дат. мн. ч.). Далее, неударенное „о“ иногда произносится в иностранных словах тоже во избежание смешения: так, мы говорим *эротический* с „о“ в отличие от *эратический*. Впрочем, надо иметь в виду, что злоупотребление неударенным „о“ в иностранных словах воспринимается как снобизм, т. е. как своеобразный арготизм.

[В а р и а н т ы у д а р е н н ы х г л а с н ы х]

§ 47. В этом параграфе мы рассмотрим варианты ударенных гласных фонем, зависящие от окружения. Как было сказано еще в § 12, в русском языке все согласные, как предшествующие, так и последующие, чувствительно влияют на гласные. В связи с тем, что категория мягких согласных играет большую роль в звуковой системе рус-

ского языка, остановимся только на их влиянии на гласные. Главнейшие случаи влияния предшествующих мягких были разобраны в § 42. Здесь мы разберем еще случаи влияния последующих мягких, как наиболее известные в литературе.

Гласный „а“ перед мягкими согласными становится решительно передним гласным, склонным к „э“: *дать, мазь, даль* и т. п. Между двумя мягкими „а“ приближается в разговорном стиле к звуку «æ» (о характере этого звука ближе сказано в примечании к этому §): *пять, сядь, зять* и т. д. Однако достаточно небольшого внимания к данному слогу, чтобы он звучал с обычным в этом положении „а“.

Гласный „ы“ перед мягкими теряет характерное для него подгибание самого кончика языка, который становится, таким образом, совсем плоским, что и обуславливает принадлежность этого варианта к типу смешанных гласных: *ныть, рысь, дыня* и т. п.

Гласный „э“ перед мягкими, т. е. практически между двумя мягкими, так как нормально в русском языке ему предшествует мягкий согласный, становится крайне закрытым узким, гораздо более закрытым, чем закрытые *e* известных европейских языков: *тень, смесь, сели* и т. п. После твердых оно произносится немного более открыто, приближаясь к закрытому французскому *e*: *цепи, шесть, жерех, к хризантэме* и т. п. Между двух твердых „э“ произносится очень открыто: *хризантэма, цена* и т. п.

Гласный „и“ перед мягкими, т. е. опять-таки между двумя мягкими, так как *и* не может в русском языке стоять после твердых, будет произноситься чувствительно закрытее, чем в иных положениях: *нить* (ср. *кит*); *лисий* (ср. *рис*); *сильный* (ср. *сил*) и т. п.

Гласные „о, у“ изменяются перед мягкими, как и все прочие гласные, однако это менее заметно для неизощренного слуха. Зато между двумя мягкими они в разговорном стиле приближаются — первое к немецкому «ö», а второе к немецкому «ü», которые мы будем изображать в транскрипции через „ö“ и „ü“: *тётя, несёте, берёзе* и т. п.; *люди, плюньте, клюйте, плюц* и т. п. Однако подобно тому, как это имеет место и при „а“ между двумя мягкими (см. выше), достаточно самого небольшого внимания к данным слогам для того, чтобы они стали протяжнее, а гласные вернулись к нормальным „о“ и „у“.

Что все разобранные в этом параграфе изменения гласных дают только варианты фонем, а не фонемы, не подлежит сомнению, так как ни один из них не стоит в независимом положении. Говорящие почти не умеют их изолировать, а следовательно, они не могут быть использованы для дифференциации и при протягивании переходят к типичной артикуляции.

Примечание. Гласные „э, ё, ю“ на самом деле представляют собою сложные образования: они начинаются и кончаются — первый — элементом „и“, второй — „ё“ (начинается даже элементом „ю“), третий — „ю“, но в середине они в большей или меньшей мере, в зависимости от стиля, приближаются к „а, о, у“ соответственно, а в полном стиле обязательно достигают их.

§ 48. Фонема „э“ характерна в русском языке тем, что нормально перед ней стоит какой-нибудь мягкий согласный: для собственно русских слов нормальны лишь слоги „пья, бья, тья, дья, лья, ја, кья, гья“ и т. д. Слов „э, пэ, бэ, тэ, дэ, кэ, гэ“ и т. д. нормально нет. Однако поскольку все же есть несколько русских слов, начинающихся на „э“ (*этот, эдак, экий* и т. п.), а также поскольку в русских словах имеются твердые слоги „шэ, жэ, цэ“ (*шест, жечь, цены*), постольку надо признать, что твердые слоги с „э“ вполне возможны в русском языке. В связи с этим многие заимствованные слова в русском литературном языке нормально произносятся с начальным „э“ и с твердыми согласными перед „э“: „кашнэ, пенснэ, экосэз, конэсэр, рэквием, тэсты, хризантэмы, сэттер, эль, экватор“ и т. п. Особенно часто так произносятся собственные имена: „Лафонтэн, Корнэль, Додэ, Гетэ, Дэрби, Рэймс, Сэвр, Дрэзден, Рэйн, Одэр, Рэнн, Эврипид и Еврипид“.

Неударенные гласные

§ 49. До сих пор речь шла об ударенных гласных. Неударенные гласные в разговорных стилях разных типов подвергаются, как было сказано в § 30, количественной и качественной редукции разной степени вплоть до полного исчезновения. Эта степень зависит от места данного гласного в слове относительно ударенного слога, а главное от типа разговорного стиля. Нормализуя этот стиль по некой средней линии, можно получить несколько типов

неударенных редуцированных гласных разговорного стиля. Таков, например, второй гласный в словах *хобот*, *норов*, *капал*, *козырь*, *может*, *сушит*, *голод*, *бороду*, *сахара*, *панцыря* и первый гласный в словах *морская*, *бытовой*, *сладковатый*, *цеповой*, *шаловливый* и т. п. Таков другой тип в первом слоге слов *плясать*, *глядеть*, *чесать*, *чихать* и во втором слоге слов *челядь*, *лебедь*, *знает*, *мочит* и т. п. Таков третий тип во втором слоге слов *ложут*, *тетушка*, *гарус* и в первом слоге слов *судовой*, *судаки*, *буровая*, *душевой* и т. п. Спрашивается, не следует ли считать эти редуцированные гласные за особые фонемы русского языка, отличные от соответственных передних в ударенных слогах. Ответ может быть только отрицательный, поскольку звуковое противоположение в одинаковых фонетических условиях невозможно: в ударенных слогах не может быть редуцированных гласных, а в неударенных — соответственных полных гласных, а следовательно, не может быть и речи о семантизации противоположения полных и редуцированных гласных. Но главное, что решает вопрос, — это полный стиль: при переходе из разговорного стиля в полный все редуцированные гласные переходят в полные, не смешиваясь, однако, с ударенными в силу определенных качественных отличий.

Таким образом, в полном стиле качественно различаются гласные ударенные и неударенные, причем именно первые приходится считать вариантами фонем, а вторые — типовыми оттенками, так как появление первых обусловлено фонетически ударением. Это особенно четко сказывается в том, что ударенные гласные при их продлении качественно совпадают с неударенными, как это естественно и ожидать в связи с описанным в § 30 механизмом ударения.

§ 50. Артикуляторные различия между ударенными и неударенными гласными показаны на ряде рисунков. Эти рисунки представляют собой сагиттальный разрез полости рта, куда нанесены положения языка при разных русских гласных полного стиля или, как говорят, их профили. На рис. 1 даны профили передних гласных и гласного „а“. Сплошными линиями даны неударенные гласные, а прерывистыми — ударенные. Значение отдельных линий обозначено буквами международной транскрипции.

а — например, в словах *сады́*, *голова́*, т. е. „галава“, *города́*, т. е. „гарада“, и т. п.

á — например, в словах *да́н, городá*, т. е. „гарада“, и т. п.

е — например, в словах *седо́й, седова́тый*, т. е. „седаватый“, *знает*, т. е. „знајэт“, в *по́ле* (вин. пад.), в *го́ре* (местн. п.) и т. п.

é — например, в словах *це́п, це́ны, хризанте́м*, т. е. „хризантэм“, а также конец гласного в словах *бе́ды*, т. е. „б"эды“, *се́но*, т. е. „с"эно“, *ле́то*, т. е. „л"это“, и т. п.

é — например, в словах *це́ло, ше́сть, же́сть*.

é — например, в словах *те́нь, те́сть, се́ли* и т. п.

í — например, в словах *мила́, киты́, Та́ни, кúпит* и т. п.

í — например, в словах *ми́л, си́ла, возьми́, горит́*, т. е. „гарит“, и т. п.

На рис. 2 даны профили задних гласных и гласного „ы“. Сплошными линиями даны неударенные гласные, а прерывистыми — ударенные. Значение отдельных линий обозначено тоже буквами международной транскрипции.

о — например, в словосочетании *да́л он, что прие́хал вчера́* и т. п.

ó — например, в словосочетаниях и словах *он да́л, чтó видел? со́н, о́кна* и т. п.

ú — например, в словах *губá, судá, судово́й, во́ду, глянóт* и т. п.

ú — например, в словах *гúбы, прúд, берегú, бредúт* и т. п.

ы — например, в словах *рыба́к, го́ры, прóстыни* и т. п.

ы́ — например, в словах *сы́н, ры́ба, горы́* и т. п.

На рис. 3 соединены для наглядности профили всех неударенных гласных, т. е. основных оттенков русских гласных.

Сплошными линиями даны передние „и, э“, а также гласные „а, о“, прерывистыми же — заднее „у“ и смешанное „ы“. Обращаю внимание на то любопытное обстоятельство, что неударенные „а“ и „о“ имеют одну и ту же языковую артикуляцию.

Примечание: Описанные в тексте рисунки в рукописи отсутствуют. Аналогичные им схемы передних ударенных (1), задних ударенных (2) и неударенных (3) взяты из архивов Л. В. Щербы. Указанные им сопоставления можно произвести, сравнив рис. 1 и 2 с рис. 3. — *Ред.*

Рис. 1.
Передние ударенные.

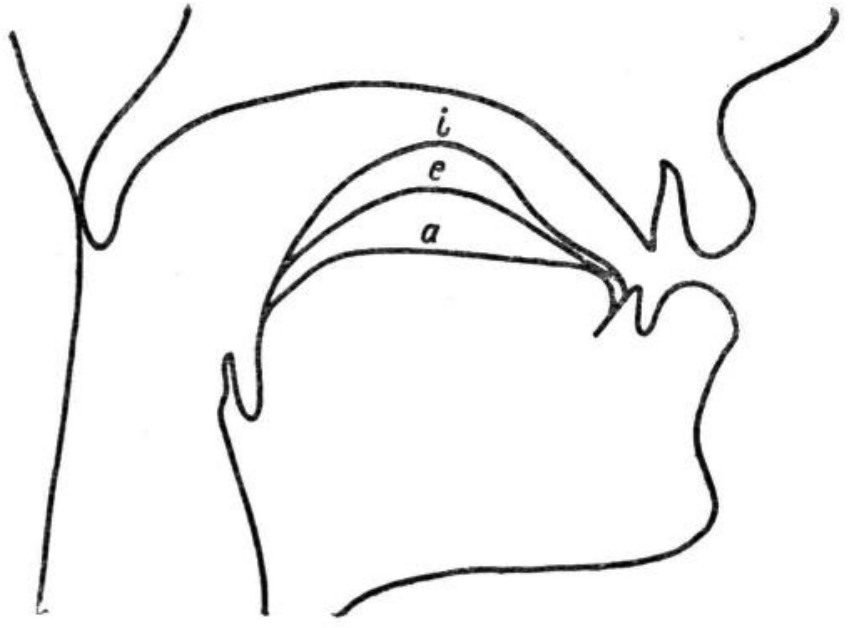

Рис. 2.
Задние ударенные.

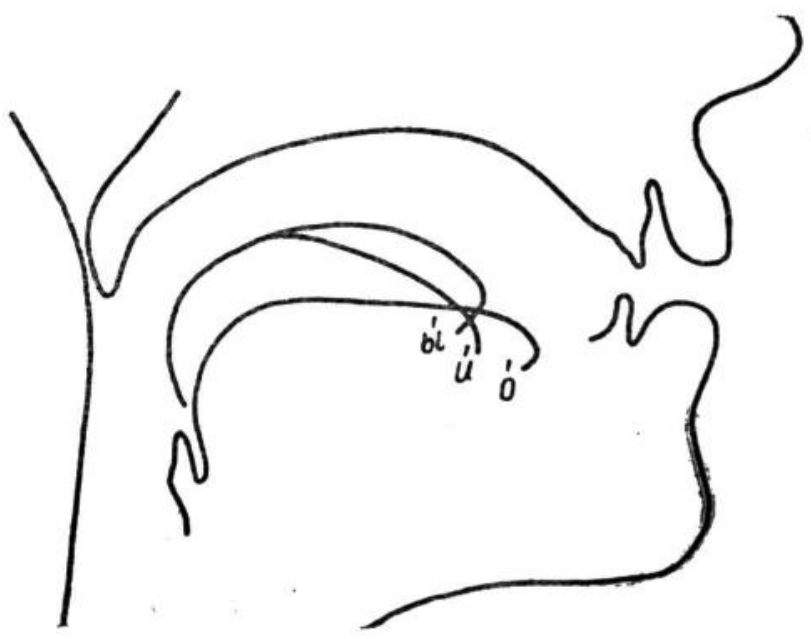
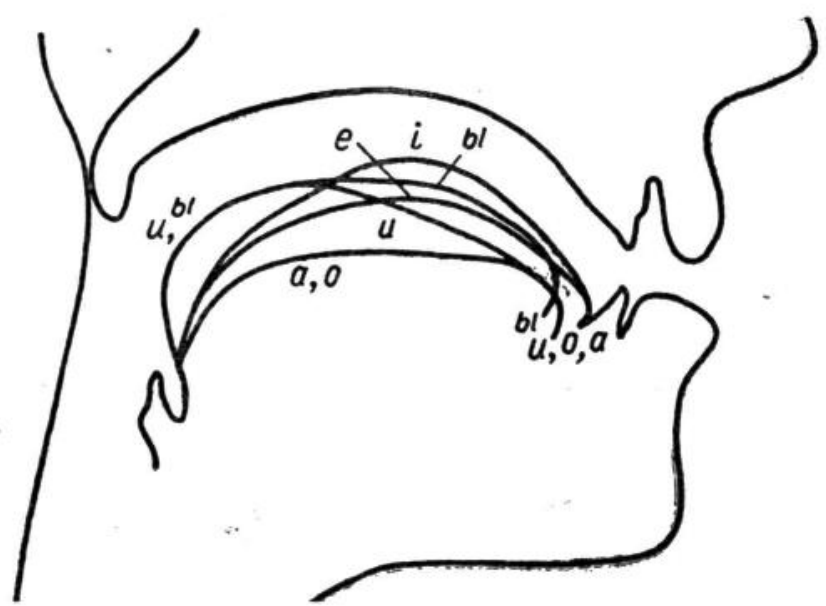

Рис. 3.
Неударенные.

§ 51. Неударенные гласные полного стиля, как было уже сказано выше, в разговорном стиле редуцируются в разной степени. Исходя из полного стиля, можно попытаться сформулировать некоторые правила этой редукции, которые, однако, не должны претендовать на непогрешимость в виду исключительной трудности выдержать единый стиль.

Они даются в этом параграфе для иллюстрации сложной игры разных оттенков одних и тех же в сущности фонем, которая характерна для разговорного стиля в неударенных слогах.

1) Слоги, начинающиеся на гласный и на твердый согласный, более или менее сохраняют свои гласные в предударном положении, в конечном открытом слоге, а также в слове, если оно начинается с гласного: „сады́, вада́, быки́, суда́, каро́ва, каро́ву, каро́вы, ре́же, адэква́тный, креату́ра, алóэ, арабе́ск, уро́к, экра́н, украша́ть, этажи́“.

2) Гласный „э“ после мягких (на письме *e*), гласный „а“ тоже после мягких (на письме *я*) и гласный „и“ во всех неударенных слогах, кроме конечного открытого, превращаются в редуцированное „и“, которое в транскрипции будем изображать курсивом: „плисать“ (в полном стиле теперь чаще всего „плясать“, однако и „плесать“, которое было старой орфоэпической нормой), „писок“ (при „песок“ полного стиля), „силач“ (при „силач“ полного стиля), „лебить“ (при „лебеть“ полного стиля), „челить“ (при „челять“ полного стиля); в связи с этим *пискарь* и *пескарь*, *ледяной* или *леденой*, *питух* и *петух*, *мила* и *мела*, *метель* и *мятель* и т. п. не отличаются друг от друга в разговорном стиле.

3) Однако формы *Кóля*, *Кóли*, *Кóле*; *пóле*, *пóля*, *Пóли* (род. пад. собств. имени) как будто различаются, по крайней мере у известной части говорящих на литературном языке. Вероятно, мы имеем здесь дело с влиянием морфологии на фонетику.

4) Гласные „а“ и „э“ после твердых, „ы“ и „у“, не в предударном и не в последнем открытом слоге, сильно редуцируются, причем первые три смешиваются в одном звуке, который назовем редуцированным „ы“, ¹ а послед-

¹ На самом деле природа его имеет мало общего с „ы“.

ний превращается в соответственный негубной „у“ (в транскрипции будем изображать их курсивом): „гылава“ (т. е. „галава“ полного стиля), „быкавой“ (при „бакавой“ полного стиля), „бытавой“ (при „бытавой“ полного стиля), „судавой“ (при „судавой“ полного стиля), „робысть“ (при „робасть“ полного стиля), „судырь“ (при „сударь“ полного стиля), „пластырь“ (при „пластырь“ полного-стиля) и т. п.

5) „у“ между двумя мягкими согласными во всех неударенных положениях произносится как сильно редуцированное немецкое «ü», которое будем обозначать в транскрипции в виде „ÿ“ курсивом: *блюди*, т. е. „блүди“, *челюсть*, т. е. „челүсть“, и т. п.

6) Сочетания „je“, „ja“ в начале слова и после гласных в неударенных слогах, кроме последнего открытого, превращаются в редуцированное „и“: *ездовой*, т. е. „издавой“ (при „јездавой“ полного стиля) и даже *ездá*, которая легко произносится как „изда“, *языки*, т. е. „изыки“ (при „јязыки“ полного стиля), *поездá*, т. е. „паизда“ (при „пајезда“ полного стиля), *поясок*, т. е. „паисок“ (при „пајасок“ полного стиля), *маяки*, т. е. „мыики“ (при „мајаки“ полного стиля), *маятник*, т. е. „маитник“ (при „мајатник“ полного стиля), *тайт*, т. е. „таит“ (при „тајэт“ полного стиля), и т. п.

Это правило зачастую кажется прямо маловероятным, особенно когда дело идет о начале слова: полный стиль здесь очень легко вступает в свои права. Однако внимательное наблюдение показывает возможность всех этих разговорных форм.

7) В последнем открытом слоге „je“ заменяется через „э“, а „ja“ через „æ“ — звук средний между „а“ и „э“: *всје*, т. е. „фсуэ“ (при „фсујэ“ полного стиля), *торгүя*, т. е. „таргуæ“ (при „таргуја“ полного стиля), и т. п.

8) Сочетание „ju“ после гласных превращается в „ÿ“: *приютить*, т. е. „приүтить“ (при „пријутить“ полного стиля), *тают*, т. е. „таүт“ (при „тајут“ полного стиля), *моюсь*, т. е. „моүсь“ (при „мојусь“ полного стиля), и т. п.

2. РУССКИЙ АЛФАВИТ

§ 52. В применении к буквам скорописного письма можно сказать то же, что сказано было об отдельных звуках речи: на письме, как и в речевом потоке, наблюдается

крайняя пестрота разных начертаний одной и той же буквы. Эта пестрота зависит от окружающих букв, от темы письма, от индивидуальных свойств пишущего (почерк) и от множества разных других причин. Однако всю эту пестроту мы сводим к определенному числу типов, которые, собственно, и называем буквами. Бодуэн предлагал их называть графемами в соответствии с фонемами звуковой речи; однако этот термин не привился, так как в нем нет особой надобности. Действительно, никому никогда и в голову не приходило называть отдельными буквами бесконечные варианты рукописного *e*, например, тогда как очень многие лингвисты считали (а иные и теперь, может быть, считают) некоторые более четко отдифференцированные варианты фонемы за самостоятельные звуки речи (например, разные типы ударенного „э“, редуцированные гласные и т. п.).

Среди бесчисленного количества вариантов одной и той же буквы намечается обыкновенно один главный или типовой, который осуществляется обыкновенно в прописях в печатном курсиве, а также при исключительно тщательном письме. Впрочем, бывают случаи и двух, и даже большего числа типов одной и той же буквы, не сводимых к одному, т. е. в восприятии не отождествляемых друг с другом и лишь имеющих одно и то же звуковое значение: таковы два варианта рукописных *d* (*d* и *ɖ*), два рукописных варианта *m* (*m* и *ʍ*) и т. п. В отличие от вариантов, будем называть их дубликатами. С другой стороны, могут быть и разные буквы, имеющие одно и то же звуковое значение: таковы *e* и *ɛ* в старой орфографии, *f* и *v* немецкого алфавита и т. п. Их нельзя считать вариантами одной буквы, так как каждая из них имеет свою определенную сферу употребления и так как они не могут употребляться одна вместо другой совсем безразлично, как это имеет место относительно двух *d* и *m*.

Особое место занимают большие и малые буквы, которые хотя и имеют одно звуковое значение, однако различаются по функции и, так сказать, являются своего рода иероглифами, обозначая в своем различии не разные фонемы, а непосредственно те или другие понятия (например, начало самостоятельного предложения или категорию собственных имен и т. д.).

Печатные шрифты представляют собою в значительной мере иную картину, поскольку вариантов букв, подобных

варьянтам фонем, здесь не может быть по существу вещей: в процессе набора каждая отдельная буква является уже готовой по своей форме, и начертание ее не возникает в результате человеческой деятельности в каждый данный момент.¹ С другой стороны, в печатных шрифтах различается гораздо большее число различных типов: академический, обыкновенный, латинский; прямой, курсив; капитель; нонпарель; светлый, полужирный, жирный и т. д.

Большинство из этих типов имеет внеязыковую функцию. Петит, однако, и тут сигнализирует менее существенные части текста, а курсив выделяет или подчеркивает ту или другую мысль или ее элемент. Как всегда, в подобных случаях семантизируется противоположение двух типов — корпуса и петита, прямого и курсива и т. п.

§ 53. Исследование варьянтов скорописных букв, условий этих варьянтов, исследование того, что обуславливает их отождествление, иначе нахождение тех элементов, которые в данную эпоху являются существенными для узнавания каждой буквы, — все это представляет большой интерес для палеографии и специально для понимания истории письма, точнее — истории буквенных рисунков, истории графики в узком смысле слова.

Для графики в том смысле, в каком употребляется этот термин в настоящей книге, вопросы эти не имеют такого значения и могут быть оставлены, тем более что они плохо разработаны и в науке.

§ 54. Русский алфавит в современном своем виде состоит из 33 букв, из которых 10 служат для обозначения гласных, 21 — для обозначения согласных и 2 играют роль диакритических знаков, т. е. знаков, ближайшим образом определяющих произношение букв, к которым они относятся.

1) Буквы для гласных: А, а; Я, я; Э, э; Е, е; О, о; Е, ё; У, у; Ю, ю; И, и; Ы, ы.

2) Буквы для согласных: П, п; Б, б; М, м; Ф, ф; В, в; Т, т; Д, д (два рукописных дублета для маленьких букв); Н, н; С, с; З, з (два рукописных дублета для маленьких

¹ Любопытно отметить, что в арабском некоторые варьянты букв, зависящие от соседства, оказались зафиксированными и в скорописи, и в печати.

букв — в строку и с хвостом вниз); Ш, ш; Ж, ж; Ц, ц; Ч, ч; Щ, щ; Л, л; Р, р; Й, й; К, к; Г, г; Х, х.

3) Буквы, играющие роль диакритических знаков: Ъ, ъ.

Примечание. Знаки ё и ѝ надо обязательно считать за особые буквы, так как*

3. ПРАВИЛА ИЗОБРАЖЕНИЯ ФОНЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА БУКВАМИ РУССКОГО АЛФАВИТА

§ 55. Так как фонем в русском языке значительно больше, чем букв в русском алфавите, то правила этого последнего не могут быть простыми.

При этом основным вопросом является способ обозначения твердости и мягкости согласных, так как для каждой пары согласных — твердой и соответственно мягкой — имеется лишь по одной букве, в отличие от сербского языка, где для четырех мягких согласных имеются особые буквы *ћ, љ, њ, њь*, которые с точки зрения произношения более или менее соответствуют русским *ть, дь,¹ нь, ль*. Другой капитальный вопрос — это разные способы обозначения фонемы „j“, которая по историческим причинам изображается по-разному, в зависимости от ее положения в слогe.

Правила изображения согласных фонем

§ 56. Независимо от своей твердости или мягкости, которые обозначаются по особому правилу (см. ниже § 59), согласные фонемы русского языка изображаются следующим образом:

* В рукописи фраза не закончена. (Прим. ред.).

¹ Впрочем произношение «ћ» колеблется от мягкого «t'» до очень мягкого «č'», отличаясь, однако, от обыкновенного «č», которое тоже имеется в сербском языке. Сказанное относится и к «ђ», которое является звонкой параллелью к «ћ».

„п“ и „пъ“ «p, p'»	буквой <i>п</i>	„ж“ и (жь) «ž, ž'»	буквой <i>ж</i>
„б“ и „бъ“ «b, b'»	<i>б</i>	„ц“ и (ць) «c, c'»	<i>ц</i>
„м“ и „мъ“ «m, m'»	<i>м</i>	(ч) и „чъ“ «č, č'»	<i>ч</i>
„ф“ и „фъ“ «f, f'»	<i>ф</i>	(шч) и „шчь“ «šč, šč'»	<i>шч</i>
„в“ и „въ“ «v, v'»	<i>в</i>	„л“ и „ль“ «l, l'»	<i>л</i>
„т“ и „тъ“ «t, t'»	буквой <i>т</i>	„р“ и „ръ“ «r, r'»	буквой <i>р</i>
„д“ и „дъ“ «d, d'»	<i>д</i>	„й“	«j» (й в конце слога или одной букв. вместе со след. глас. в начале слова)
„н“ и „нь“ «n, n'»	<i>н</i>	„к“ и „къ“ «k, k'»	<i>к</i>
„с“ и „съ“ «s, s'»	<i>с</i>	„г“ и „гъ“ «g, g'»	<i>г</i>
„з“ и „зь“ «z, z'»	<i>з</i>	„х“ и „хъ“ «x, x'»	<i>х</i>
„ш“ и „шь“ «š, š'»	<i>ш</i>		

(См. Примечание 3)

Примечание 1. Фонемы, взятые в скобки, нормально не встречаются в русском языке. (Подробнее об этом см. выше § 38). То же относится и к знакам (ч) и (шч).*

Примечание 2. Об ином литературном произношении „шч“ см. сказанное выше в § 37.†

Примечание 3. Нормальным изображением группы „шч“ является буква *шч*; однако неупотребительное написание *шч* не противоречило бы правилам русского алфавита и было бы вполне понятно. Написание буквы *шч*, во-первых, удобно, так как затушевывает различия в литературном произношении, о которых только что говорилось в примечании 2. Во-вторых, написание *сч*, *зч* и даже *шч*, *жч*, если бы они встречались (например, если бы кто по аналогии *грузить* — *грузчик*, *возить* — *возчик* образовал практически невероятное слово от *тушить* — *тушчик*), употребляются лишь в силу правил правописания.

Примечание 4. Основным обозначением для фонемы „j“ следует признать букву *й*, которая начинает проникать и в начало слога (*йод*, *майор*).** Специальные правила обозначения „j“ даны в § 64 сл.

И з о б р а ж е н и е т в е р д ы х и м я г к и х с о г л а с н ы х

§ 57. Любая буква для согласных, взятая в отдельности, непроеизносима, так как неизвестно, обозначает ли она соответственный твердый согласный или соответствен-

* В рукописи сказано: То же относится и к буквам, взятым в скобках. (Прим. ред.).

** Примеры в рукописи отсутствуют. (Прим. ред.).

ный мягкий согласный. Для того, чтобы это определить, необходимо знать, стоит ли что-нибудь за этой буквой в том же слове и что именно. Иначе говоря, буквы для согласных в русском алфавите нуждаются в особых определителях, без которых они являются двусмысленными. Даже буквы *ш, ж, ц, ч, щ* с точки зрения русского алфавита могут иметь два произношения, и лишь в плане чисто практическом применительно к русским словам и применительно к определенному литературному произношению можно говорить, что эти буквы не нуждаются в специальном определителе.

Определителями твердых и мягких согласных (своего рода диакритическими знаками наподобие, например, *accent aigu* и *accent grave* во франц. алфавите) являются в русском алфавите прежде всего буквы *ъ* и *ь*, и поэтому вполне последовательно, что до последней реформы 1917—1918 гг. твердость на конце слов обозначалась буквой *ъ*, а мягкость буквой *ь*.

Однако определители могут быть не только положительными, но и отрицательными, или нулевыми: отсутствие специального сигнала в определенном месте может тоже играть роль определителя (ср. отрицательные или нулевые морфемы). И реформа 1917—1918 гг. вовсе не уничтожила определитель твердости согласных на конце слов, а только заменила положительный определитель в виде буквы *ъ* через отрицательный, или нулевой, определитель, для чего уже были образцы в виде отсутствия положительного определителя твердости перед буквой для другого согласного (*колбаса*, а не *колъбаса*).

§ 58. В основной черте букв для согласных русского алфавита, выясненной в предыдущем параграфе, — в их неполной определенности и потребности в каком-то последующем знаке, хотя бы и отрицательном, для своего окончательного определения — обнаруживается слоговой характер русского алфавита. Только согласный „j“, обозначенный буквой *й*, не требуя никакого определителя, может замыкать слог.

В настоящее время, когда слово может оканчиваться на любой согласный, слоговой характер нашего алфавита не находит себе особой поддержки в фонетическом строе нашего языка (см., однако, сказанное в § 29); но несомненно, что все славянские языки проходили стадию исключительно открытых слогов, что и облегчило в свое время применение слогового принципа в алфавите.

§ 59. В настоящее время твердость и мягкость согласных обозначается в русском алфавите последующими правилами:

I. На конце слов и перед другими согласными, кроме „j“, обозначенного на письме одной буквой со следующим гласным, твердость изображается отрицательным определителем, т. е. отсутствием какого-либо определителя, а мягкость — буквой ь.

II. Перед „j“, обозначенным одной буквой со следующим гласным, твердость изображается буквой ъ, а мягкость буквой ь.

III. Перед гласными твердость и мягкость изображается буквами для соответственных гласных, а именно твердость — буквами а, э, о, у, ы, а мягкость — буквами я (перед гласным „а“), е (перед гласным „э“), ё (перед гласным „о“), ю (перед гласным „у“), и (перед гласным „и“).

Эти правила могут быть представлены в виде следующей таблицы, где римские цифры соответствуют первым частям правил, напечатанным в разрядку.

	I	II	III
твердость	нулевой оп-		
	ределитель	ъ а = ъа э = ъэ о = ъо у = ъу ы = ъы	
мягкость	ь	ь я = ъа е = ъэ ё = ъо ю = ъу и = ъи	

Примеры: I дом, день.

II изъять, семья.

III сам „съам“, сэр „съэр“, том „тъом“, сук „съук“; пять „пъать“, петъ „пъеть“, лёд „лъот“, тюк „тъук“, кит „къит“.*

Примечание. Буквы ъ и ь второго столбца имеют двойную функцию и показывают не только твердость и мягкость предшествующих согласных, но в качестве разделительных знаков входят и в обозначение последующих сочетаний „j“ с гласным согласно таблице § 65.

§ 60. Казалось бы естественным распространить правило I и на положение согласных перед йотом, т. е. сказать, что мягкость согласных на конце слов и перед другими согласными (включая и йот) обозначается буквой ь,

* Примеры в рукописи отсутствуют. (Прим. ред.).

а твердость — отрицательным (нулевым) определителем, т. е. отсутствием какого бы то ни было определителя. Это и пытались сделать, заменив букву ъ апострофом. Однако при замене ъ через апостроф на самом деле ъ как знак твердости заменялся отрицательным определителем и лишь ъ как знак отделительный (см. ниже § 65) заменялся апострофом.

Для того, чтобы эта теория была всем очевидной, нужно было бы разделить и две функции буквы ъ, т. е. писать *бель'е*, *пить'е* и т. п. с ъ и с апострофом, однако это без надобности осложнило бы письмо. Замена же одного только ъ апострофом оказалась бы просто заменой одной буквы, привычной и удобной, другой, непривычной, нарушающей весь стиль алфавита, и эта замена, естественно, не прошла; апостроф все больше и больше выходит из употребления.

§ 61. Отсутствие букв для обозначения мягкости согласных перед гласным „ы“ и твердости перед гласным „и“ не представляет собою для нас особых неудобств, так как в русском языке после твердых фонем невозможно „и“, а после мягких фонем невозможно „ы“, как об этом говорили выше в § 45.¹

§ 62. Буква *ё* на практике почти не употребляется. Однако в теории она существует и абсолютно необходима, что видно хотя бы из таблицы. В таких словах, как например *козел*, *нес*, *плетка* и т. п., буква *е* пишется вместо буквы *ё* по правилам исторического правописания. Сформулировать же такое алфавитное правило, что гласный „о“ после мягких изображается через букву *е*, было бы совершенно неправильно.

В церковнославянском алфавите не было особой буквы для обозначения гласного „о“ после мягких согласных, так как в этом не было надобности, ибо в самом языке не было и фонетически не могло быть подобного сочетания: русским *сёла*, *лёд*, *принёс*, *жёны* и т. д. отвечают ц.-сл. *сѣла*, *лѣдъ*, *принѣсъ*, *жѣны* и т. п. с гласным „е“. При параллельном существовании обоих языков в прежнее время произношение с „е“ характеризовало высокий, специально литера-

¹ В чешском перед «i» могут стоять и твердые и мягкие согласные, что выражается на письме разными знаками для гласного «i»: *y* для обозначения твердости и *i* для выражения мягкости. То же имеется диалектально и в украинском: *ніс* 'нёс' с мягким „н“, *ніс* 'нос' с твердым „н“.

турный стиль, что дает себя чувствовать в современном русском литературном языке: *совершенный* и *совершённый* (причастие), *крестный* и *крёстный*, *небо* и *нёбо* (во рту) и т. д. По мере того как язык обыденной жизни все более и более попадал в литературный, понадобились точные указания, когда же надо произносить „е“, а когда „о“. Для этого в Петровскую эпоху и была введена сложная буква *ѣ*, которую Карамзин заменил буквой *ѐ*. Когда литературный язык окончательно сформировался для говорящих на нем, указания на произношение (*е* или *ѐ*) перестали быть такими важными и оказалось на практике возможным не писать двух точек над *е*: контекст всегда помогал верно узнавать слова, тем более что буква *ѣ* в некотором количестве случаев с несомненностью определяла произношение с *е* (за исключением знаменитых *гнёзда*, *звёзды*, *сёдла*, *цвёл*, *приобрёл*, *надёван*). С уничтожением *ѣ* положение вещей значительно ухудшилось и появилось множество омонимов: *осел* и *осёл*, *помет* (от *помета*) * и *помёт*, *мел* и *мёл*, *сел* и *сёл*, *лев* и *Лёв*, *вред* (т. е. „врет“ в произношении) и *врёт*, *вес* и *вёз* (т. е. „вёс“ в произношении). Неудобство неразличения *все* и *всё* ощущается всеми, так как зачастую приходится перечитывать всю фразу, чтобы понять, о чем идет речь. Но дело, конечно, вовсе не в омонимах, а в том, что при возможности читать букву *е* двояко чтение и восприятие слов вообще, конечно, замедлились.

Однако для русских, говорящих на литературном языке, неразличение букв *е* и *ѐ* является небольшим затруднением; для иностранцев и для наших националов, изучающих русский язык главным образом через книгу и через газету, отсутствие в печати двух точек над *е* во всех нужных случаях является большим и неприятным затруднением. (Дальнейшее см. в заключении).

§ 63. Буква *э* после согласных употребляется довольно редко, так как в исконно русских словах перед гласным „э“ вовсе не встречается твердых согласных во всех тех случаях, когда имеются твердые и мягкие параллели. После *ж*, *ш*, *ц*, которые нормально не бывают мягкими, в современном русском литературном языке было бы естественно писать *шэ*, *жэ*, *цэ*, например, *шэст*, *жэсть*, *цэпы*. Однако на практике в этих случаях сохраняется

* В рукописи: от *пометь*. (Прим. ред.).

историческое правописание через *е*, что возможно, поскольку русскому языку не свойственны противоположения *шэ* и *ше*, *жэ* и *же*, *цэ* и *це* (см., однако, сказанное в § 38).

В связи с таким положением вещей многим всегда казалось, а некоторым кажется и сейчас, что буква *э* как знак твердости согласных перед гласным „э“ не нужна для русского языка. Даже академик Грот стал на такую позицию в своем исследовании «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне»,* считая, что твердое произношение согласных перед гласным „э“ абсолютно чуждо русской фонетике. Однако наличие твердых слогов *жэ*, *шэ*, *цэ* опровергает мнение Грота, с одной стороны, а с другой, — облегчает для русского человека произнесение любых и других твердых слогов — *сэ*, *зэ*, *тэ*, *дэ* и т. д. Во всяком случае в современном русском литературном языке во многих заимствованных словах утвердилось твердое произношение согласных перед гласным „э“, и сказать *сер*, вм. *сэр*, *пенсне* вм. *пенснэ*, *тесты*, вм. *тэсты*, *Доде* вм. *Додэ*, *Тен* вм. *Тэн* и т. д. и т. д. прямо-таки смешно. И едва ли правильно маскировать литературное произношение многих слов, которые узнаются лишь из книг или газет, а не устным путем. Единственным оправданием правописания *е* вместо *э* в нарицательных заимствованных словах является постоянно протекающий процесс русификации этих слов. По мере их словарного освоения происходит и русификация их произношения, что, конечно, происходит чаще (ср. сказанное ниже в § 69 о букве *э* как знаке иностранных слов). Во всяком случае как ни решать вопросы правописания заимствованных слов, нет никаких оснований обеднять средства русского алфавита и мешать его возможности в случае надобности выразить твердость согласного перед гласным „э“. Здесь уместно вспомнить, что в украинском алфавите, где буква *е* в противоположность русскому обозначает твердость согласных перед согласным, сочли нужным ввести новую букву *є* для обозначения мягкости согласных в том же положении. К вопросу придется вернуться еще раз (см. § 99—103).

* Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876, с. 315. (Прим. ред.).

§ 64. Фонема „j“ изображается по следующим правилам в зависимости от его положения в слове и от того, что ему предшествует:

I. „j“ в конце слога (т. е. „j“ не перед гласным¹) изображается через букву *й*.

II. „j“ в начале слога (т. е. „j“ перед гласным) в тех случаях, когда он начинается слово или стоит после гласного, нормально изображается перед гласными „а, э, о, у“ одной с ними буквой — буквой *я* для сочетания „ja“, буквой *е* для сочетания „jэ“, буквой *ё* для сочетания „jo“, буквой *ю* для сочетания „ju“, а перед гласными „и, ы“² — буквой *й*, если в этом встретится надобность.

Примечание. Вместо букв *я, е, ё, ю* может быть написано *йа, йе, йо, йу*, причем написания *йа, йу*, хотя и понятны, но могут встретиться крайне редко, а написания *йе, йо* встречаются сравнительно часто в заимствованных словах. Примеры: *йод, йог, Йемен, Йена*.*

III. „j“ в начале слога (т. е. „j“ перед гласным) в тех случаях, когда он стоит после согласного, нормально изображается вместе со следующим за ним гласным „а, э, у, о“ одной буквой, причем после твердых согласных пишется *ъя* для передачи сочетания „ja“, *ъе* для передачи сочетания „jэ“, *ъё* для передачи сочетания „jo“, *ъю* для передачи сочетания „ju“, а после мягких согласных пишется *ья* для передачи сочетания „ja“, *ье* для передачи сочетания „jэ“ [и т. п.]. Перед гласным „и“ „j“ изображается вместе с ним после мягких согласных через *ьи*, а после твердых также перед гласным „и“ „j“ изображается буквой *й*.

Примечание 1. На практике написание *йи* после твердых согласных может встретиться в русском языке лишь в заимствованных словах, однако после твердых „ж, ш, ц“ сочетание „ji“

¹ Ибо „j“ перед гласным нормально будет начальносложным. (О редких исключениях см § 67).

² Сочетание „ji“ нормально не встретится в этом положении; сочетание „jы“ фонетически в русском языке невозможно, поэтому отсутствие его специального обозначения не вызывает никаких неудобств.

* Примеры в рукописи отсутствуют. (Прим. ред.).

в русском языке вполне возможно, и слова *медвежьи, вражьи, -шьи, -цьи* * должны были бы писаться *медвежьи, вражьи*, пишутся же через *ь* лишь по правилам правописания (см. § 7).

Примечание 2. Вместо сочетаний *ъя, ъе, ъё, ъю* могли бы писаться *йа, йе, йо, йу*, а вместо сочетаний *ья, ъе, ъё, ъи* — *ья, ъе, ъо, ъу*, хотя на практике такие сочетания не встречаются; написание *ьо* свойственно некоторым заимствованиям.

§ 65. Эти правила могут быть представлены в виде следующей таблицы, где римские цифры соответствуют первым частям правил, напечатанным в разрядку.

Таблица 1

I	II	III	
{	Вместе с „а“	я (йа)	{ ъя после твердых согласных ья после мягких согласных
	Вместе с „э“	е [йе]	{ ъе после твердых согласных ье (ьйе) после мягких согласных
	Вместе с „о“	ё [йо]	{ ъё (йо) после твердых согласных ьё [ьо] (ьйо) после мягких согласных
	Вместе с „у“	ю (йу)	{ ъю (йу) после твердых согласных ью (ьйу) после мягких согласных
	Вместе с „и“	(йи)	{ (йи) после твердых согласных ьи после мягких согласных
	Вместе с „ы“	(йы)	{ (ы) (ьйы) после мягких согласных

Примечание 1. Написания, взятые в круглых скобках, нормально не встречаются в русском языке, но вполне понятны и могут быть употреблены в русском языке в случае надобности. Написания, взятые в квадратные скобки, могут встречаться в заимствованных словах.

Примечание 2. Буквы *ъ* и *ь* в сочетании с *я, е, ё, ю* III столбца являются прежде всего разделительными знаками и обозначают такое произношение букв *я, е, ё, ю*, какое они имеют в начале слов или после гласных; но они в то же время обозначают и твердость и мягкость предшествующих согласных в соответствии со столбцом II таблицы § 59, играя таким образом двойную роль.

Примеры: *объявление, кутья, подъезд, в бадье, подъем, шитье, от бадьи, чьи, медвежьи.*

§ 66. Сочетание „*j* + и“ хотя в литературном произношении нормально и не встречается в начале слов и после гласных, однако фонетически вполне возможно в русском языке: *их, им, ими* произносится нормально без йота в начале, однако диалектально вполне возможны „*жих, јим, јими*“; *мои, твои, стаи, стоит, стоим* нормально произносятся без йота между гласными, однако диалектально вполне возможны „*маји, тваји, стаји, стајит, стајим*“. Поэтому отсутствие специального обозначения сочетания „*j* + и“ представляется неудобным. Единствен-

* В рукописи так. (Прим. ред.),

ный выход из этого положения — это употреблять букву для „j“ конечносложного, т. е. *й*. Так и поступают писатели, когда им надо изобразить диалектальное произношение „жих, јим, јими“, т. е. пишут *йих, йим, йими*.

Поскольку *и* в начале слов и после гласных нормально не произносится как „ји“, постольку нет оснований приписывать букве *ь* в этом сочетании значение разделительного знака и написание *ьи* после согласных в смысле „ји“ оказывается немотивированным в системе нашего алфавита. Единственный способ его осмысления — это считать букву *ь* в сочетаниях *ья, ъе, ъё, ъю* за знак для начальносложного „j“, хотя в таком случае была бы совсем неясной роль буквы *ъ* в параллельных сочетаниях. Во всяком случае из этого понимания был сделан практический вывод, о котором будет сказано ниже.

Хотя сочетание „ји“ после твердых согласных и не встречается в русском литературном языке, однако фонетически оно вполне возможно и по аналогии с написанием *ьи* должно было бы изображаться через *ъи*. Однако такое изображение не привилось, так как до реформы 1917—1918 гг. *ы* в известных случаях трактовалось как сочетание *ъи*: *съ + искать = сыскать, подъ + итожить = подытожить* и т. п. Единственный выход из положения был бы тоже изображать йот в данном случае через букву *й*, т. е. звуко сочетания „тји“, „дји“ писать *тйи, дйи*.

Таким образом, экономная,¹ стройная и вполне точная система изображения „j“ начальносложного, т. е. „j“ перед гласным, нарушается только тем, что нет специальной буквы для сочетания „ји“, параллельной буквам *я, е, ё, ю*, как это имеет место в украинском, где рядом с *і* — буквой для обыкновенного „и“ есть буква *ї* для сочетания „ји“ и где в соответствии с этим пишут *їх, їм, їми*. Если бы украинская буква или что-либо аналогичное было бы введено в наш алфавит, то вопрос был бы разрешен. Однако сочетание „ји“ в начале слова после гласных и после твердых согласных, особенно после твердых согласных, встречается редко; а „ји“ после твердых согласных нашло себе недвусмысленное выражение, хотя внутренне и мало мотивированное (как это было показано в § 64). Поэтому введение новой буквы, хотя и сделало бы наш алфавит более стройным и последовательным, устра-

¹ Экономная, так как вместо двух букв для фонем употребляется только одна.

нив употребление буквы для конечносложного „j“, т. е. *й*, в начале слога, однако практически выгоды эти были бы настолько ничтожны, что едва ли оправдывают введение новой буквы, которая в целом ряде случаев чувствительно изменила бы внешний вид наших слов.

§ 67. Гораздо более серьезное затруднение представляют собою заимствованные иностранные слова, собственные имена и географические названия с йотом перед гласным. По выше изложенным правилам нашего алфавита мы должны бы писать *езуит* вм. *иезуит*. *Ена* вм. *Иена*, *Есперсен* вм. *Иесперсен*, *ёд* вм. *йод*, *Нью-Ёрк* вм. *Нью-Йорк*, *Ёркшир* вм. *Йоркшир*, *раён* вм. *район*, *маёр* вм. *майор*, *Ваённа* вм. *Вайонна*, *Ёшкар-Ола* вм. *Йошкар-Ола*, *Ёкогама* вм. *Йокогама*, *батальён* вм. *батальон*, *миньён*, *котильён*, *каньён*, *компаньён* (вм. *-ион*, *-ьон*).

Во всех этих случаях мы видим, что „j“ начальносложный, вместо того, чтобы быть обозначенным специальной буквой для гласного, обозначается: а) в начале слова или после гласного буквой для „j“ конечносложного, т. е. *й*; б) иногда в начале слова после согласного буквой *и*; в) иногда после согласных, но только перед гласным „о“ просто буквой *ь*.

Все это делается для того, чтобы не затушевывать *j* или *i* иностранного написания, а также чтобы не заменять международные знаки *a*, *o* специфическими буквами *я* и *ё*, из которых последняя непривычна даже и для русских. Иначе говоря, это диктуется вполне здоровым стремлением не чересчур отдалять зрительный образ заимствованного слова от его иностранного оригинала.

Выражение йота через *ь* базируется на таких случаях, как *лисьь*, *волчьь*, *медвежьь*, *чьь* и т. п. В этих случаях, как было разъяснено выше, в § 64, букве *ь* легко было приписать значение йота. Прежние филологи так и понимали, что здесь старый гласный „ь“ получил вторую степень ослабления, и только никак не называли того, что получилось при этом ослаблении (в результате первой степени ослабления получалось по их мнению *й*, ср. Грот *).

По аналогии к указанным случаям и пишут такие слова, как *батальон*, *миньон*, *котильон*, *медальон* и т. п., через *ь*.

* Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания. . . , с. 25. (Прим. ред.).

Впрочем, из того, что такое написание употребляется лишь после „л“ и „н“, следует, что мы имеем дело здесь также со стремлением передать через *ль* и *нь* французские «l» mouillé и «n» mouillé.

Уже Грот решительно осуждал эти написания, справедливо замечая, что никому в голову не придет вместо *льёт*, *льём* писать *льот*, *льом* и что эти последние написания по-русски скорее всего можно прочесть как *лёт*, *лём*. И Грот совершенно правильно предпочитал этим монстрам русского правописания написание *батальйон*, *миньйон*, *котильйон*, *медальйон* и т. п.,* поскольку правильное написание *батальён*, *миньён*, *котильён*, *медальён* и т. п. чересчур режет глаза своею противоречивостью между иностранным характером слов и специфически русской буквой.

Написание через *и* после согласных является просто буквальной передачей французских написаний с *и*, а написание через *и* в начале слов является передачей немецких написаний с *j*. И то и другое согласно правилам русского алфавита выражает не произношение с йотом, а произношение с „и“, т. е. с лишним слогом. Так как большинство этих слов усваивается не непосредственно из французского языка, а через русскую книгу и газету, то возникают дублетные произношения с „и“, которые в некоторых случаях даже совсем вытеснили произношение с йотом. Зачастую бывает неясно, из двух произношений с „j“ или с „и“ которое надо считать с орфоэпической точки зрения правильным. Во всяком случае, когда произношение с йотом является общепринятым, буква *и* пишется лишь по определенному правилу правописания, вопреки правилам русского алфавита.

Что касается написаний с *й*, то они вполне укоренились между гласными и все более и более укореняются в начале слова и должны быть признаны самым естественным конкурентом обычного изображения (т. е. через буквы *я*, *е*, *ё*, *ю*) начальносложного йота.

Радикальным средством для избежания всех затруднений и непоследовательностей было бы уничтожение различия начальносложного „j“ и „j“ конечносложного. Внутри слова оно пока, кроме очень немногих случаев нового искусственного произношения вроде „рай-он, май-ор“, о котором было сказано выше в § 29, вовсе не

* Там же, с. 343. (Прим. ред.).

семантизовано, а на конце слов достаточно сигнализируется словоразделом. Уничтожение этого различия тем более было бы правильно, что оно не находит себе ни при одном другом согласном другого выражения, кроме словораздела.

Однако такое радикальное решение вопроса было бы очень неэкономным, так как в большом количестве слов пришлось бы одну букву заменить двумя: *я* через *йа*, *е* через *йе*, *ю* через *йу* и *ё* через *йо*, а иногда и букву *и* через *йи* (*мысли* через *мысьи*). Кроме того, оно совершенно изменило бы внешний вид многих и многих русских слов и этим очень затруднило бы уже грамотных людей, как в это можно убедиться из приводимого ниже образца.*

Правила изображения гласных фонем

§ 68. Все способы изображения гласных были в сущности уже рассмотрены в тех параграфах, где излагались правила обозначения твердых и мягких согласных, а также правила изображения йота. Теперь остается свести их воедино.

I. В начале слова и после гласных гласные „а, э, и, о, у, ы“ обозначаются соответственно буквами *а, э, и, о, у, ы*.

II. После твердых согласных они обозначаются точно так же, за исключением гласного „и“; сочетание после твердого согласного с гласным „и“ не может быть обозначено средствами русского алфавита.

III. После мягких согласных они обозначаются соответственно буквами *я, е, и, ё, ю*; сочетание мягкого согласного с гласным „ы“ не может быть обозначено средствами русского алфавита.

IV. А. После звука йот в начале слов и после других гласных гласные обозначаются вместе с ним одной буквой: сочетание „*ја*“ буквой *я*, сочетание „*јэ*“ буквой *е*, сочетание „*јо*“ буквой *ё*, сочетание „*ју*“ буквой *ю*; однако сочетания „*ји*“ и „*јы*“, из которых первое редко, а второе невозможно в русском языке, могут быть обозначены лишь сочетаниями же букв: *йи, йы*. В конце концов и сочетания „*ја, јэ, јо, ју*“ могут быть обозначены сочета-

* Пример в рукописи отсутствует. (Прим. ред.).

ниями же *йа, йе, йо, йу*, из которых *йе* и *йо* довольно часто употребляются в заимствованных словах.

Б. После согласных теми же буквами, но с прибавкой впереди: а) после твердых согласных разделительного твердого знака (ъ) и б) после мягких — разделительного мягкого знака (ь), т. е. сочетание „*ја*“ — сочетанием букв а) *ъя* и б) *ья*, сочетание „*јэ*“ — сочетанием букв а) *ъе* и б) *ье*, сочетание „*јо*“ — сочетанием букв а) *ъю* и б) *ью*; сочетание „*ји*“ после мягких согласных обозначается сочетанием букв *ьи*, а после твердых может быть обозначено только сочетанием — *йи*; что касается сочетания „*јы*“, которое в русском языке фонетически невозможно, то оно может быть обозначено только через сочетание букв *йы* после твердых и через сочетание букв *ьйы* после мягких. В конце концов и сочетания „*ја, јэ, јо, ју*“ могут быть обозначены после твердых согласных сочетаниями *йа, йе, йо, йу*, а после мягких — сочетаниями *ьйа, ьйе, ьйо* или *ьо, ьйу*, причем сочетание *ьо* в смысле „*јо*“ после мягких согласных употребляется довольно часто в заимствованных словах.

Все сказанное может быть иллюстрировано следующей таблицей.

Таблица 2

	I	II	III	IV	
				A	B
„а“	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>я</i>	группа „ <i>ја</i> “	<i>я (йа) ъя (йа) ья (ьйа)</i>
„э“	<i>э</i>	<i>э</i>	<i>е</i>	группа „ <i>јэ</i> “	<i>е [йе] ъе (йе) ье (ьйе)</i>
„о“	<i>о</i>	<i>о</i>	<i>ё</i>	группа „ <i>јо</i> “	<i>ё [йо] ъё (йо) ьё [ьо]</i> (в иностр. словах)
„у“	<i>у</i>	<i>у</i>	<i>ю</i>	группа „ <i>ју</i> “	<i>ю (йу) ъю (йу) ью (ьйу)</i>
„и“	<i>и</i>	—	<i>и</i>	группа „ <i>ји</i> “	<i>(йи) (йи) ьи</i>
„ы“	<i>ы</i>	<i>ы</i>	—	группа „ <i>јы</i> “	<i>(йы) (йы) (ьйы)</i>

Примечание. Написания, взятые в круглые скобки, нормально не встречаются в русском языке, но вполне понятны и могут быть употреблены в случае надобности. Написания, взятые в квадратные скобки, встречаются довольно часто в заимствованных словах.

§ 69. Замечание вызывает одна только буква *э* для обозначения гласного „*э*“ в начале слов и после гласных. Дело в том, что в этом положении в исконных русских словах встречается нормально лишь сочетание „*јэ*“: *ехать, есть, приемник, знает* и т. п. Только в словах *это, эта* и т. п. мы имеем чистое „*э*“ в начале слова. Все осталь-

ные случаи чистого „э“ в этом положении относятся к заимствованным словам — *эхо, экран, поэт, Бозций* и т. д.

Как мы видели из § 63, буква э после согласных для обозначения их твердости употребляется или могла бы употребляться тоже лишь в заимствованных словах, так как в исконных русских словах перед гласным „э“ согласный будет всегда мягким. Таким образом, буква э является специфичной для слов заимствованных, иностранных; иначе говоря, она является внешним признаком подобных слов. Что это так, видно из того, что слово *проект*, являющееся точным воспроизведением латинского *projectum*, многие произносят и пишут *проэкт*, руководствуясь, очевидно, своим восприятием этого слова как иностранного.

Как букву для иностранных слов воспринимали э обратное и многие наши писатели старого и нового времени. В XVIII в. ее считали ненужной Третьяковский, Ломоносов, Сумароков. Последний пишет по этому поводу: «Вошла было в нашу азбуку странная литера для изъяснения слов чужих; однако, сей пришелец выгнан». В XIX в. против буквы э высказывались Каченовский и даже Белинский (последний возражал, впрочем, только против формы).

Грот, отвергая употребления буквы э после согласных (ср. выше § 63), однако очень отстаивал ее для начала слова и после гласных. Он справедливо указывал, что благодаря отсутствию буквы для чистого „э“ у нас вошли неправильные произношения *Европа* вм. *Эвропа, евнух* вм. *эвнух, Ева* вм. *Эва, Еврипид* вм. *Эврипид, епископ* вм. *эпископ* и т. д. В наши дни невозможно, конечно, писать *эволюция, эгоизм, экзамен, экономный, элемент* и т. п., а поэтому не может быть сомнений в том, что буква э абсолютно необходима в русском алфавите, но не менее очевидно и то, что она характеризует те слова, в которых пишется, как иностранные.

Все дело осложняется еще тем, что в разговорном стиле „э“ и „jэ“ в начале слова и особенно после гласного имеют тенденцию смешиваться в звуке „э“, о котором была речь в § 44.

Правила изображения длительности звуков

§ 70. Противоположение долгих и кратких согласных собственно тоже не может быть выражено средствами русской графики, так как двойная буква для согласных

и обозначает нормально две согласных фонемы. Однако не всякая долгая согласная в русском языке разлагается морфологически на две фонемы, например, *ссора*, *Анна*,¹ постольку можно было бы говорить, что удвоение согласного обозначает и удлинение его.

Правила изображения слогового строения

§ 71. Более или менее последовательно (ср. впрочем сказанное в § 64) изображается лишь противоположение „j“ начальносложного и „j“ конечносложного. Первый, как правило, изображается одной буквой со следующим гласным, второй — буквой *й* (об исключениях см. в том же §).

Другим способом обозначения начальносложного согласного и согласного конечносложного является словораздел: согласные, стоящие после словораздела (т. е. в начале слова), будут начальносложными, а согласные, стоящие перед словоразделом (т. е. в конце слова), будут конечносложными.

Это справедливо и по отношению к проклитикам и энклитикам, т. е. к безударным словам, стоящим перед словом, к которому они относятся, и безударным словам, стоящим после такого слова: *над Окóй*, а не *надокóй*, *под бкнами*, а не *подбкнами*, *под íвой*, а не *подíвой*, *от Ольги*, а не *отбльги*, *сёстрам ли*, а не *сёстрамли*, *котбрым-либо*, а не *котбрымлибо*. Впрочем, есть, по-видимому, тенденция в разговорном стиле эти случаи трактовать и как одно слово.

Правила изображения ударения

§ 72. Вообще говоря, словесное ударение на практике никак не обозначается в русском языке. Однако в теории оно всегда может быть обозначено специальным знаком ударения над гласным ударенного слога: *гóсти приéхали вчёрá вéчером*. Это и делается в некоторых случаях омонимии, могущей привести к недоразумениям: *ббльшим* и *больш́им* и т. п.

¹ В словах *мороженный*, *ученный* и т. п. трудно говорить о втором *н*, как о суффиксе (хотя исторически это так, а потому и этот большой разряд слов может быть отнесен сюда же).

Поскольку буква ё в русском литературном языке по историческим причинам может встретиться только в ударенных слогах, постольку она может служить тоже и знаком ударения, конечно, только в порядке правил русского правописания, т. к. по правилам русской графики „льо“ и в ударенных и в неударенных слогах обозначается через лё.

Словесное ударение по традиции никогда не ставится на односложных словах, благодаря чему мы лишены возможности на письме отличать безударные односложные слова от ударных, что бывает так важно в словарях, вообще обозначающих ударение. Необходимо поэтому сломить эту никем не узаконенную традицию и ввести правило, по которому и односложные ударные слова снабжаются знаком ударения, если текст или его определенные элементы акцентируются.

Вот образец такого акцентированного текста: *В двá часа рѣвно коляска домашней рабѣты, запряжѣнная шестью лошадьми, въѣхала на двѣр и покати́лась бѣколо густозелѣного дернѣвого кру́га. Стáрый Бѣрестов взошѣл на крыльцо с пѣмощью двѣх ливрѣйных лакѣев Мѣромского. Вслѣд за нѣм сын его приѣхал верхѣм и вмѣсте с нѣм вошѣл в столѣвую, где стол бѣл ужѣ накрыт.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 73. Характеризуя русскую графику в целом, следует отметить в ней следующие положительные черты:

1) В ней почти нет лишних букв. О том, что э обратное необходимо в нашей графической системе, см. § 69. Полное устранение буквы ъ сделало бы необходимым введение особого разделительного знака и без надобности усложнило бы способ обозначения йота после мягких, как это было разъяснено в § 66, или при замене ъ через ъ обеднило бы возможности нашей графики, лишив ее возможности различать твердые и мягкие согласные перед йотом, как об этом говорилось в том же параграфе.

Подобное положение вещей — отсутствие лишних букв — получилось, однако, не сразу, а лишь в результате длительной эволюции, в которой реформа 1917—1918 гг., т. е. устранение букв і, ѣ, ѳ, ѱ, была лишь послед-

* В рукописи пример отсутствует. (Прим. ред.).

ним этапом. Только при Петре исчезли из обихода юсы (они исчезали в начальную эпоху русской письменности, но были восстановлены в эпоху югославянского влияния XIV—XV вв.). В начале XVIII в. устранена была буква зело, как эквивалент букве земля (первоначально была устранена земля и оставлено зело, как буква в основном сходная с латинским *z*), диграф *ou* и лигатура *ѣ*, употреблявшиеся в смысле нашего *у*.

Начиная с XVIII в. идут нападки на одно из *и*, на букву *ѣ* и на *ѣ*, подготовившие и реформу 1917—1918 гг.

Лишней в буквальном смысле следует считать только букву *щ*, так как вместо нее можно бы писать *шч*. Однако это увеличило бы набор, не давая решительно никаких преимуществ. Кроме того, подобное написание скрывает диалектальные различия литературного произношения, о которых сказано было в § 37.

2) Благодаря остроумной системе двух букв для каждого из гласных „а, е, о, у“ и двух знаков *ѣ*, *ь*, графика обходится сравнительно малым количеством букв для согласных, совершенно недвусмысленно изображая их твердость и мягкость. Вместо 35 букв, нужных для 35 согласных фонем русского языка (см. § 33), русская графика обходится 20 буквами, которые дают возможность обозначить даже 39 фонем.

Система знаков для гласных теоретически могла бы быть дополнена особой буквой для „и“, обозначающей твердость предшествующего согласного, и особой буквой для „ы“, обозначающей мягкость предшествующего согласного. Но оба эти случая нереальны для русского языка, так как „и“ невозможно после твердых, а „ы“ — после мягких по условиям русской фонетики. Кроме того, специальные знаки твердости и мягкости (*ѣ* и *ь*) всегда наготове для того, чтобы выразить сочетания твердого согласного + *и* и мягкого согласного + *ы*: *тъи* и *тъы* (так могло бы изображаться в иностранном произношении слово *кабъина* и т. п.).

3) Путем не менее остроумного использования букв гласных для обозначения мягкости согласных русская графика совершенно недвусмысленно изображает сочетания „*ј*“ со следующими гласными („а, э, о, у“), отличая таким образом „*ј*“ начальносложный от „*ј*“ конечносложного, обозначаемого буквой *й*. Правда, при всех прочих согласных это противоположение находит себе выражение в виде слогораздела лишь на стыке слов, и особых

неудобств от этого не проистекает, поскольку внутри слов оно не используется в целях семантических. Поэтому особенной надобности в различении на письме „j“ начальносложного и „j“ конечносложного не имеется; однако недвусмысленное обозначение одной буквой сочетания „ja, ja, ju“ и притом без создания специальных новых букв для этого является несомненным плюсом, так как значительно сокращает набор. Лишь нет букв для сочетания „ji, jy“. Так как последнее в настоящий момент невозможно по условиям русской фонетики, то речь могла бы идти лишь о выражении сочетания „ji“. Однако и оно нашло себе в русской графике совершенно недвусмысленное обозначение. После согласных в начале слова и после гласных оно невозможно в исконно русских словах. И только теоретическая неудовлетворительность этого обозначения, которая была разъяснена в § 66, может заставить искать каких-то новых путей. Эти пути могут идти в двух направлениях.

Во-первых, для выдержанности нашей графической системы очень хорошо было бы признать за буквой *i* в начале слов, после гласных и после согласных (в последнем случае оно его уже имеет при наличии *ь*) значение сочетания „ji“, т. е. изображать „пьюсьji“ и диалектальные „jux, maju“ через *пёсьи, их, мои*, а значение простого „и“ придать новой букве, например *i*, и писать *лица, пиво, игра, иго* и литературное *их, мои*. Этим, может быть, было бы удовлетворено и требование большей гибкости нашего рукописного письма (а отчасти и печатного текста), отличающегося у нас отсутствием опорных пунктов для восприятия. (Ср., например, слова *пиши, шипит* и т. п.). Сочетание „ji“ после твердых согласных вполне удобно и недвусмысленно обозначалось бы буквами *ѣи* (*медвежѣи, вражѣи* и т. п.), так как сочетание твердого согласного с „и“ в случае надобности тоже вполне недвусмысленно обозначалось бы через *ѣи* (само собой разумеется, что старые теории о *ѣ + и = ѣ* отпали с момента реформы 1917—1918 гг.).

Другое направление, по которому можно было бы пойти для нахождения последовательного с точки зрения русской графики способа изображения сочетания *ji*, — это намечающееся уже в довольно широком масштабе употребление в русском языке буквы для конечносложного „j“ (т. е. *й*) и для изображения „j“ начальносложного. В таком случае пришлось бы писать *йих, мойи* (для

диалектальных *јих, моју*), *лисѣи, чѣи* и *медвежѣи, -шѣи* (последние два по общему признаку твердости согласных ничем не обозначаются в положении перед другими согласными, кроме изображения одной буквой со следующим гласным).

В этих путях во всяком случае должно было бы найти себе в случае надобности выражение и невозможное для русской фонетики сочетание „*јы*“, и тут бы нашли себе место и дублетные обозначения (для слов заимствованных) сочетаний „*ја, јэ, јо, ју*“.

В этих случаях мы, таким образом, последовательно писали бы после мягких согласных *ѣы, ѣа, ѣе, ѣо, ѣу*, а после твердых согласных после слога и в начале слога просто *йы, йа, йе, йо, йу*: *Мейе, сабайон, мильйон, батальйон* и т. п.

При последовательном проведении этого принципа отпало бы обозначение сочетания „*јо*“ после мягких согласных через *ѣо*, противоречащее всей направленности русской графики, как это было разъяснено в § 67, и мы вернулись бы в этом случае к карамзинской орфографии, которую принимал и Грот — по крайней мере в первом издании своих «Спорных вопросов».*

4) Наконец, русская графика не знает конкурирующих написаний для одних и тех же фонетических явлений, если не считать изображения некоторых редко употребляемых вариантов начальнoсложного „*ј*“ в заимствованных словах, о чем шла речь в предыдущем параграфе.

§ 74. Ввиду всего сказанного в § 73 русскую графику следует признать более или менее совершенной, так как даже написание *ѣо* в смысле „*јо*“ после мягких согласных в небольшом количестве заимствованных слов, будучи нелогичным и часто условным, не дает, однако, поводов к каким бы то ни было недоразумениям в существующей русской графической системе.

§ 75. Хотя в теории русской графики и буква *ѣ* и буква *э* после согласных несомненно существуют и играют в ней очень важную роль (которая разъяснялась выше в соответствующих параграфах), однако на практике они почти что не применяются, обе заменяются буквой *е*. Возможно это, конечно, лишь потому, что при чтении мы легко узнаем слова по контексту и при неточной передаче

* Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1873, с. 115—116. (Прим. ред.).

всех их фонем: для того, чтобы оценить это, достаточно вспомнить хотя бы то, как часто мы пропускаем опечатки при чтении корректур. Кроме того, хорошо грамотные узнают в сущности целые слова в их привычном написании, и наше в основе фонетическое письмо становится для них в известных пределах иероглифическим.¹

Само собой, однако, разумеется, что чем более фонетических двусмысленностей мы будем допускать в нашем письме, тем более будет замедляться процесс узнавания слов, а следовательно, и охватывание всего текста. Между тем обыкновенно забывают, что русское письмо заключает в себе громадный источник фонетических двусмысленностей — это отсутствие обозначения ударения. Ведь каждое слово с этой точки зрения можно произнести по-разному. Например, слово *кабинет* может быть и *ка́бинет*, и *каби́нет*, и *кабинéт*, слово *коровай* может быть и *кóрорвай*, и *корóвай*, и *коровáй* и т. д.² Это обстоятельство должно нас заставить в конце концов избегать умножения фонетических двусмысленностей в нашем письме.

Особенно много двусмысленностей дает неупотребление буквы *ё*, как об этом говорилось в § 62, и введение обязательного ее употребления — дело первостепенной важности, так как несомненно сократит время, затрачиваемое нами на процесс чтения. Буква *ё* служила бы и знаком словесного ударения, как об этом сказано в § 72.

Но кроме этих соображений есть обстоятельства, которые обязывают нас поставить вопрос об уничтожении всяких двусмысленностей нашего письма и, в частности, об обязательном употреблении не только буквы *ё*, но и *э* после твердых согласных и, может быть, знаков ударения. Дело в том, что русский литературный язык усваивают не только русские, но и десятки миллионов наших националов. При этом усваивают они русский язык не столько устным путем, сколько через книгу. Поэтому, если мы хотим, чтобы русский язык, с одной стороны, не калечился в устах его новых адептов, а с другой стороны, не де-

¹ Из этого вовсе еще не следует, чтобы русской грамматике надо было обучать по методу целых слов: наше письмо настолько фонетично, что вполне позволяет использовать при обучении выгоды принципа, лежащего в его основе.

² Вот ряд примеров зрительных омонимов, различающихся по ударению: *по́ля* и *поля́*, *му́ка* и *мука́*, *дбма* и *домá*, *пбтом* и *побтм*.

лался для них ненавистным из-за своей трудности, мы должны заботиться о том, чтобы всячески облегчить его изучение.

Было бы странно в этих условиях не использовать всех средств, имеющихся в распоряжении русской графики, для недвусмысленного изображения произношения.

Во всяком случае, если по чисто практическим соображениям окажется невозможным пойти на значительное изменение внешнего облика русского письма для всех, совершенно необходимо будет печатать всю учебную литературу для наших националов (и, конечно, для иностранцев) с последовательным применением букв *ё*, *э* после твердых согласных и знаков ударения. Так могут печататься местные газеты. Многие книги, и в частности наши классики, могли бы печататься в параллельных изданиях для националов.

4. ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ РУССКИХ БУКВ

§ 76. Хотя правила чтения русских букв и выводятся целиком из вышеизложенных правил изображения русских фонем, однако формулировка их не может быть простой перестановкой определяемого с определяющим, а потому необходимо их разработать в виде самостоятельного раздела, крайне важного прежде всего для изучающих русский язык иностранцев и для наших националов. Впрочем, я считаю, что он не менее важен и для составителей наших букварей, так как полагаю, что нельзя методически правильно обучать русской грамоте, не зная правил чтения русских букв.

§ 77. Для формулировки правил чтения русских букв необходимо разбить их на шесть групп соответственно разным правилам для каждой из них:

1. Всегда односмысленные буквы: *а, о, у, ы, э, й*.*
 2. Нормально односмысленные буквы: *ж, ц, ч, ш, щ*.
 3. Двусмысленные буквы для гласных: *е, ё, ю, я*.
 4. Двусмысленные буквы для гласного, но с особым правилом: *и*.
 5. Двусмысленные буквы для согласных: *б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х*.
 6. Дополнительные знаки: *ъ, ь*.
- 1) Буквы *а, о, у, ы, э, й* всегда читаются как звуки

* Почему Л. В. Щерба включил в число этих букв *о*, остается неясным. (Прим. ред.).

„а, о, у, ы, э, ј“. Примеры: *брат* „брат“, *бок* „бок“, *стук* „стук“, *бык* „бык“, *эхо* „эха“, *май* „мај“.*

2) Буквы *ж, ц, ч, ш, щ* нормально читаются как „ж“ твердое, „ц“ твердое, „ч“ мягкое, „ш“ твердое, „щ“ мягкое, но специально в фонетических транскрипциях иностранных слов и очень редко в иностранных географических названиях и собственных именах читаются по правилам пятой группы. Примеры: *жук* „жук“, *царь* „царь“, *чай* „чъај“, *шапка* „шапка“, *щука* „шьчъука“.*

3) Буквы *е, ё, ю, я* читаются:

а) в начале слов, после буквы для гласных и после дополнительных знаков *ъ* и *ь* как „јэ, јо, ју, ја“. Примеры: *ель* „јэль“, *ёж* „још“, *юг* „јук“, *яма* „јама“, *поёт* „пајот“, *подъезд* „падјэст“, *скамья* „скамьја“,*

б) после букв для согласных как „э, о, у, а“. Примеры: *век* „вьэк“, *мёд* „мьот“, *тюк* „тьук“, *мята* „мьата“.*

4) Буква *и* читается:

а) после знака *ь* как сочетание „ји“;

б) нормально после букв *ж, ц, ш* — как „ы“;

в) во всех прочих случаях, т. е. в начале слов, после гласных и после согласных, кроме *ж, ц, ш*, — как „и“. Примеры: *муравьи* „муравьи“, *жир* „жыр“, *цирк* „цырк“, *шил* „шыл“, *игро* „ига“, *бить* „бьить“.*

5) Буквы *б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х*, а в редких случаях и буквы *ж, ц, ч, ш, щ* читаются:

а) на конце слов, перед буквой для согласных и перед знаком *ъ* — как твердые;

б) перед буквами для гласных *е, ё, ю, я, и* и перед знаком *ь* — как мягкие. Примеры: *год* „гот“, *когда* „кагда“, *съезд* „сјэст“, *белый* „бьэлыј“, *сито* „сьита“, *конь* „конь“.*

6) Знаки *ъ* и *ь* всегда обозначают соответствующую твердость и мягкость предшествующего согласного, а перед буквами *е, ё, ю, я* являются, кроме того, знаками отделительными, т. е. обозначают такое произношение букв *е, ё, ю, я*, какое они имеют в начале слогов. Примеры: *съел* „сјэл“, *пьёт* „пъјот“.*

Б. РУССКОЕ ПРАВОПИСАНИЕ И ЕГО ПРИНЦИПЫ

Общие положения

§ 78. В языках, пользующихся буквенным, а не иероглифическим письмом, т. е. так или иначе изображающих

* Здесь в рукописи примеры отсутствуют. (Прим. ред.).

знаками звуки, а не идеи, как бы ни были сложны правила графики, написание слов должно бы всегда отражать их фонетический состав. Однако в полной мере это бывает сравнительно редко: более или менее фонетически пишут, например, в итальянской, в испанской, в сербской письменностях. В громадном же большинстве языков часто фонетическое письмо ограничено действием некоторых других принципов написания, в результате чего и возникает специфическое понятие «правописания», т. е. условного правильного, иначе говоря общепринятого написания слов.

§ 79. Подобных принципов правописания, считая в том числе и фонетический, можно указать пять:

1. фонетический,
2. исторический, или традиционный,
3. этимологический, или морфологический,
4. транслитерационный и
5. иероглифический.

При этом о фонетическом принципе правописания как об особом принципе может идти речь лишь в том случае, когда применяются и иные принципы, так как в фонетическом буквенном письме, каковым является, конечно, и русское письмо, фонетический принцип сам собой разумеется.

Ф о н е т и ч е с к и й п р и н ц и п п р а в о п и с а н и я

§ 80. Основным принципом русского правописания, конечно, следует считать принцип фонетический, в силу которого надо писать так, как говорится. И это остается справедливым, несмотря на то, что мы далеко не всегда пишем так, как произносим. Действительно, без всяких подсчетов видно уже хотя бы из нижеприводимого текста, что мы неизмеримо чаще пишем фонетически, чем как-нибудь иначе. Вот текст, в котором все нефонетические, с точки зрения полного стиля произношения, написания набраны курсивом: В одной из *отдалённых* улиц Москвы в сером доме с белыми колоннами, антресолю и *покрывшимся* балконом жила некогда барыня, вдова, *окружённая* многочисленной дворней. Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и *уединённо* доживала последние годы своей скупой и

скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи.

§ 81. Так, впрочем, обстоит дело при сравнении традиционных написаний с чисто фонетическими.* Если статья на точку зрения пишущего, то число случаев, где с точки зрения принципов русского правописания можно сомневаться в том, что следует писать, несколько увеличится и текст примет следующий вид:

В одной из *отдаленных* улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленной дворней. Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж, она *выезжала* редко и уединённо доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи.

Если мы будем исходить из разговорного стиля произношения, то число сомнительных случаев (для пишущего с неусвоенным или неосознанным полным стилем произношения) увеличится еще больше:

В одной из *отдаленных* улиц Москвы в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленной дворней. Сыновья Её (= йё) служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она *вЫЕзжала* редко, и уединённо доживала последние годы своей (= сваэй) скупой и скучающей старости. День Её (= йё), нЕрадостный и нЕнастный, давно прошёл; но и вечер Её (= йе) был чернее ночи.

§ 82. Многим кажется, что фонетический принцип является безусловно прогрессивным и что следует приветствовать всякое расширение его применения, а всякое ограничение этого применения считать шагом назад. При этом люди обыкновенно думают, что последовательное фонетическое письмо обеспечивает легкость обучения грамоте. Достаточно, кажется им, выучить буквы, усвоить механизм чтения — и человек будет вполне грамотно писать. Но это, конечно, наивное заблуждение, основанное на неверном предположении, будто все люди каждой данной нации произносят одинаково и при том так, как пишется. Однако, если даже отвлечься от таких очевидных диалекталь-

* Традиционные написания набраны жирным шрифтом; отображения разговорного стиля — прописными. (Прим. ред.).

ных особенностей, как «оканье» (сохранение в произношении всех неударных *o*), «цеканье» и «дзеканье» (произнесение мягких „ть“ и „дь“ как „ць“ и „дзь“), «цоканье» (произнесение „ч“ как „ц“) и т. п., то среди людей, говорящих в общем на литературном языке, все же можно констатировать большое количество произносительных различий, о многих из которых уже была речь и выше.

Как мы видели, одни говорят *шьши, шьшюка, шьшястье* и т. п., другие — *шьчи, шьчюка, шьчястье* и т. п., третьи — *шчы, шчюка, шчястье* и т. п. Далее, одни говорят *жжжот, брыжжэт, жуужжать* и т. п. Другие — *жьжьёт, брыжьжет, жуужьжять* и т. п., третьи — *жьджёт, брыжьджет, жуужьджять* и т. п. Далее, одни говорят *шалун, жара* и т. д., а другие — *шэлун, жэра* и т. д., одни говорят *поцэлуй*, другие — *поцалуй* и т. д., одни говорят *мылса*, другие — *мылса* и т. п., одни говорят *гryp, скрипка*, другие — *грып, скрипка* и т. п.

Примеры можно умножать без конца, причем следует всячески подчеркнуть, что все это литературно вполне допустимые варианты. Сплошь и рядом один и тот же человек в одних словах говорит одним определенным образом, а в других, исторически относящихся к тому же роду явлений, — другим, например *брыжьжет*, но *жуужжать*. Из всего этого вытекает, что если бы мы писали действительно всегда так, как говорим, наше письмо было бы в высшей степени пестрым. Я помню случай, поразивший меня еще в детстве: при мне один очень хороший учитель, прекрасно говоривший по-русски, диктовал что-то мальчику, экзаменовавшемуся в первый класс гимназии, и тот написал на доске, между прочим: «*Два мальчика шли вместе*». Учитель был очень недоволен, а я подумал, что мой товарищ был прав, так как учитель так и произнес это слово (дело было в Киеве еще в прошлом веке, и это было нормальное, местное, в данном случае украинское, произношение русского языка, которое никому и в голову не приходило считать ошибочным, нелитературным).

§ 83. При последовательном проведении строго фонетического письма центр тяжести обучения грамоте пришлось бы перенести на обучение единообразному произношению и вместо «орфографии» пришлось бы обучать «орфоэпии». Человечество, вообще говоря, по-видимому, идет по пути сглаживания внутри национальных языков

всяческих диалектальных различий, в том числе и произносительных. Однако до сих пор единообразие произношения не достигнуто еще ни в одной стране, даже во Франции, в этой классической стране с централизованной культурой. То же видим и в Англии, а о Германии и говорить не приходится: разнообразие произношения настолько там велико, что вопросы орфоэпии уже давно стали в немецкой культуре в порядок дня. Подобное упорство в сохранении местных особенностей произношения, являющихся в сущности пережитками еще феодальной эпохи, зависит от того, что перевоспитывать навыки, полученные в детстве, крайне трудно, особенно такие, которые не играют какой-либо решающей роли в нашей жизни. Между тем под произносительными различиями обыкновенно и разумеют такие, которые не деформируют ни морфологической структуры слова, ни его семантики (см. сказанное уже по этому поводу в § 80—82). Этим, между прочим, объясняется тот факт, что привычные произносительные различия, существующие в данном коллективе, обыкновенно вовсе не замечаются говорящими. Кто, действительно, замечал все те особенности произношения, о которых только что говорилось? Это дело филологов, актеров, декламаторов; для обывателя эти различия являются зачастую своего рода открытием, когда он на них наталкивается.

§ 84. Из всего сказанного вытекает, что добиваться единства письма при господстве фонетического принципа едва ли не будет гораздо более трудным делом, чем это имеет место сейчас. В самом деле, психологически трудно обосновывать правописание тех или других слов тем, что так произносят в таком-то определенном районе: это ни для кого не будет убедительным, если непосредственное образованное окружение произносит иначе. При господстве фонетического принципа правописание оказалось бы внутренне не мотивированным для большинства представителей данной нации и его изучение явилось бы для них механическим и поэтому нудным делом. Таким образом, следует признать, что вопреки очень распространенному мнению фонетический принцип вовсе не облегчает обучение грамоте, и это особенно справедливо по отношению к национальным языкам, сильно дифференцированным в области произношения.

Исторический, или традиционный, принцип

§ 85. Принцип, который в большинстве языков с большой литературной традицией в той или иной мере ограничивает сферу действия фонетического принципа, известен под названием исторического. В силу этого принципа мы сохраняем написания, противоречащие современному произношению и оправдываемые лишь историей языка. В большинстве случаев эти написания отражают старое, ныне изменившееся произношение. Однако так как иногда дело бывает и не так просто и так называемые исторические написания сложились на иных путях, то некоторые предпочитают говорить не об историческом, а о традиционном принципе. Ярким примером исторического, или традиционного правописания в русском языке является буква *и* после согласных „ш“ и „ж“. Сейчас мы говорим „шы, жы“, но пишем *ши, жи*, потому что так произносились эти сочетания на заре нашей письменности, когда согласные „ш“ и „ж“ были еще мягкими. Написание *ча* вместо ожидаемого *чя* (нормальное литературное „ч“ звучит сейчас в литературном произношении если и не так мягко, как например, „ть“ или „дь“, то все же, безусловно, скорее мягко, чем твердо) объясняется, однако, не тем, что „ч“ произносилось когда-то твердо (в древнерусском языке оно было таким же мягким, как „ш“ и „ж“), а традицией церковнославянской графики, которая легла в основу нашей графики.

§ 86. В русском правописании исторический принцип не играет большой роли, во всяком случае такой, какую он играет во французском и, особенно, в английском, классическом языке исторического правописания. Отчасти это находится в связи с тем, что исторический принцип во многих случаях перерос в этимологический, который и надо считать преобладающим принципом русского правописания (подробнее обо всем этом см. ниже § 117). Для иллюстрации незначительности роли исторического принципа в русской орфографии ниже привожу тот же текст, что и в § 8 и 80, в котором на этот раз курсивом набраны только исторические написания.

В одной из отдаленных улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленной дворней. Сыновья ее служили

в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединенно доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи.

§ 87. Положительная роль исторического принципа, которая совершенно очевидно выступает в английском языке, состоит в том, что он соединяет современное с прошлым, поддерживает единство литературы, а следовательно, и культуры. Если бы англичане стали писать сейчас фонетически, то они абсолютно не могли бы читать, например, Шекспира без специальной филологической выучки. Поэтому вполне понятно, что народы с блестящим культурным прошлым и с актуальной еще литературой в этом прошлом придерживаются исторического принципа в правописании.

Для иллюстрации расхождения между письмом и произношением ниже привожу для сравнения английский текст, написанный фонетической транскрипцией (которая основана на английской же графике), и тот же текст в традиционной орфографии: *

ai had not the currij to see enny wun that niyt. ai had not even the currij to see myself, for ai woz afraid that my tearz miyt a littl reproach me. ai went up to my room in the dark and preyd in the dark, and ley down in the dark to sleep. ai had no need ov enny liyt to reed my gardianz letter by, for ai nue it by hart.

§ 88. Само собой, однако, разумеется, что чрезмерное расхождение написания с произношением затрудняет первоначальное обучение, а следовательно, в той или другой мере задерживает развитие культуры, отнимая очень много времени на усвоение простой грамотности. В этом смысле орфография, вроде английской, является своего рода «врагом культуры», несмотря на то, что исторический принцип очень часто перерастает в иероглифический (см. ниже), который в известных случаях и в известной мере может быть и прогрессивным, как это имеет место, между прочим, именно в английском языке.

§ 89. Надо, впрочем, иметь в виду, что при господстве исторического правописания затруднения возникают, главным образом, для пишущих, а не для читающих. Дело в том, что в силу исторического принципа чаще всего одно и то же звучание получает разные способы графи-

* См. текст в § 8. Пример в рукописи отсутствует. (Прим. ред.).

ческого изображения, например *ѣ* и *e*, *и* и *i*, *ѣ* и *e* в дореформенном русском правописании; *f*, *v* и *ph*, двойная буква и буква *h* как знаки долготы гласного, *t* и *th*, *ï* и *y* в немецком; *i*, *ie*, *y*, *e* и *ee*; *a*, *au*, *ai*, *ei*, *eu* и *ea*; *o*, *ow* и *oa* — в английском. Отсюда возникает необходимость запоминать, как пишется чуть не каждое слово (это безусловно справедливо для английского). Сравнительно гораздо реже один звук изображается вместо другого (примеры этого были даны выше). Оно и понятно: при злоупотреблении в этом смысле историческим принципом не только иностранцы затруднялись бы читать текст, но и сами туземцы. Англичане даже и при своем правописании, изобилующем случаями подобного рода, не всегда уверенно читают незнакомые собственные имена (примеры).*

Что касается русского правописания, то там применение исторического принципа (а также и этимологического) ограничивается специальным правилом, которое изложено ниже (в § 120).

§ 90. В связи с этим рациональная политика в области орфографии при господстве исторического принципа требует постепенного, но неуклонного подтягивания правописания к произношению. Таким образом можно не допустить образования такой пропасти между письмом и произношением, которая так неудобна в английском языке, а с другой стороны, избегать и резких разрывов в традиции, на которые рано или поздно приходится идти для ликвидации подобного вопиющего разнобоя.

§ 91. По пути такого постепенного подтягивания письма к произношению идет развитие немецкой орфографии, которая время от времени подвергается частичным упрощениям (см. реформы 1880 и 1901 гг.).

Так в общем шло развитие и русского правописания. Начало русской письменности относится к XI в., когда древнеболгарскую азбуку, известную под названием кириллицы,¹ стали применять для записи так называемых церковнославянских текстов² и в произношении русских людей, а также для записи отдельных русских слов и целых текстов, возникающих на русской почве.

* Примеры в рукописи отсутствуют. (Прим. ред.).

¹ Отношения кириллицы к более древней, с точки зрения большинства ученых, глаголице в этой связи не играют особой роли.

² Т. е. текстов, написанных на общеславянском литературном языке, возникшем в IX в. в восточной Македонии и получившем дальнейшее развитие первоначально в X в. в Болгарии.

Эта азбука понемногу стала приспособляться к условиям несколько иной языковой среды, и к XV в. выработалась не вполне последовательно употреблявшаяся русская ее редакция: юс большой, *i* десятиричное, зело, ижица вовсе вышли из употребления; *є* и *ѣ*, йотированное *а* и юс малый стали употребляться безразлично одно вместо другого; *ѡ* и *ѣ* утратили смысл гласных и стали употребляться в смысле твердого и мягкого знака; ряд слов стал писаться по выговору.

В XV в. мощное югославянское культурное влияние восстановило церковнославянскую традицию в литературном языке вообще и в частности в азбуке. Но при Петре мы видим возврат к тому, что было проделано в первые века нашей письменности, и дальнейшее приспособление церковнославянской традиции к потребностям русского языка.¹ После некоторых колебаний и отчасти уже после Петра окончательно были изъяты из обращения юс большой и ук, как дублиеты современного *у* (второй части церковнославянского письменного дифтонга *оу*), зело, как дублет современного *з* (земля), омега, как дублет современного *о*, кси, вместо которого стали писать всегда *кс*, и *га*, как дублет нашего *я*, по рисунку восходящего к юсу малому. В дальнейшем в быту была изъята ижица, что официально было подтверждено реформой 1917—1918 гг. На рубеже XVIII и XIX вв. была предложена буква *ѣ* (вместо непривившегося петровского *іѡ*), которая факультативно и употреблялась до самого последнего времени, когда в 1943 г. было закреплено ее обязательное употребление. Реформа 1917—1918 гг. устранила букву *ѣ*, как дублет *е*, букву *і*, как дублет *и*, и букву *ѡ*, как дублет *ѡ*, и тем завершила очищение русской азбуки от лишних букв.

Тот же процесс постепенного освобождения русского письма от традиционных пережиточных элементов совершался и совершается и в других областях правописания. Так, еще в прошлом веке изжиты были церковнославянские окончания прилагательных *слеп-ый*, *жив-ый*, *слеп-аго*, *жив-аго* и т. д. Реформа 1917—1918 гг. устранила окончания родительного падежа единственного числа мужского

¹ Петровская реформа письма имела характер разрыва с традицией главным образом благодаря сближению рисунка славянских букв с латинскими, т. е. благодаря введению так называемой «гражданки». По внутреннему же своему существу она повторяла уже проделанное развитие и вовсе не была так разительна.

и среднего рода *-аго/-яго* и в безударном положении и утвердила написание *добр-ого, красн-ого, син-его, лись-его*. В области правописания отдельных слов уже давно пишут по произношению *барсук, лапша, стакан, карман, завтрак* вместо исторических *борсук, лопша, стокан, корман, завтрак*. Последнее время стали писать *калач, каракатица, крапива, паром* и некоторые другие вопреки несомненным историческим *колач (от коло), корокатица (ср. о-корок), кропива (ср. копръ), пором (ср. церковнослав. прамъ)*.

Так постепенно происходил отход от исторических написаний в нашей орфографии.

Вообще даже Пушкин, например, которого отделяет от нас едва какая-либо сотня лет и произведения которого еще так актуальны для нас, не писал, как мы: для того, чтобы в этом убедиться, достаточно бросить самый беглый взгляд на любое прижизненное издание его произведений. Так, в «Станционном смотрителе» мы читаем: «Вижу, какъ теперь, самага хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и добраго: на немъ былъ длинный зеленый сертукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ».*

§ 92. Политика постепенного подтягивания письма к произношению, будучи вполне рациональной, тем не менее ведет в сущности к большой анархии в области правописания и делает его усвоение крайне затрудненным. Однако, при господстве исторического принципа это совершенно неизбежно, ибо язык и его произношение непрерывно меняются, и если письмо не следует за изменениями этого последнего, то между ним и произношением неминуемо образуются расхождения, которые, накапливаясь, требуют постоянного подтягивания письма к изменившемуся состоянию языка во избежание того положения вещей, которое констатируем в современном английском языке.

§ 93. Положительным моментом в применении исторического принципа правописания в языках с большим разнобоем в произношении (таким языком в еще гораздо большей степени, чем русский, является английский, не говоря о немецком или итальянском) оказывается еще следующее обстоятельство: нормы написания устанавливаются не в связи с тем, как говорят в том или другом районе или городе — в Лондоне или в Ливерпуле и т. п., — что пишущим кажется, конечно, произвольным, а в связи

* Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А. П. Санктпетербургъ, 1831, с. 107. — Пример в рукописи отсутствует. (Прим. ред.).

с тем, как писали раньше общенациональные деятели, политики, писатели, ученые и т. д., что представляется безусловно гораздо более убедительным. Даже во Франции, где престиж Парижа играет совершенно исключительную роль, не все парижское в области произношения считается образцовым.

В этом плане становятся понятными и вполне оправданными филологические разыскания относительно правописания тех или других слов в прошлом: это точно установленное прошлое должно служить основанием и для современного правописания. И когда говорят о научности правописания, то имеют в виду прежде всего именно историческое его обоснование.

Не может быть сомнения, однако, и в том, что исторический принцип правописания в той или другой мере отражает нездоровые реакционные тенденции данного общества. Мы видели очень яркое проявление этого при реформе нашего правописания 1917—1918 гг., когда за букву *ѣ*, которая писалась в определенных словах в силу исторического принципа, особенно цеплялись реакционные слои нашей общественности, связывая, как это ни странно на первый взгляд, сохранение этой буквы с сохранением старого строя.

§ 94. При применении исторического принципа возникает между прочим вопрос о том, написания какого времени могут служить тем образцом, по которому должно равняться современное правописание. Очевидно, что в разных языках это будет решаться по-разному в связи с историей этих языков, но факты показывают, что и в одном языке трудно выдержать единство термина *a quo*, т. е. эпохи, написания которой должны приниматься в расчет.

Здесь также лежит один из источников произвола и колебаний во всякой исторической орфографии. Примеры мы уже видели выше в § 85.

§ 95. Еще нагляднее это видно на истории образования наречий из существительного с предлогом: число слитных написаний множится, можно сказать, на наших глазах. При господстве исторического принципа в этой области последовательным было бы писать их всегда раздельно, т. е. писать, например, *в верх*, *в низу*, *с начала*, *на пример* и т. п. Поскольку, однако, такое положение вещей давно нарушено, возникает вопрос, какого же правописания в этой области нам придерживаться: догровского, гровского или современного. При этом надо

иметь в виду, что эти три термина вовсе не отвечают каким-либо точно определенным понятиям (ближе обо всем этом см. ниже § 126—127).

§ 96. Резюмируя все сказанное об историческом, или традиционном, принципе правописания, надо, с одной стороны, признать некоторую его неизбежность в виду непрерывности изменения языка и его произношения, за которыми не может угнаться никакая орфография, требующая хотя бы относительной стабильности, а с другой, — констатировать ту анархию правописания и трудности его усвоения, к которым приводит применение исторического принципа.

Т р а н с л и т е р а ц и о н н ы й п р и н ц и п

§ 97. Своеобразным видоизменением исторического, или традиционного, принципа является принцип транслитерационности,¹ который тоже ограничивает в той или другой мере применение фонетического принципа.

Транслитерационный принцип по существу вещей относится только к словам заимствованным и состоит в том, что в расчет принимается не только произношение данных заимствованных слов, но и их иностранное оригинальное написание. Этим объясняется, между прочим, способ изображения слов *район, майор, Байонна, . . . батальон, миньон* и т. д. вм. *раён, маёр, Баённа, . . . батальён, миньён* и т. д. — с сохранением буквы *o* иностранных *rayon, Major, Baïonne, . . . bataillon, tignon* и т. д. Так же объясняется *и* после *ц* в *принцип, цистерна* и т. п. Наконец, так же объясняется *e* вместо *э*, т. е. сохранение латинского начертания *e* в заимствованных словах и собственных именах: *пенсне* вм. *пенснэ, кашне* вм. *кашнэ* и т. п.; *Доде, Гете* и т. п. вм. *Додэ, Гетэ* и т. д.

Здесь надо упомянуть и о двойных согласных, не нашедших себе отражения в русском литературном произношении: *аккомпанемент, аккорд, аллея, аммиак, грамматика* и т. д. и т. д.

Сюда же относятся, наконец, старые (дореформенные) написания с *ѳ*: *Ѳеодор, ѳиммиам, Ѳивы* и т. д.

¹ От слова транслитерация, т. е. передача, переписывание слова буква в букву, в отличие от транскрипции — передачи звуков слова: так, *Уэльз* будет приблизительной транскрипцией, а старое *Валлис* — транслитерацией английского географического названия.

§ 98. Само собой разумеется, что транслитерационный принцип в русском языке с его специальным алфавитом не проводится и не может проводиться сколько-нибудь последовательно. В западноевропейских языках он применяется довольно широко, не говоря уже об употреблении во французском и немецком букв *u*, *th*, *ph* в соответствии с греческими *υ*, *θ*, *φ*. В Западной Европе во всех языках с латинским алфавитом принято сохранять оригинальное написание иностранных фамилий и географических названий во всей его неприкосновенности. Это представляет громадное удобство в международных сношениях (в почтово-телеграфном деле, в библиографии и т. п.), устраняя всякий произвол транскрипции.

§ 99. При оценке роли транслитерационного принципа в орфографии надо различать нарицательные и собственные имена. Первые понемногу осваиваются заимствующим языком и перестают ощущаться как заимствованные слова. Поэтому сохранение особенностей оригинальных написаний заимствованных нарицательных имен имеет значение лишь сигнала их интернационального характера. В связи с этим далеко идущая правописная политика по отношению к ним может быть двоякая. С одной стороны, можно стремиться к скорейшему освоению заимствованных слов и к превращению их в национальные, и тогда следует избегать применения транслитерационного принципа, а руководствоваться исключительно фонетическим, в соответствии с чем писать нужно будет *акомпанемент*, *акорд*, *алея*, *амиак*, *граматика*, *комисия* и т. д. (но, конечно, *ванна*, *колонна*, *касса*, *труппа* и т. д.) согласно с произношением, которое, впрочем, очень колеблется в литературном языке, единство которого должно быть предварительно установлено на максимально рациональных основаниях; далее, следует писать *адекватный*, *пенсне*, *кашне* и т. п.; *принцип*, *цыстерна* и т. д.; *раён маёр*, *батальён*, *шоколад миньён* и т. п.

§ 100. С другой стороны, можно стремиться к выделению и сохранению в каждом языке его интернациональных элементов как основы для постоянного сближения языков человечества. При этом не надо думать, что это лишь отвлеченный идеал: уже в настоящее время единство европейской культуры имеет своим естественным последствием бесчисленные сходства в лексике (особенно во внутренней форме слов и выражений: *пол-ночь* (*mi-nuit*, *Mitter-nacht*), *из-винять* (*ex-cusare*, *ent-schuldigen*), *со-*

vestь (*con-science, Ge-wissen*) и т. д. и т. д.) и в синтаксисе европейских языков. Однако произношение одних и тех же слов зачастую сильно разошлось в отдельных европейских языках, и сейчас трудно предвидеть, какая форма окажется наиболее сильной: едва ли это будет всегда та, которая соответствует сегодняшнему международному написанию (к тому же надо вспомнить и то, что многие слова, как например слово *аллея*, ни в каком языке не сохранили двойных согласных в произношении).

Поэтому написание *аккомпанемент, аккорд, аллея, аммиак, грамматика* и т. д., *принцип, цистерна* и т. д., *адэватный, кашнэ, пенснэ, район, майор, батальон, миньон*¹ и т. п. имеет скорее пропагандистское значение, чем реальное, как правописание будущего.

§ 101. Впрочем, кроме этих общих соображений, следует принять во внимание, что изучение иностранных языков во многих случаях значительно облегчалось бы при более последовательном проведении транслитерационного принципа, а с другой стороны, оно поддерживало бы в свою очередь и усвоение русского правописания заимствованных слов, тогда как оно будет мешать этому усвоению при безраздельном господстве фонетического принципа.

§ 102. Что касается фамилий и географических названий, то их желательным было бы писать так, чтобы было как можно легче отождествлять их с оригинальными написаниями. И это тем более, что подлинное произношение иностранных собственных имен зачастую плохо известно и единственной реальностью в международном масштабе является их написание. Поэтому, как это уже было выше отмечено, применение транслитерационного принципа было бы крайне важным для международных почтово-телеграфных сношений, для международного транспорта, для международной библиографии и т. п. Однако это повело бы к таким написаниям, как *Схакеспере* (*Shakespeare*) вм. *Шекспир*² и т. п., что в наш век растущего зна-

¹ Написания *батальон, миньон* и т. д. неприемлемы с точки зрения русской графики (об этом см. § 67).

² Надо, впрочем, иметь в виду, что самые принципы транслитерации могут быть весьма различными: можно транслитерировать слова буква в букву без учета правил графики данного языка, а можно транслитерировать по правилам его графики. Так, *Daudet* можно транслитерировать *Даудэт*, а можно *Додэт*, *Hugo* — *Хуго* или *Уго*, *Meillet* — *Мэйллэт* или *Мэйз* и т. п. (латинское *e* нельзя

чения устной речи (благодаря авиации, с одной стороны, и благодаря радио, граммофонам — с другой) едва ли бы было правильным.

§ 103. Наконец, с точки зрения языковой политики сегодняшнего дня, когда русский литературный язык усваивается главным образом через книгу не только многими русскими, но и десятками миллионов наших националов, мы должны хлопотать о том, чтобы написания учили произношению. Если мы хотим, чтобы люди, изучающие русский литературный язык, произносили *адэ-кватный*, *кашнэ*, *Додэ*, *Гетэ* и т. д. с твердым согласным перед гласным „е“, то надо и писать, не боясь буквы э; если хотим, чтобы произносили *алея*, *амиак* и т. д., то так надо и писать, не боясь быть безграмотным с интернациональной точки зрения.

§ 104. Из всего сказанного вытекает, что применение транслитерационного принципа неминуемо ведет к разным непоследовательностям и является источником произвола в правописании. С другой стороны, последовательно проводить фонетический принцип по отношению к иностранным фамилиям и географическим названиям невозможно из-за отсутствия у очень многих из них готовой русской фонетики. Это вызывает необходимость разработки правил их транслитерации, которые не могут не быть компромиссными из-за разницы в алфавитах и в правилах графики. Кроме того, неудобно было бы менять правописание тех фамилий и географических названий, которые уже имеют ту или другую русскую фонетику и соответственные написания: нельзя писать *Пари* или *Парис* вм. *Париж*, *Ляндон* вм. *Лондон*, *Хамбург* вм. *Гамбург*, *Вин* или *Виденъ* вм. *Вена*, *Хайнэ* вм. *Гейне* или *Гейнэ*, *Мельет* (*Meillet*) вм. *Мейе* и т. п. (вопросам транслитерации посвящена моя статья в Известиях Академии наук).*

передавать русским *е*, т. к. это последнее обозначает или группу „je“, или „е“ и мягкость предшествующего согласного). Самое, однако, трудное в транслитерации, особенно при передаче и графических правил, это транслитерирование букв и их сочетаний, не имеющих эквивалентов в русском: как передать французское *и*, *еи*, *е* и т. п.

* Имеется в виду статья Л. В. Щербы «Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий» (ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, с. 118—126, перепечатано в книге: *Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974, с. 253—264). (Прим. ред.).

§ 105. Другой принцип правописания, ограничивающий действие фонетического, известен под названием этимологического, т. е. словопроизводственного. Суть его состоит в том, что части слов — морфемы, узнаваемые в разных словах как тождественные, пишутся одинаково, несмотря на различия их произношения. Недаром его называют также морфологическим и, наконец, аналогическим. Это последнее название едва ли не самое разумное, так как очень просто и ясно говорит, в чем дело: в самом деле мы пишем каждую морфему всегда по аналогии к ее основной форме.¹

§ 106. Русское правописание насквозь проникнуто этимологическим принципом: *выпрямить* пишем через *я*, потому что говорится и пишется *прям*, хотя в разговорном стиле и произносим во втором слоге одни нечто вроде „э“, другие нечто вроде „и“; в слове *глин-яный* мы произносим в суффиксе такой же звук, но пишем его через *я*, так как произносим *полотн-яный*; далее пишем *с красным флагом*, т. е. *ы* в окончании первого слова и *о* в окончании второго, так как говорим и пишем *со злым врагом*, хотя в разговорном стиле и произносим в обоих словах первого словосочетания неударенное „ы“; *боб*, *сад* мы пишем через *б* и *д* на конце, так как говорим и пишем *боб-а*, *боб-ы*, *боб-ик* и т. д. и *сад-а*, *сад-ы*, *сад-ик* и т. д., хотя и произносим „боп, сат“ и т. п.; мы пишем *свист-нуть*, так как говорим и пишем *свист*, хотя и произносим „свиснуть“ (без „т“); мы пишем предлог *по*, например, в словосочетании *по простому делу* через *о*, хотя и произносим здесь „а“, так как говорим *по-пусту*.

§ 107. Этимологический принцип является доминирующим и в немецком правописании. Так, пишется *Brod*, *Brödchen*, так как говорится и пишется *des Brod-es*, *dem Brod-e*, хотя произносится «Brot, Brötchen», пишется *vierzehn*, так как говорится и пишется *vier*, хотя само слово *vierzehn* произносится «virrzehn».

¹ В этом свете более понятен и термин «словопроизводственный»: мы пишем морфемы производных слов так, как эти морфемы произносятся в словах, от которых образованы данные слова. Но так как по этимологическому принципу пишутся не только корни, но и префиксы, суффиксы и окончания, то термин «словопроизводственный» в сущности узок и употребляется в расширенном значении.

Во французском языке этимологический принцип часто отступает перед историческим на задний план; однако случаев его применения все же много. Так, в единственном числе настоящего времени глаголов *rompre, mettre, défendre, descendre* и т. д. перед неммым «s» окончания пишутся, хотя и не произносятся буквы *p, t, d*, так как они оказываются коренными и произносятся и пишутся во множественном числе того же времени: *je romp-s — nous romp-ons, je met-s — nous mett-ons, je défend-s — nous défend-ons, je descend-s — nous descend-ons* и т. д.

§ 108. Так как при применении этимологического принципа мы в сущности изображаем исторически предшествующее состояние морфемы в данном слове или форме (по большей части даже не засвидетельствованное памятниками), то многие считают этимологический принцип историческим. Однако с точки зрения пишущих между этими двумя принципами имеется громадная разница, которую удобно показать хотя бы на слове *каравёнка*: в полном стиле оно звучит „каравёнка“, а мы пишем и в первом и во втором слоге *о*, причем в первом слоге только традиция (история) заставляет нас это делать, а во втором мы пишем *о* потому, что „каравёнка“ производим (сейчас производим) от „карова“. Или еще пример: мы пишем *красн-ого*, хотя и произносим „красн-ава“; в первом и во втором слоге окончания мы пишем *о*, потому что узнаем то же окончание, с одной стороны, в слове „зл-ова“, а с другой стороны, в слове „адн-аво“; однако *г* вместо произносимого „в“ мы пишем исключительно по традиции.

§ 109. Вполне понятно, что, поскольку этимологический принцип в правописании противопоставляется историческому, речь при этом может идти только об актуальных этимологиях, т. е. таких, которые признаются всеми говорящими на данном языке. Благодаря этому то или иное написание при господстве этимологического принципа не основывается ни на том, как говорят в той или иной местности (как это имеет место при господстве фонетического принципа), и ни на правописной практике прошлого (как это имеет место при господстве исторического принципа), а получает свое обоснование в самом строе языка пишущего. И надо признать, что это обстоятельство делает этимологический принцип (такой, как он здесь понимается) безусловно самым прогрессивным принципом.

§ 110. В самом деле, когда мы пишем *молодой*, а не

маладой, то поступаем так не потому, что к северу от Москвы произносят это слово с „о“ в первом и во втором слоге, и не потому, что так оно звучало (предположительно) и во всяком случае так писалось в древнерусском, а потому, что мы сами произносим „молат, малоденький“. Таким образом, благодаря этимологическому принципу правописание в сознании пишущих не является чем-то произвольным, результатом какого-то внешнего принуждения, а получает обоснование, как только что было сказано, в их собственном языке.

И это остается справедливым, несмотря на наличие в русском языке большого количества чисто исторических написаний,¹ которые при таких условиях воспринимаются как неизбежные исключения. Психологически все это имеет большое значение для утверждения всеобщей полной грамотности, так как и само освоение правописания, и дальнейшее пользование им, не будучи чисто механическим, не становится ненавистным.

§ 111. Кроме того, с педагогической точки зрения этимологический принцип делает изучение правописания прекрасной пропедевтикой для более глубокого изучения языка как средства, выражающего наши мысли и чувства. Дети с самого начала обучения приучаются не скользить по явлениям языка, а вдумываться в значения слов и в смысловые связи их между собой. Между тем привычка вдумываться в язык и в его выразительные средства абсолютно необходима, чтобы научиться писать грамотно в широком смысле слова, т. е. правильно строить фразы и подбирать такие слова, которые наилучшим образом выражают данную мысль.

§ 112. В связи с этим жалобы на то, что изучение нашего правописания отнимает у учащихся много времени, которое с пользой могло бы быть употреблено на что-либо другое, глубоко неправильны: изучение именно русского правописания приносит нашим учащимся едва ли не большую пользу, чем пресловутое «что-либо другое». Само собой разумеется, что учитель должен уметь использовать обучение правописанию для создания обостренного

¹ По подсчетам Пешковского, приблизительно половина так называемых сомнительных гласных не находят себе оправдания в современном языке. — По-видимому, имеется в виду статья «Правописание и грамматика в их взаимоотношении в школе» (в кн.: Избранные труды. М., 1959, с. 63—73). (Прим. ред.).

чутья языка, без чего невозможна грамотность в широком смысле слова. Но это дело уже методики преподавания, которая как будто начинает у нас понемногу осознавать эту задачу.

§ 113. В связи с этим надо подчеркнуть, как глубоко заблуждаются те преподаватели, которые всячески стремятся механизировать обучение правописанию. По счастью, идеи Лоя, которые по непонятной для меня аберрации мысли были поддержаны у нас таким авторитетным человеком, каким был профессор Томсон (ср. его. . .),* теперь окончательно похоронены. Тем неприятнее действовало недавнее стремление педагогов школ для взрослых механизировать некоторые правила правописания. Сравни, например, следующее правило, которое можно найти во многих учебниках и пособиях: «В начале русских слов никогда не пишется *зб, зг, зд, зж*, а пишется *сб, сг, сд, сж* за исключением слов *здесь, здание, здоровье, зга*, а также производных от них». Впрочем, и эта тенденция, кажется, уже изживается.

§ 114. Некоторым¹ кажется, что этимологическое письмо облегчает и значительно ускоряет процесс чтения и понимания текста, благодаря тому что помогает узнавать одинаково пишущиеся части слов. Несомненно, что нам, воспитанным на этимологических, т. е. уоднообразных написаниях одних и тех же морфем, их фонетические написания кажутся совершенно невразумительными. Однако я не уверен, что так будет и при систематическом фонетическом правописании. Во всяком случае сохраняющиеся и в нашем правописании благодаря систематическим фонетическим чередованиям разные виды одних и тех же морфем (*беж-ишь, бег-у; руч-ка, рук-а; нес-у, носить, наш-ивать* и т. д.) как будто не мешают нашему пониманию текста. Само собой, однако, разумеется, что подобное констатирование имеет очень мало цены вне научно поставленного эксперимента. Далее, можно указать на то, что в процессе беглого чтения слова и даже части фраз узнаются целиком, как это явствует из самонаблюдения и установлено экспериментальной психологией. Между тем для этого, вероятно, выгоднее индивидуализировать

* Какие работы Я. В. Лоя и А. И. Томсона имеются здесь в виду, выяснить не удалось. Может быть, речь идет о выступлениях на какой-нибудь конференции. (Прим. ред.).

эти цели, как это и имеет место в процессе понимания устной речи. И это тем более, что фонетически дифференцированные, хотя и единые по основной функции морфемы, конечно, дифференцированы по вторичным функциям: форма морфем *-боб-*, *-год-* и т. п. с конечным глухим (т. е. „боб“, „год“) сигнализирует о положении данной морфемы в конце слова, а следовательно, и об определенной падежной функции этого последнего (в данном случае именительный или винит. падеж ед. числа мужск. рода); форма морфем *-вод-*, *-год-* с „а“ посередине (т. е. „вад“, „гад“) сигнализирует об отсутствии ударения на данной морфеме (тоже с соответственными морфологическими выводами) и т. д.

Однако вопрос этот в целом — очень трудный и едва ли может быть решен на основании одних только отвлеченных соображений. К сожалению, никаких специальных работ в этой области не имеется.

§ 115. Слабой стороной этимологического принципа является некоторый произвол в определении степени актуальности этимологий: Грот хотел писать *вядчина* на основании словопроизводства от *вя-лить*, *у-вяд-ать*; но это правописание не утвердилось, так как этимология оказалась неактуальной и даже неосновательной, и мы пишем *ветчина* просто по произношению и во всяком случае не потому, что словопроизводство от *вети-ать* представляется более актуальным и даже более отвечающим исторической действительности. Слово *с-виде-тель* принято писать через *и* на основании словопроизводства от *видеть*, как более актуального, чем словопроизводство от *ведать*, отвечающего исторической действительности (ср. лат. *con-sci-us*). Однако в конце концов и первое словопроизводство едва ли вполне очевидно.

§ 116. Другая слабая сторона этимологического принципа лежит в некоторой произвольности границ его применения. Действительно, нельзя ведь писать всякую морфему одинаково решительно во всех случаях: в словах *вед-у*, *ве-сти*,¹ *вё-л*, *вод-ить*, *вож-у*, *вож-ак* коренная морфема несомненно сознается единой; никому, однако, не приходит в голову писать *ведсти*, *ведя*, *ведить*, *веду*,

¹ Что в словах *вести*, *плести* и т. п. *-сти* воспринимается как окончание, явствует из таких форм, как *гре-сти*, *погреб-сти*, *кля-сть* и т. п., куда оно и попало из глаголов, корень которых оканчивается на *т* или *д*.

ведяк. Ниже дается правило, которое хотя и не всегда последовательно и не всегда до конца, но в известной мере регулирует этот вопрос.

§ 117. Как об этом уже говорилось, доминирующим принципом в русской орфографии является этимологический. Вот несколько примеров, иллюстрирующих это положение. В слове *кля-ну* мы пишем *я* по аналогии с частями *про-кля-тый*, *за-кля-тый* и т. д. Однако исторически оно должно было бы писаться *клену*, так как восходит к древнерусскому *кльну*. В слове *за-тх-лый* мы пишем *т* по словопроизводству от слова *тух-нуть* (ср. *тух-лый*), тогда как исторически оно восходит к форме *задъхлън* и в смысле 'задохшийся'. Мы пишем слово *ласк-ов-ый* через *о* по аналогии с *бед-ов-ый*, *махр-ов-ый* и т. д., хотя исторически оно восходит к *ласкавый* (ср. польск. *laskawy*). Слово *рассказать* мы производим от *сказать* и, соответственно, пишем через два *с*, тогда как исторически оно произведено от слова *казати* и должно бы писаться *расказать*. Слово *смиранный* мы пишем и говорим через *и*, производя его от глагола *смирить* (ср. *усмирять*); но в старину его писали *и*, очевидно, говорили *съмѣранныи* (от слова *съмѣрять* в смысле 'умерять'). До последней реформы писали слово *седло* через букву *ѣ*, производя его от глагола *сесть*, который всегда писался через *ѣ*, между тем как это слово имеет старое *е* и писалось в старину *седьло* (здесь имелось исконное чередование *е* || *ѣ*).

С другой стороны, мы имеем целый ряд примеров, когда затемнение этимологии ведет к утрате исторического написания с заменой его фонетическим: так, *калач*, которое, наверное, связано со словами *коло*, *колесо*, пишется теперь через *а*; *каракавица*, *карапуз*, на *карачках* пишутся через два *а*, хотя исторически они связаны с *о-корок*, являясь полногласными формами (ср. ц.-сл. *крокъ*, польск. *krok*); *езде* пишется сейчас через *з*, а *где* через *г*, хотя первое исторически связано с местоимением *весь*, а второе — с местоимением *кто*, *кого* и т. д.

Все эти примеры наглядно показывают, что этимологический принцип (такой, как он был определен выше в § 105) всегда был и остается до сих пор преобладающим по сравнению с историческим. И это является, конечно, справедливым, несмотря на то, что исторических или вообще традиционных написаний, т. е. таких, которые не

оправдываются ни фонетически, ни этимологически, довольно много в русском языке, как об этом уже говорилось.

И е р о г л и ф и ч е с к и й п р и н ц и п

§ 118. Имеется и еще один принцип правописания, который скорее всего может быть назван иероглифическим (у Богородицкого он называется «принцип дифференциации»), так как он имеет в виду такие написания, которые непосредственно выражают идеи вне какого бы то ни было отражения их в звуковой стороне языка. Классическим примером применения этого принципа в русском языке является старое (дореволюционное) различие «двух миров»: *мир* — 'спокойствие' и *мир* — 'вселенная'. Однако кое-что можно отметить и сейчас: различие в написании слов *нож*, *меч*, (холодный) *душ*, *плащ*, с одной стороны, и *рожь*, *ночь*, *глушь*, *мощь* (с мягким знаком на конце) — с другой, не обозначая никакого различия в произношении, выражает непосредственно родовые различия и различия типов склонения. Дифференциация в написании единого в произношении звукового комплекса *кампания* и *компания* получает иероглифическую функцию и дает два слова с разными значениями. Можно привести и еще несколько аналогичных примеров; но в общем надо подчеркнуть, что в русском языке иероглифический принцип играет очень небольшую роль. Зато в английском и во французском языках с историческим по преимуществу правописанием самый этот принцип перерастает в иероглифический и становится, таким образом, прогрессивным. В самом деле, если бы не было графической дифференциации в этих языках, то в них было бы громадное количество омонимов; в написании же они все по большей части различаются. Так, во французском мы имеем *sang* 'кровь', *sent* 'сто', *sans* 'без', *sens* 'смысл', *sent* 'чувствует'; или, далее, *rain* 'хлеб', *pin* 'сосна', *peins* 'порисуй', *peint* 'нарисованный';¹ или еще *sein* 'грудь', *saint* 'святой', *sain* 'здоровый', *seint* 'опоясанный', *seing* 'печатать', *cinq* 'пять'.

Вот несколько примеров из английского: *by* 'около', *buy* 'покупать'; *to* 'к', *two* 'два', *too* 'слишком'; *pare* 'подрезать', *pair* 'пара', *pear* 'груша'.*

¹ Перевод неточный.

* Примеры в рукописи отсутствуют. (Прим. ред.).

*Опасности омонимии в правописании вообще
и в русском в частности*

§ 119. Может показаться, что различение на письме фонетических омонимов не является достоинством правописания. Если в устном языке омонимы не мешают взаимопониманию, то почему они должны бы мешать ему в письменной речи: контекст и там и там достаточно, казалось бы, определяет их значение в каждом данном случае. Однако не следует упускать из виду, что письменная речь гораздо беднее устной: в ней отсутствуют интонация, ритмика, тембр голоса; далее, отсутствует очень важный элемент — жест и, особенно, мимика; и, наконец, — и это самое главное — если в письменной речи всегда есть контекст и притом зачастую более богатый, чем в устной, то зато целиком отсутствует реальная ситуация. Поэтому если омонимы не вредят взаимопониманию в устной речи, то это вовсе еще не значит, что дело обстоит точно так же и в письменной речи. Поэтому эта последняя в общем не должна пренебрегать дополнительными средствами выражения мыслей, которые бы ускоряли и облегчали их схватывание. В этом смысле перерастание исторического, а иногда и этимологического принципов в иероглифический надо считать в большинстве случаев прогрессивным явлением, как это видно из вышеприведенных французских и английских примеров. Число устных омонимов в русском языке не велико, но число зрительных или письменных омонимов очень значительно¹ благодаря отсутствию обозначения ударения, и русское правописание не должно поэтому чуждаться иероглифического принципа.

*Условие применения исторического
и этимологического принципов в русском правописании*

§ 120. Выше, в § 89, было констатировано, что применение этимологического принципа в русском правописании вовсе не является универсальным и что оно ограничивается некоторыми условиями, которые и надо попытаться выяснить, тем более что те же условия в общем ограничивают применение и исторического принципа в русском языке.

¹ Ср. *пóтом* и *потóм*, *сблòю* и *солòю*, *гóсти* и *гостí* и т. д.

По-видимому, соответственное правило можно сформулировать следующим образом: «Этимологический и исторический принципы могут быть применяемы лишь в тех случаях, когда живые фонетические законы современного русского литературного языка обеспечивают правильность произношения в каждом отдельном случае, несмотря на расхождение его с написанием, и когда, таким образом, эти принципы не мешают правильному чтению». В самом деле, напишем ли мы *боб* или *боп*, *друг* или *друж*, *роз* или *рос* и т. п., произнести русский человек может только „боп, друж, рос“, так как таков живой фонетический закон русского языка. Далее, напишем ли мы *сбруя* или *збруя*, *здрав* или *сдрав*, *пробка* или *пропка*, *молодьба* или *молодьба*, произнести можно только „збруя, здраф, пропка, молодьба“ по тем же причинам. Далее, напишем ли мы *постный* или *посный*, *праздник* или *празник* — для произношения это не играет роли, так как в беглой речи мы во всяком случае склонны сказать „посный, празник“.¹ И далее, напишем ли мы *святой*, или *светой*, или *свитой*, произнести в разговорном стиле (правда, только в разговорном) мы можем только „свитой“, с особым открытым „и“, близким к „э“. Напишем ли мы *калач* или *колач*, *вода* или *вада* и т. п., произносить мы будем „калач, вада“ и т. д., — правда, не потому, что мы не умеем произносить неударенного „о“ (ср. сказанное в § 46), но потому, что мы привыкли не употреблять внутри слов неударенных „о“, а заменять их неударенными „а“.

Само собой разумеется, что выше сформулированное правило только обуславливает возможность применения этимологического и исторического принципов, но отнюдь не обязывает к нему: мы пишем: *где*, *здесь*, *везде* вопреки историческим *кде*, *сдесь*, *весьде*.

§ 121. Необходимо отметить, что выше сформулированное правило может быть понятно во всех конкретных случаях его применения только русским или, вернее, только лицам, вполне владеющим русским языком, так как в другом языке тот или иной фонетический закон может и не действовать. Так, и французы, и англичане, и даже наши ближайшие родные украинцы свободно могут произносить звонкие шумные согласные на конце слов, т. е. выговаривать слова *боб*, *друг*, *роз* с конечными „б, г, з“ и т. п.

¹ Надо оговориться, что пропуск согласных в трудных группах не всегда бывает абсолютно необходим в русском языке: *мука Нестле*, хотя *если*, образовавшееся из *есть-ли*.

Немцы вполне могут произнести *молодьба* с „ть“, а не с „дь“, и т. д. Поэтому для иностранцев (а тем паче для глухонемых) правило предшествующего параграфа может быть в тех или других случаях совершенно непонятно.

§ 122. Наконец, важно отметить и то, что правило это, хотя в общем и справедливое, однако не исчерпывает всех случаев применения исторического и этимологического принципов. Так, многие говорят *молошный*, *скушный*, но вполне могут сказать, а многие и говорят *молочный*, *скучный*. Между тем мы пишем *ч*, а не *ш* на основании этимологического принципа (*сколочен*, *скучен*). Мы пишем этимологически *просится*, *носитя*, выговаривая „проситца“, „носитца“; но мы умеем выговаривать и сочетание „тсь“, не сливая его в „тц“, ср., например, *отсюда*, *отсев* и т. д. Само собой разумеется, что к исключениям из правила § 120 относится и написание *г* вместо *в* в род. падеже ед. ч. мужского и среднего рода прилагательных и местоимений — *злого*, *моего*, *его* и т. д., а также случаи написания двойных согласных вопреки произношению, согласно транслитерационному принципу, когда произношение с двойным согласным вполне возможно, например, *аккорд*, *аллея*, *баллы*, *классы* и т. п.

Таким образом, и это правило оказывается непоследовательно проведенным в нашем правописании.

§ 123. Из правила § 120 вытекает, что этимологический принцип не применяется во всех тех случаях, когда в родственных морфемах наблюдаются чередования звуков, не обусловленные действием живых фонетических законов. Поэтому-то мы пишем *вожу*, а не *воду* и не *вежу* и т. д. (ср. § 116): чередования „е || о“ и „д || ж“ не основаны на живом фонетическом законе.

§ 124. Как это явствует из всего предшествующего изложения и как это там постоянно подчеркивалось, в русском правописании ни один из его принципов не проводится, да по существу и не может быть проведен последовательно до конца. Кроме того, перечисленные принципы часто конкурируют друг с другом, причем ни о какой последовательности и в этом отношении не может быть речи. Таким образом, все русское правописание покоится на ряде компромиссов. А поскольку оно вследствие значительной диалектальной дифференциации русского языка в области произношения не может быть строго фонетическим (по причинам, изложенным в § 82—84), постольку оно и не может не быть компромиссным.

§ 125. Отсюда надо сделать два вывода.

1. Требование научности по отношению к нашему правописанию (а в сущности и шире — по отношению ко всякой орфографии) следует понимать ограниченно: компромисс не осуществляется без некоторого произвола, а произвол несовместим с научностью. Научным наше правописание может быть лишь в том смысле, что самый произвол должен быть максимально сознательным. Иначе говоря, следует сознавать, что в определенных случаях нет достаточных мотивов для признания того или другого написания более правильным, чем другое. Особенно много таких случаев в области применения транслитерационного принципа: в самом деле, почему надо писать *комиссия*, *класс* с двумя *с*, а *адрес* — с одним? Но то же мы имеем и в других областях: в самом деле, как надо писать — *охт-янка* (как *посел-янка*, *гор-янка*), *охт-енка* (по аналогии с установившимся *француз-енка*, *пенз-енка* и т. п.) или *охт-инка* (по аналогии с установившимся *ялт-инка*, *жиздр-инка* и т. п.). Дальнейшие примеры см. в следующем параграфе.

2. Трудность нашего правописания¹ является неизбежной для пишущих,² и сделать его вполне легким и последовательным невозможно по существу дела. Можно устранить только самые вопиющие противоречия и несообразности и до некоторой степени уменьшить тот разноробой, о котором в 1934 г. писал акад. Обнорский в статье «Русское правописание и язык в практике издательства».³ Однако до конца нельзя сделать ни того, ни другого.

§ 126. Общие причины непоследовательности и компромиссности всякой орфографии заложены в природе вещей: все живые языки находятся в непрерывном движении; всякое их правописание, насколько бы ни была рациональна его политика, неизбежно фиксирует некий определенный момент на какой-то более или менее дли-

¹ Впрочем, самые жалобы на трудность нашего правописания, надо сказать, преувеличены: оно не относится, конечно, к самым легким, однако не подлежит ни малейшему сомнению, что правописание, например, английского, французского, датского, португальского и многих других языков неизмеримо труднее русского; что касается немецкого правописания, которое у нас имеет репутацию легкого, то оно едва ли особенно легче русского.

² Трудностям правописания посвящается ниже специальный раздел (см. § 129 и сл.).

³ Изв. АН СССР ООН, 1934, № 6, с. 455—483.

тельный отрезок времени. Два примера сделают это вполне ясным.

1) Несомненно, что отыменные прилагательные, обозначающие материал, из которого предмет сделан, и образованные посредством суффикса *-ан-* (на письме *-ан-* или *-ян-*) с изменением конечного согласного основы, имели в суффиксе одно *н*, какова бы ни была история гласного *а* этого суффикса. Об этом свидетельствуют еще и сейчас такие прилагательные, как *медв-яный*, *сол-яный* (соляная кислота). Однако этот суффикс в неударенном положении стал смешиваться с суффиксом *-енн-* другого происхождения, но тоже относительного, хотя и более общего значения, например в словах *бритв-енный*, *осп-енный*, *болезн-енный* и т. п. Так, мы имеем *солом-енный* вм. старого *соломяный*, *клюкв-енный* вм. ожидаемого *клюквяный* и др.

Вследствие этого двойное *н* стало проникать и в слова на *-аный* — так возникло *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*, которые и утвердились в орфографии. По этому пути идут: *кожанный*, *серебрянный*, *глинянный*, *ветрянный*, *маслянный*, которые произносятся в полном стиле *кожаный*, *глинянный*, *серебрянный*, *ветрянный*, *маслянный*,¹ что, однако, не успело проникнуть в орфографию.

Двойное *н* проникает и в третий суффикс на *н* со сводным значением — *-ин-*. Мы говорим *гостинный двор*, хотя и пишем *гостиный двор*.

Двойное *н*, очевидно как признак прилагательности вообще, проникает далее в прилагательные основы, которые оканчиваются *н*: молодежь говорит *юнный* и т. п.

Что теперь делать? Писать *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный* согласно историческому принципу — значит идти против хода развития языка. Писать *медвянный*, *солянный* — значит предварять события.

2) Другой пример касается отдельного или слитного написания наречий,² происходящих из сочетаний существительного с предлогом. Как таковые они писались когда-то отдельно. Однако уж очень давно наречия *вдоволь*, *искони*, *кстати*, *наконец*, *вместе*, *вокруг*, *слиш-*

¹ В полном стиле также *серебрянный*, *ветреный*, *маслянный*.

² Вопрос этот трактуется во II части книги; однако непоследовательность и компромиссность являются характерными для всего нашего письма во всех его элементах, а потому на него можно сослаться и здесь.

ком и т. п., где мы не ощущаем больше существительного, пишутся слитно. Однако процесс образования новых наречий идет очень быстро, и нет никаких причин, почему бы не писать вместе такие наречия, как *волю, вброд, сплеча, впору* и много других, хотя существительные, от которых они произведены, еще совершенно очевидны. Совершенно непонятно, далее, почему надо писать *впоследствии, вследствие* (у Грота еще раздельно), а *в продолжение* (лета), *в течение* (лета).

§ 127. Уже Грот, покоряясь практике современной ему жизни, освятил своим авторитетом много слитных написаний подобных наречий.* После реформы 1917—1918 гг. число их сильно увеличилось благодаря официальному разрешению писать сложные наречия слитно или раздельно по желанию. И этот поток слитных написаний очень трудно остановить, так как все эти *насмарку, насмерть, наспех, насмех, наотмашь, наотрез, дотла, впрок, впросак, впросонках* и т. д. и т. д. действительно являются словами, а не словосочетаниями и, следовательно, по правилу должны писаться вместе. Грот, вообще говоря, предостерегал против чрезмерного увеличения числа слитных написаний, ссылаясь на то, что это чересчур перегрузит словарь.** Подобное увеличение числа словарных единиц, конечно, вызывает некоторые неудобства для лексикографов; но само собой разумеется, что это несерьезный довод, так как ведь не язык существует для лексикографов, а лексикографы для тщательной регистрации фактов языка — совершенно независимо от того, удобны ли для них эти факты или нет. Неудобство этого роста сложных наречий с точки зрения правописания состоит в том, что это приводит или к большому разнобою в правописании, или к произволу в нормализации раздельных и слитных написаний.

В самом деле, как писать — *впрок* или *в прок*? Во фразе *Вы это в прок накопили?* мы как будто имеем дело скорее с именем существительным, хотя бы и малоупотребительным. Во фразе *Это ему впрок не пойдет* это скорее наречие. В выражении *попасть в просак* мы имеем дело скорее с существительным, хотя слово *просак* и совершенно не известно в литературном языке; *в потьмах*

* Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876², с. 365. (Прим. ред.).

** Там же, с. 362. (Прим. ред.).

(ср. в потемках), в просонках, с просонок следовало бы писать отдельно, так как очевидно, что неупотребительное вне данного сочетания слово *потьмы* = существительному *тьма*, а также неупотребительное *просонки* = существительному *просонье*. Дело в том, что неупотребительность того или иного существительного вне сочетания с предлогом вовсе еще не является доказательством того, что в сочетании с предлогом оно всегда будет наречием: правило, согласно которому подобные сочетания пишутся слитно, совершенно искусственно и существует для облегчения пишущих, чтобы заменить для них существо дела формальным анализом.

Такие сомнения и колебания в анализе подобных выражений обуславливают большой разницей в практике и делают всякие попытки упорядочения правописания в некоторых случаях довольно безнадежными. По-видимому, там, где мы имеем дело с ростом языка и где правописание отражает тонкую игру семантики, приходится допускать произвол пишущего. Необходимо только ограничить число подобных случаев, с одной стороны, и всячески воспитывать языковое чутье обучаемых грамоте — с другой.

Отдельные группы написаний

§ 128. Теперь попробуем пересмотреть в свете выясненных общих положений главнейшие случаи русского письма. При этом я считаю уместным напомнить сказанное в предисловии. Всякий раз, когда будет говориться, что в том или другом случае следует писать не так, как сейчас пишется или как будет писаться при проектируемом упорядочении русского правописания, предлагаемое здесь новое написание отнюдь не следует понимать как элемент какого-либо конкретного проекта реформы нашей орфографии. Дело всегда будет идти лишь о том, как следовало бы писать по-русски, если бы нужно было заново устанавливать наиболее рациональное правописание для русского языка, вовсе не считаясь с существующей традицией. Всякая же практическая реформа орфографии не может не считаться с существующими правописными привычками и должна идти по пути компромиссов между ними и стремлением рационализировать наше письмо для более удобного им пользования.

§ 129. Все затруднительные случаи нашего правописания можно разбить на 4 группы: 1) графические правила; 2) правила написания ударных гласных; 3) правила написания неударных гласных; 4) правила написания согласных.

Г р а ф и ч е с к и е п р а в и л а

§ 130. Поскольку в русском литературном языке твердые „ш, ж, ц, ч“ фонологически не противоплагаются „ш, ж, ц“ и „ч“ мягким, постольку соответственные буквы *ш, ж, ц, ч, щ* не нуждаются в особых определителях: их произношение сполна определяется для букв *ш, ж, ц* как твердое, а для букв *ч* и *щ* как мягкое. Этим прежде всего дается возможность на конце слов и перед согласными не ставить после шипящих никаких определителей, так что можно было бы писать *ноч, моц, леч*, наряду с *меч, плюц* (где отсутствие определителя в действующем правописании вовсе не обозначает твердого произношения), как уже пишем теперь *ночка, почка, мощный*.

Этим дается также возможность перед гласными ставить любой из двух знаков для каждого гласного, а также ставить *и* вместо *ы* и обратно *ы* вместо *и* (поскольку оба этих гласных находятся в функциональной зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного).

Современное правописание и использует эту возможность и пишет после шипящих в силу исторического принципа всегда *и*, а не *ы* (*жир*, а не *жыр*), а также *е*, а не *э* (*шест*, а не *шэст*), обозначая этим былую мягкость всех шипящих, и также в силу исторического принципа, но в силу иной традиции не пишет после шипящих *я, ю*, а только *а, у* (*роца, роцу*, а не *роця, роцю*), т. е. обозначая с современной точки зрения все шипящие как твердые.

Далее, этим дается также возможность использовать определители для непосредственного выражения тех или иных идей согласно иероглифическому принципу, как это и имеет место в нашем современном правописании. Мы пишем *ночь, мощь, рожь, вошь* с *ь* на конце как знаком женского рода и третьего склонения и *меч, плюц, ковш, нож* с отсутствием определителя на конце (что, вообще говоря, является знаком твердого предшествующего согласного) как знаком мужского рода и первого склонения; мы пишем *лечь, стричь* с *ь* на конце как знаком инфинитива; мы пишем *режь, ешь* с *ь* на конце как зна-

ком повелительного наклонения по аналогии с *кинъ, лезъ* и т. п. (в конце концов, если считать семантизованную в этой грамматической категории мягкость конечного согласного основы за особую морфему, то этот случай можно воспринимать и как действие этимологического принципа), мы пишем морфему *ш* в глаголах *несешь, играешь, видишь, дашь, ешь* и т. п. с *ь* на конце как знаком второго лица ед. числа изъявительного наклонения. Мы видим, таким образом, что возможности отступлений от правил русской графики после шипящих используются русским правописанием крайне непоследовательно (поразному на конце слов, перед согласными, перед гласными *и, ы*, перед прочими гласными). С другой стороны — и без особых выгод, обуславливаемых иероглифическим принципом, т. к. во всех вышеперечисленных случаях его применение едва ли особенно помогает узнаванию слова и скорейшему пониманию текста.

§ 131. Поэтому самым рациональным было бы последовательное применение правил русской графики, т. е. трактовка *щ* и *ч* как мягких согласных, а *ш* и *ж* (к этим согласным можно было бы прибавить и *ц*) как твердых со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы писали бы тогда *шар, жар, но чьяшка, пощяда; жэст, шэст*, но *честь, щель; шыр, жыр, но чист, щит; шолк, жолтый*, но *челн, щелка; Шура, жук, но чюрка, щюр; кашка, жажду*, но *ночька, мощный*; и далее в склонении

<i>мечь</i>	НО	<i>ковш</i>	<i>ночь</i>	НО	<i>вош</i>
<i>мечя</i>		<i>ковша</i>	<i>ночи</i>		<i>вшы</i>
<i>мечю</i>		<i>ковшу</i>	<i>ночью</i>		<i>вошью</i>
<i>мечём</i>		<i>ковшом</i>	<i>ночи</i>		<i>вшы</i>
<i>о мече</i>		<i>о ковшэ</i>	<i>ночей</i>		<i>вшэй</i>
<i>мечи</i>		<i>ковшы</i>	<i>ночам</i>		<i>вшам</i>
<i>мечей</i>		<i>ковшэй</i>	И Т. Д.		И-Т. Д.
<i>мечям</i>		<i>ковшам</i>			
И Т. Д.		И Т. Д.			

И, наконец, в спряжении:

<i>шепчю</i>	НО	<i>лижу</i>
<i>шепчеш</i>		<i>лижэш</i>
И Т. Д.		И Т. Д.
<i>шепчют</i>		<i>лижут</i>

Так в окончательной и наиболее рациональной форме был бы разрешен и сложный вопрос об изображении звука „о“ после шипящих, а именно: мы писали бы согласно произношению под ударением *ё* после *ч* и *щ* и *о* после *ж* и *ш*, а в безударных слогах *е* после *ч* и *щ* и *э* после *ж* и *ш*.

§ 132. Единственным рациональным разрешением этого вопроса в рамках современного правописания было бы распространение правила «После шипящих никогда не пишется *я*, *ю*, а только *а*, *у*» вставкой в него букв *ё*, *о*, т. е. оно должно звучать: «После шипящих никогда не пишется *я*, *ю*, *ё*, а только *а*, *у*, *о*».¹

Правило это, однако, вступило бы в конфликт с этимологическим принципом, ибо согласно правилу мы должны были бы писать *щоки*, но *щека*, *шолк*, но *шелка*, *жоны*, но *жена* и т. д., между тем как согласно этимологическому принципу мы должны писать одинаково тождественные морфемы. Существующее правописание в угоду этимологическому принципу пишет *щёки*, *жёны*, *шелк* и т. д. через *е*. Однако при этом оно поступает непоследовательно, ибо основной формой морфемы, по которой равняются другие формы для правописания гласных, является ударенная. В данном случае в угоду историческому принципу современное правописание равняется по неударенной форме морфемы (в связи с этим приходится считать, что в словах *щёки*, *жены* и т. д. мы имеем дело не с буквенной заменой *ё* через *е*, а с настоящим „е“ неударенных форм слова). Кроме того, произношение „шолк, жоны, щоки“ и т. п. фонетически вовсе не обязательно (мы вполне можем в этом положении сказать „шелк, жены, щеки“ и т. п.), и применение в этом случае этимологического принципа противоречит сказанному в § 130. Наконец, с другой стороны, последовательное проведение этимологического принципа, как всегда, встречает затруднения в определении степени очевидности этимологии. Действительно, неясно, например, насколько мы воспринимаем слово *чолка* как производное от *чело* или слово *шорох* как этимологически связанное с *шероховатый*.

¹И в соответствии с разъяснениями § 130 полностью правило должно звучать: «После шипящих никогда не пишется *я*, *ю*, *ё*, *э*, а только *а*, *у*, *о*, *е*». С явной непоследовательностью, ибо *а*, *у*, *о* — знаки твердости предшествующих согласных, а *е* — знак их мягкости.

§ 133. Другое радикальное и тоже рациональное в смысле последовательного решения вопроса состояло бы в том, чтобы согласно историческому принципу после шипящих вовсе не писать *о*, а только *е*. Мы писали бы тогда *шалашем, плече, свеже, горяче, трущеба, шерох, челн* и т. п. Однако здесь мы опять-таки непоследовательны, т. к. если суффиксальная морфема вообще начинается с гласного „о“ под ударением, то мы и после шипящего пишем *о*: поскольку мы имеем *стол-ом, сукн-ом* и т. д., мы пишем *шалаш-ом, плеч-ом* и т. д. В конце концов, это было бы не хуже, чем обычное неразличение *е* и *ё* после других согласных, где мы не отличаем *крестный* (ход) от *крѣстный* (отец), *современный* от *совремѣнный*, *мел* от *мѣл*, *сел* от *сѣл*, *все* от *всѣ* и так далее без конца. Однако, несомненно, как это было сказано в § 62, это большой недостаток нашего правописания, затрудняющий быстрое узнавание и не омонимичных слов. В написании *о* после шипящих нужно видеть естественное стремление различать „о“ и „е“ хотя бы после шипящих, не прибегая к букве *ё*. Поэтому возврат к правописанию через *е* был бы решительным шагом назад. Все сказанное о шипящих целиком относится к „ц“, которое не имеет мягкой параллели в русском языке.

Графические орфограммы

§ 134. Возможностей отклонений от правил графики имеется больше всего после шипящих „ж, ш, ч“ (а в написании и после буквы *щ*) и свистящего „ц“. Дело в том, что, как это было сказано в § 37, в русском литературном языке нормально известны только твердые „ж, ш, ц“ (см., однако, сказанное в § 38) и только мягкое „ч“, а потому соответственные буквы *ж, ш, ч, щ* и *ц* собственно не нуждаются ни в каких определителях, так что эти последние могут быть после них использованы для других целей, согласно разным орфографическим принципам.

По правилам русской графики надо было бы писать в конце слов и перед согласными мягкий знак после *ч* и *щ* и ничего не писать после *ж, ш, ц*, т. е. писать *мячь, мечь, плющь, ночь, мощь, лечь, стричь, стричься, ночька, ручькой* и т. д., но *рож, тиш, еш, реж, видиш, лиш, виш* и т. п.; *кашка, важный*. Перед гласными надо было бы писать *чя, щя, чю, щю, че, ще, чё, щё, чи, щи* и *ша, жа, ца, шу, жу, цу, шэ, жэ, цэ, шо, жо, цо, шы, жы, цы*, т. е.

писать *чяша, пощяда, чюдо, щюка, честь, щель, чёлка, щёлка, чистый, щи, шаг, шар, цапля, Шура, жук, цугом, шэст, жэст, жыр, цырк, цэнь, цэна, шов, жолудь, кольцо, шоколад, жокей.*

Указанная же выше особенность русских согласных „ш, ж, ц, щ, ч“ делает возможным правило исторического правописания: «После *ж, ч, ш, щ, ц* не пишется *я, ю, с* одной стороны, и *э, ы* — с другой» (об *э*, однако, обыкновенно не говорится ввиду редкости его употребления вообще), а пишется всегда *а, у, е, и*. Однако после *ц* *ы* все же пишется всегда в окончаниях и в суффиксах (*огурцы, курицын*), а также в некоторых корнях, ощущаемых обруселыми (в словах, ощущаемых иностранными, — а таких большинство, — пишется *и*). Уже в этих правилах мы видим большую непоследовательность: с одной стороны, мы изображаем „ч“ и „щ“ как твердые (после них ставятся буквы *а, у*), с другой стороны, „ш, ж“ и „ц“ — как мягкие (после них пишем *е, и*), причем относительно буквы *ц* это проводится опять-таки непоследовательно. Далее, перед согласными (кроме „*ј*“) мы не изображаем твердости или мягкости шипящих и пишем *ночка, ручной, мощный*, как *пушной, кожный, лацкан*. Однако *стричься, улечься* — по аналогии со *стричь, лечь*. Зато перед „*ј*“ мы пишем всегда *ь* согласно историческому принципу: *ночью, мощью, рожью, шью, медвежья* и т. д. Последовательность здесь требовала бы введения нейтрального отделительного знака, хотя бы в виде апострофа, т. е. следовало бы писать: *ноч'ю, мощ'ю, рож'ю, ш'ю, медвеж'я* и т. д. На конце слов, вместо того, чтобы, пользуясь особенностями наших шипящих, не ставить после них никаких определителей, мы изображаем то мягкость, то твердость шипящих (однако не *ц*, после которого никогда не пишется *ь*) согласно иероглифическому принципу и пишем *ночь, рожь* и т. п. как существительные женского рода третьего склонения и без *ь мяч, нож* и т. д. как существительные мужского рода первого склонения; пишем *режь, ешь* и т. д. как повелительное наклонение (ср. *кинь, встань* и т. д.) и т. под.

§ 135. Больше всего затруднений вызывает изображение звука „о“ после шипящих. Последовательность требовала бы простого распространения вышеприведенного правила правописания гласных после шипящих прибавкой буквенной пары *ё/о*, т. е. правило должно было бы звучать: «После шипящих и „ц“ никогда не пи-

шется *я, ю, ё, ы*, а пишется *а, у, о, и*». Так и пишем действительно *чопорный, чокаться, чохом, Щорс*, и некоторые другие, так же как и *шорох, жох*.

Однако поскольку в русских словах всякое „о“ после шипящих и „ц“ происходит из старого „е“, постольку в большинстве относящихся сюда случаев пишется согласно историческому принципу *е*, но *е* равное *ё* (т. е. *е* с подразумеваемыми двумя точками над ним), а не настоящее *е*, какое мы имеем в *чернь, шест, церковь* и т. п. Так, мы пишем *жесткий, желтый, четки, четкий, шелк* и многое другое. Но здесь наблюдается большой разницей: пишут и *жорнов* и *жернов*, и *жолудь* и *желудь*, и *шопот* и *шепот*, и *чоботы* и *чеботы*, и *чорт* и *черт* и т. д. и т. д. С одной стороны, имеется тенденция писать *о* повсюду, где оно произносится. Так как „о“ из старого „е“ получилось только под ударением, то буква *о* являлась бы в этих случаях и знаком ударения, что, конечно, облегчало бы чтение, отличая на письме *жоны* от *жены*, *щоки* от *щеки*, *чорта* от *черта* и т. п. (ср. сказанное в § 62). Это, конечно, тоже облегчило бы изучение русского языка (как и введение буквы *ё* вообще, ср. сказанное в § 75), а нам, русским, — чтение незнакомых собственных имен и географических названий. Здесь сказываются, между прочим, иероглифические тенденции. Грот прямо говорит, что *о* ставится после шипящих из желания обозначить различный выговор таких слов, как *чорт* и *черт* (от *черта*), *шесть* и *сам-шост*, *душенька* и *душонка* (см. Русское правописание, § 40).* С другой стороны, утверждению, казалось бы, простого правописания через *о* мешает этимологический принцип, в силу которого одна и та же морфема должна во всех случаях сохранять единое написание: писать по-разному *жена* и *жоны*, *щека* и *щоки*, *шопот* и *шептать*, *жолуди* и *желудей* и т. д. как будто противоречит основным русским правописным правилам, хотя уединоображение написания идет здесь и в обратном привычному направлении (а именно — ударенные формы пишутся по неударенным) (ср. § 133).

Этими — т. е. этимологическими — соображениями, вероятно, объясняется, почему действительно никто не пишет *жона*, *щоки*, *жордочка* (при *жердь*), *шорстка* (при *шерсть*) и т. п. Наконец, тот же этимологический принцип приводит и к утверждению написания *о* под ударением

* Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885. (Прим. ред.).

после шипящих и „ц“ в суффиксах и окончаниях, если последние начинаются с „о“ после твердых нешипящих согласных. С другой стороны, именно отсутствием ясных этимологических связей с формами со звуком „е“ объясняются более или менее утвердившиеся написания *чопорный, чокаться, шорох, чолка* (в последнем связь с *чело* во всяком случае не очевидна). Далее, *плечо, кольцо* (потому что *окно* и т. д.), *горячо* (потому что *зло, коротко*), *крючок, свечою, душою, мешок* (потому что *трубою, колок, молоток*), *купцов, молодцов* (потому что *домов, кустов*) и т. п. Между прочим, и *трущоба* по аналогии с *утроба, худоба*, хотя этимология слова *трущоба* (т. е. наличие в нем суффикса *-оба*) и представляется неясной.

Поскольку во всех этих случаях безударные суффиксы и окончания после мягких согласных начинаются на „е“ (*море, синего, дынею, банею* и т. д.), постольку они и после шипящих и „ц“ пишутся через *е*: *текучего, кожею, горцев*, а следовательно, и *танцевать, гарцевать, вальцевать, как ночевать, свежевать*, хотя нужно сказать следующее: правило писать после шипящих и „ц“ *

Таково безнадежно запутавшееся в противоречиях положение вопроса об изображении звука „о“ после шипящих и „ц“.

§ 136. Если конкретизовать правило § 120, то окажется, что исторический и этимологический принципы применяются в следующих случаях:

1. При написании всех неударенных гласных, кроме гласного „у“. Примеры: в слове *родовой* пишем в первом слогe *о* по аналогии со словом *род*, во втором слогe тоже *о* по аналогии с ударенным суффиксом *-ов-* в словах *медовый, крот-овый* и т. п.; в слове *бытовой* пишем *ы* в первом слогe по аналогии со словом *быт* и *о* во втором по тем же причинам, что и в слове *родовой*; в слове *глядеть* пишем в первом слогe *я* по аналогии со словами *глянуть, взгляд*, в слове *рябина* в первом слогe пишем *я* по традиции, так как связь с *ряб-ой*, если она и была, вовсе не очевидна сейчас; в слове *пирог* пишем *и* по традиции, а в слове *пировать* — по аналогии со словом *пир* и т. д. и т. д. Что касается *у*, например в словах *сурок, удоб, сурьма* и т. д., то оно пишется на основании фонетического принципа и не требует ни исторических, ни этимологических оправданий: слово *муравей* пишется так даже во-

* В рукописи продолжения нет. (Прим. ред.).

преки историческому принципу, ибо оно писалось *морей*.

В методике правописания эти гласные называются сомнительными. Этот термин надо понимать в том смысле, что приходится сомневаться, какой буквой следует изображать эти гласные (со стороны произношения они в разговорном стиле бывают редуцированными в определенном положении и в таком случае могли бы тоже называться сомнительными; однако это было бы справедливо лишь для этих положений: неударное „а“ в словах *сады*, *огороды* и т. п. не вызывает никаких сомнений).

2. При написании всех шумных согласных в положении на конце слова, а также перед другими шумными согласными, кроме „в“, причем выбор может быть лишь между глухой и звонкой параллелями соответствующего звука. Примеры: *сноп* пишем через *п*, а *боб* через *б*, хотя последнее слово произносится тоже „боп“, так как, с одной стороны, говорим „снопы“, а с другой — „бобы“, слово *просьба* пишем через *с*, хотя произносим „прозьба“, а *пробка* через *б*, хотя произносим „пропка“; в *сбруя* пишем *с* по традиции вместо произносимого „з“ (в слове же *здрав* пишем фонетически *з* вместо исторического *сдрав*). В методике все эти согласные также называются сомнительными, и в том же смысле (о сомнительности с точки зрения произношения не может быть и речи).

3. При передаче шипящих перед шипящими.

4. При передаче всех согласных, кроме „л“ и „ль“, перед мягкими согласными.

5. При передаче звуков „ц“ и „ч“ и групп „тц, цц, тч, чч“.

6. При передаче групп согласных, которые могут быть перечислены и в которых могут оказаться так называемые «непроизносимые согласные». Так, произношению „косный“ может отвечать написание *косный* при краткой форме прилагательного *косен*, а может отвечать и написание *костный* — слова, произведенного от *кость*; произношение „послать“ может отвечать написанию *послать* при несовершенном виде *посылать* и написанию *постлать* при несовершенном виде *постилать*.

ТЕОРИЯ НЕБУКВЕННЫХ ЗНАКОВ РУССКОГО ПИСЬМА

§ 137. Сделать теорию небуквенных знаков русского, как впрочем и любого другого, письма представляется делом крайне трудным, ибо система этих знаков возникла стихийно и, строго говоря, никакой единой теории не лежит в ее основании. Поэтому мне представляются, между прочим, совершенно бесплодными все споры о том, на чем построена система русской пунктуации, на грамматике или на интонации.

§ 138. Дело осложняется еще и тем, что большинство небуквенных знаков письма, как мы это видели, действительно так или иначе связано с ритмикой и интонацией в самом широком смысле этих терминов.

Между тем эта сторона русского языка до сих пор почти что не изучена. Кое-что по этому вопросу, впрочем совершенно кустарное, имеется в литературе по декламации и выразительному чтению. Пешковский пытался, используя эти данные, создать некоторую, основанную на интонации, теорию русской пунктуации в своей статье «Знаки препинания и научная грамматика», напечатанной в его книжке «Школьная и научная грамматика», которая вышла вторым изданием в 1918 г. Но, конечно, это еще только начало дела.

§ 139. Изучение же ритмики и интонации, в свою очередь, сильно затруднено тем, что они не имеют систематического отражения на письме. Действительно, наше письмо далеко не выражает всего того, что вполне четко выражается живым языком. Фраза *Наша бригада вчера отличилась*, будучи написанной, может соответствовать разным фактам живого языка, которые будут иметь разное значение в зависимости от места логического ударения: она может обозначать, что *Наша бригада вчера действительно отличилась*; может обозначать, что именно *Вчера*

отличилась наша бригада; может обозначать, что именно *Наша бригада* вчера отличилась, и т. д. Повелительное наклонение *Принесите* в написанном виде может выражать и приказание, и просьбу, и мольбу. В живом языке это будет совершенно четко выражено соответствующей интонацией. Обращение (звательный падеж), например, *Иван Иванович!* может выражать в зависимости от интонации и тембра голоса и ласку, и порицание, и угрозу, и просьбу, и многое другое. Подобных примеров можно привести очень много.

§ 140. Типология этих интонаций, этих тембров голоса и ритмических фигур в связи с их функцией, как это уже сказано, не только не выяснена, но в сущности не поставлен даже вопрос о самой возможности такой типологии. В самом деле, возможно ли создать своего рода [список] интонаций (понимая это слово в самом широком смысле) русского языка? Или это предприятие принципиально невозможно в виду отсутствия четких противоположений в этой области. Я полагаю, что эта задача не невозможная, хотя и трудная.

§ 141. Трудность задачи, я думаю, зависит от того, что интонационные единицы (фонемы своего рода), с которыми приходится в данном случае оперировать, оставаясь самими собой с фонологической точки зрения, в речи оказываются еще более изменяемыми в зависимости от конкретных условий их проявления, чем это видим у фонем. Так, например, если конец фразы характеризуется понижением тона, а вопросительная интонация — повышением тона, то вопросительная интонация в конце фразы может оказаться фактически понижающейся, но не так, как это имело бы место при повествовательной интонации (таково положение вещей, по-видимому, во французском языке, ср. мою фонетику французского языка, § 198*), и мы можем таким образом утверждать, что «вопросительной фонемой» является все же повышение тона.

§ 142. Кроме того, возможно, что некоторые «интонационные фонемы» окажутся, если можно так выразиться, «скользящими», в том смысле, что каждая из них будет единой цепью количественных оттенков между двумя противоположностями как в области семантики, так и в области соответственных выразительных средств. Так,

* Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Л., 1939². (Прим. ред.).

Возможно, что такой «скользящей» фонемой является, например, нежная интонация, нежный тембр голоса и что какое-либо имя может быть произнесено с различными степенями нежности в голосе, начиная от неподчеркнутого безразличия (подчеркнутое безразличие, по-видимому, имеет свою выразительную интонацию), переходя через разные степени ласковости и кончая максимальной нежностью.

§ 143. Тот факт, что человечество весьма медленно приходило к фонетическому письму, в основе которого лежит ведь типология звуков нашего языка, говорит о том, что выяснение этой типологии, иначе говоря, фонетический анализ языка, — дело очень трудное. Это вполне подтверждается той лингвистической работой, которая проводится у нас в Союзе по созданию алфавитов для бесписьменных народов и по их реформе у народов со старой письменностью. Несмотря на сравнительно высокий уровень наших лингвистических знаний, дело подвигается весьма медленно и не может еще считаться вполне законченным. В первой части книги мы видели, что и для русского языка могут быть затруднения в этой, казалось бы, достаточно обследованной области. Но тогда как для фонетического письма инвентаризация фонем хотя бы в самой грубой форме была совершенно необходима, этого никак нельзя сказать про инвентаризацию интонаций (понимая под этим все, что не является отдельной фонемой): абсолютно необходимой является лишь точка или ее разнообразнейшие эквиваленты. Если некоторые языки, как например семитские, обходятся без обозначения гласных,¹ то тем более можно обходиться почти без всякой пунктуации, как это и имеет место в целом ряде письменностей: контекст оказывается в той или другой степени достаточным для понимания смысла написанного.

§ 144. Кроме того, у многих культурных народов письменный язык, не переставая, конечно, быть функцией устного, тем не менее в той или другой мере разошелся с этим последним, как бы отдифференцировался от него. В частности, он не использует многих его выразительных средств, в связи с чем не имеет и способов их обозначать.

¹ Возможность этого принципа обуславливается, — отнюдь, однако, не оправдывается, — исключительно грамматической, а не семантической функцией гласных в этих языках.

Так, расчет на логическое ударение обнаруживает неопытного или небрежного стилиста.

В вышеприведенной фразе *Наша бригада вчера отличилась* логическое ударение на первом слове (*наша*) должно быть выражено в письменном языке особым словечком — это: *Это наша бригада вчера отличилась*. Логическое ударение на слове *вчера* в письменном языке выражается порядком слов: *Наша бригада отличилась вчера*. Так, приказания, просьбы, мольбы в письменном языке выражаются специальными ремарками: *принесите, приказал он (просил он или умолял он)*. Разные интонации при обращении тоже будут выражаться специальными ремарками, вроде *ласково окликнул он, укоризненно промолвил он, сказал он, и в тоне его послышалась угроза* и т. п. Разделение предложения на две части, из которых первая является психологическим подлежащим, а вторая — психологическим сказуемым, очень удобно выражается в устном языке специфической интонацией, которая на письме изображается посредством тире. Однако, в строгом стиле письменного языка подобное тире считается неуместным, и разделение обыкновенно выражается другими средствами.

Так, фразу Чехова *Я вас спрашиваю: рабочим — нужно платить?* можно переделать следующим образом, сохраняя даже разговорный стиль: *Я вас спрашиваю: рабочим-то платить ведь нужно?* Фразу *Мне — ничего не надо* — с такой именно интонацией в строгом стиле следует переделать так: *Что касается меня, то мне ничего не надо*.

§ 145. Резюмируя все вышесказанное, вполне можно утверждать, что отсутствие инвентаря значащих интонаций в русском языке вполне объясняется, с одной стороны, трудностями самого дела, а с другой — отсутствием достаточно сильных практических стимулов для этого предприятия.

Что какая-то типология интонаций все же возможна, умозаключаю, между прочим, из того, что их отдельные типы понемногу выясняются в разных языках. Так, во французском языке различили теперь три типа «ударения» с различными функциями: ритмическое, эмоциональное и «логическое», не совпадающее, однако, с русским логическим (подробнее об этом см. мою «Фонетику французского языка»).

В русском языке, как мне кажется, я сумел различить следующие типы «ударения», тоже, конечно, с разными

функциями: словесное, фразовое (на конце синтагм), логическое и эмфатическое, характеризующееся приближением к полному стилю произношения, и т. д.

Пока, однако, нет полной типологии таких интонаций, до тех пор нельзя до конца понять существующую систему нашей пунктуации, ни тем менее пытаться построить рациональную теорию небуквенных знаков вообще.

§ 146. Чтобы хоть немного все же разобраться в путанице всяческих правил нашей пунктуации, следует стать на практическую точку зрения и спросить себя, что нужно добавить к более или менее длинному тексту, записанному, в основном, фонетическом письме, для того, чтобы облегчить его чтение и понимание, если он написан сплошь без всяких делений, как это несомненно имело место в начале письменности и как это мы имеем, до некоторой степени, и сейчас, например, в арабском письме.

Совершенно очевидно, что для этого самым необходимым было отмечать смысловое членение данного текста. Но с какой стороны подходили к этому членению — непосредственно со смысловой или через посредство его звукового выражения? Несомненно, что в разных условиях это было по-разному. Как и сейчас, при чтении про себя звуковая сторона у вполне грамотного человека, вероятно, играла минимальную роль и знаки делимости текста воспринимались непосредственно в их смысловом значении. Совсем другое дело было при чтении вслух, например, церковных книг во время богослужения или различного рода официальных документов при судоговорении и т. п.

Наш современный опыт подсказывает, что в этих случаях читающий редко до конца осмысливает текст и знаки делимости текста воспринимает как фонетические сигналы способа его произношения. При переписке текстов, которая до изобретения книгопечатания играла громадную роль в деле развития письма, очевидно, тоже было два сорта переписчиков: одни списывали букву за буквой, а потому знаки делимости текста не воспринимали ни как фонетические, ни как смысловые; другие же переписывали, читая переписываемое вслух или шепотом и, конечно, по смысловым частям — синтагмам. Как происходило дело при творческом письме, сейчас это трудно себе представить с достаточной уверенностью, но подобное письмо, конечно, далеко не играло той роли, которую оно играет сейчас.

§ 147. Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что все наши так называемые знаки препинания в своей основной функции возникли из потребности обозначить членение речи. В настоящее время знаками членения по преимуществу являются, кроме скобок, имеющих своеобразную функцию, красная строка, точка, точка с запятой и запятая, причем прописная буква, как знак исторически связанный с красной строкой, является в настоящее время вспомогательным знаком точки, ставящимся не в конце отделяемого члена, а в его начале. Знаки вопросительный и восклицательный, а также многоточие имеют ту же основную функцию, что и точка. Двоеточие — ту же, что точка с запятой, а тире — ту же, что и запятая. Отличием всех этих знаков от точки, точки с запятой и запятой являются разные дополнительные функции, о которых будет сказано ниже.

§ 148. Русская пунктуация, как и русское правописание, развивалась совершенно стихийно, и в настоящее время в конце концов остается неясным, что собственно она призвана выражать — непосредственно идеи или те или другие средства выражения этих идей. Трудность вопроса усугубляется еще тем, что разные средства выражения на практике нередко противоречат друг другу: союз *что* сигнализирует нормально новую мысль, однако во фразе *Зная, что брат уехал, я отправился на хутор* *зная, что брат уехал* представляет собою интонационно единое целое, выражающее одну мысль. Другой пример: во фразе *Я приехал в Киев вчера* порядок слов указывает на слово *вчера*, как на психологическое сказуемое; однако если сделать логическое ударение на *Киев*, то психологическим сказуемым будет это последнее. Подобных примеров можно приводить множество, они всем известны.

§ 149. Посмотрим, прежде всего, какие идеи могут выражаться так называемыми знаками препинания в русском языке.

Во-первых, они могут выразить семантическое единство, т. е. единство слова. Для этого служат, с одной стороны, пропуски между словами, а с другой стороны, так называемая черточка, или дефис, соединяющая два слова в одно: *женщина-врач, красавица-зорька, какой-нибудь* и т. д.

Во-вторых, знаки препинания могут выражать синтаксические единства разных порядков — более мелкие и более крупные. Первые выражаются запятой, чертой.

Вторые выражаются точкой, абзацем. И те и другие могут выражаться скобками, точкой с запятой, двоеточием, знаками вопросительным и восклицательным. Примеры излишни, так как все это общеизвестно. Иначе говоря, указанные знаки служат для выражения расчлененности более сложных мыслительных единств.

В-третьих, знаки препинания могут выражать общий характер синтаксических единиц, так называемый повествовательный (точка), вопросительный (знак вопроса), эмоциональный (разного содержания — знак восклицательный, многоточие).

В-четвертых, знаки препинания могут выражать отношения между синтаксическими единствами. Таковы двоеточие, черта, скобки, запятая, точка с запятой.

В-пятых, знаки препинания могут выражать и некоторые другие идеи, как например обозначать те или другие слова. Далее, надо подчеркнуть, что большинство этих идей так или иначе выражаются в языке и притом не обязательно интонационными средствами, а и служебными словами или грамматическими формами и, наконец, порядком слов. Так, вопрос может, между прочим, выражаться вопросительными словами с фразовым ударением на них: *Какую гадость вам устроили? Как ты пишешь?* Удивление (восхищающее или порицающее) может выражаться теми же вопросительными словами с ударением на одном из других слов предложения: *Какую гадость вам устроили! Как ты пишешь!* Во фразе *Мы еще не можем сказать, состоится ли завтра общее собрание* косвенный вопрос выражен словечком *ли* в соединении с отсутствием заключительной интонации перед словом *с ли*. Однако во фразе *Я очень хотел бы узнать, куда они ходят* косвенный вопрос выражен не только вопросительным словом *куда* в соединении с отсутствием заключительной интонации перед ним, но и словесным ударением на этом самом вопросительном слове. Четкое противоположение двух идей во фразе *Все это конечно очень неприятно, но это совершенно необходимо* выражается словом *но* в соединении с отсутствием заключительной интонации перед ним. Во фразе *Уйди он, мне было бы легче* отношение условия и следствия выражается формой повелительного наклонения в первой синтагме в соединении со своеобразной интонацией.

§ 150. Только по интонации, не нашедшей себе отражение на письме, мы отличаем точки, разделяющие само-

стоятельные предложения, которые входят в состав единого целого, от точки, стоящей в конце этого целого. Такой случай мы видим, например, в следующей фразе из «Капитанской дочки» Пушкина: «Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток».

Только по интонации можно отличить слова в роли модальных определителей при психологическом сказуемом от тех же слов в роли модальных определителей при всем высказывании, когда они легко образуют отдельную синтагму: во фразе *По-видимому, все деньги потрачены* с логическим ударением на слове *все* слово *по-видимому* относится только к этому последнему, а не составляет особой синтагмы, причем смысл всей фразы будет состоять в том, что часть денег несомненно потрачена, а вопрос только в том, все ли они потрачены или не все. Точно так же *по-видимому* не составляет особой синтагмы и во фразе *Все деньги, по-видимому, истрачены*, относясь к слову *истрачены*. Однако если в первой фразе вовсе не будет логического ударения, то *по-видимому* будет относиться ко всему целому и окажется особой синтагмой.

При этом и во втором, и в третьем случае смысл фразы будет состоять в том, что либо все деньги потрачены, что вероятнее, либо ничего не потрачено (возможность, что истрачена лишь часть, не отрицается, но на нее и не указывается). Таким образом, на практике если во втором случае ставить запятую, то ее отсутствие в первом будет равносильно логическому ударению на *все*.

§ 151. На основании всего сказанного, а также на основании приведенных примеров, можно сформулировать следующие общие положения:

1. Так называемые знаки препинания нужны на письме везде там, где сообщаемое выражено в языке хотя и точно, однако не словами, и не грамматическими формами, и не порядком слов.

2. Особенно нужны знаки препинания в тех случаях, когда интонационные (в широком смысле) средства выражения идут вразрез с лексическими и грамматическими.

3. Знаки препинания не нужны для всех тех категорий случаев, когда подлежащее может быть выражено лексическими и грамматическими средствами, в результате стилистической переработки соответствующего текста (примеры см. выше в § 144).

4. Знаки препинания не нужны в тех случаях, когда они чересчур конкретизируют мысль и, таким образом, мешают письменному языку выразить ее в более обобщенной форме, чем это возможно в устном языке.

Примеры из «Капитанской дочки».*

5. Знаки препинания менее нужны в тех конкретных случаях, когда сообщаемое не имеет специального выражения, легко может быть дополнено из контекста.

§ 152. Несомненно, что в письменном языке, который допускает очень длинную связную «речь» (иногда в несколько томов), самыми важными знаками являются знаки членения этой речи. Несомненно, что и исторически пунктуация в большинстве случаев начиналась со знаков членения. Русское название — знаки препинания — указывает тоже на членение речи как на основную функцию пунктуации.

В этом плане наши тома, части, главы, разделы, отмечаемые иногда двумя-тремя звездочками или горизонтальной чертой на середине страницы, — все это своего рода знаки препинания. Далее идут красная строка и точка, соединенная с большой буквой в начале продолжения речи. При этом точки разделяют друг от друга вполне самостоятельные мысли, а красные строки — связанные по смыслу ряды таких мыслей.¹

Противоположение этих знаков не имеет четкого выражения в языке. Однако, по-видимому, в большинстве случаев красная строка сопровождается переменной тона или ритма, свидетельствующих о начале нового ряда мыслей.

«Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но все же не мог не трепетать, воображая опасность её положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, что-де великий государь требует тебя к себе» («Капитанская дочка», гл. VII).

«Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Пётра!

* Что имел в виду Л. В. Щерба, неясно. (Прим. ред.).

¹ Интересно отметить, что и семантически и материально красная строка и точка с традиционной большой буквой, по-видимому, дифференцировались из одного знака.

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье. . .
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье».

(«Медный всадник»)*

В роли точки могут выступать знаки вопросительный и восклицательный и многоточие, имеющие каждый еще и свои добавочные значения.

В роли точки может, кроме того, выступать точка с запятой; она заменяет первую в тех случаях, когда несколько отдельных самостоятельных мыслей образует не просто последовательный ряд, а более тесное единство. Вместо точки с запятой может употребляться двоеточие, имеющее еще свои добавочные значения.

Далее, специально знаками членения являются скобки со строго определенным значением и тире — с довольно расплывчатым.

Что касается запятой, то хотя она в русской пунктуации играет роль знака членения речи (какой по преимуществу она является во французской пунктуации), однако у нас она так многозначна и употребление ее является таким путанным и непоследовательным, что о ней надо говорить совершенно особо. Между тем на заре нашей письменности, по-видимому, был знак (материально это по большей части были точки), который обозначал самое мелкое членение нашей речи на синтагмы.

* Примеры в рукописи отсутствуют. (Прим. ред.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие редактора	3
Предварительные замечания	7
Главные стадии развития человеческого письма и основной характер русского письма	7
Основное деление книги	9
Часть I. Значение и употребление букв русского алфавита . .	12
Графика и правописание	12
Семантизация звуковых различий	16
Научная фонетическая транскрипция	19
Разные стили произношения	21
Отношение между письмом и орфоэпией	23
А. Русская графика, или теория русского алфавита	29
1. Звуковые средства русского языка	29
Слоговое строение	29
Словесное ударение	33
Длительность отдельных звуков	35
Звуковой состав русского литературного языка (список фонем)	36
Замечания к списку фонем русского литературного языка	38
Согласные фонемы	38
Фрикативное „г“	38
Фонема „j“	38
Твердые и мягкие согласные	39
Фонемы „ш, ж, ц, чь“	42
Фонемы „кь, гь, хь“	45
Мягкость и твердость согласных перед мягкими	46
Гласные фонемы	49
[Сочетания с предшествующим мягким согласным]	49
Фонема „ы“	52
[Фонема „о“]	54
[Варианты ударенных гласных]	54
Неударенные гласные	56
2. Русский алфавит	62
3. Правила изображения фонем русского языка буквами русского алфавита	64

Правила изображения согласных фонем	64
Изображение твердых и мягких согласных	65
Правила изображения фонемы „j“	71
Правила изображения гласных фонем	76
Правила изображения длительности звуков	78
Правила изображения слогового строения	79
Правила изображения ударения	79
Заключение	80
4. Правила чтения русских букв	85
Б. Русское правописание и его принципы	86
Общие положения	86
Фонетический принцип правописания	87
Исторический, или традиционный, принцип	91
Транслитерационный принцип	97
Этимологический принцип	101
Иероглифический принцип	107
Опасности омонимии в правописании вообще и в русском в частности	108
Условие применения исторического и этимологического принципов в русском правописании	108
Отдельные группы написаний	114
Графические правила	115
Графические орфограммы	118
Часть II. Теория небуквенных знаков русского письма	123

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

**117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12.
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;**

**197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7.
Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»,**

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);**
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;**
- 320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);**
- 734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);**
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;**
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;**
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;**
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 2;**
- 252142 Киев, пр. Вернадского, 79;**
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);**
- 277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);**
- 343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;**
- 660049 Красноярск, пр. Мира, 84;**
- 443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);**
- 191104 Ленинград, Литейный пр., 57;**
- 199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;**
- 199034 Ленинград, 9 линия, 16;**
- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);**
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;**
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;**
- 630076 Новосибирск, Красный пр., 51;**

- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
- 142292 Пушкино Московской обл., МР «В», 1;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
- 720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
58	8 сверху	„с ^н эно“	„с ^н эна“
»	» »	„л ^н это“	„л ^н эта“
82	21 снизу	„јих, мају“	„јих, маји“
»	22 »	„п ^н осьју“	„п ^н осьји“

Л. В. Щерба

55 к.

«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ